Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 13—14 31 ИЮЛЯ № 13—14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая. — После пленума ЦК ВКП(б) 3

Лапинский, П.—„Социальное государство". Этапы и тенденции развития 9

Бауман, К. — Уроки хлебозаготовок 38

Сейгель, Б. — Развитие нац.-револ. движения и борьба за гегемонию в индийской революции (в порядке обсуждения) . 49

Новиков, И. — Самокритика, борьба с бюрократизмом и растратами, рационализация потребкооперации 72

Ротштейн, А.—Полевение рабочих масс Англии и положение рабочей партии на выборах 85

Дискуссионный отдел.

Зданович, С.—Еще раз о сельсоветах и земельных обществах 94

Струмилин, С.—К дискуссии о пятилетке Госплана (ответ тов. Мотылеву) 109

Шацкин, Л.—Замечания к проекту программы Коминтерна . 117

Критика и библиография.

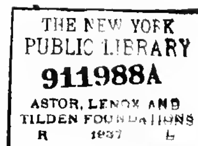
Браславский, И.—„Ораторы революции. Роза Люксембург" 130

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—18585 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

После пленума ЦК ВКП(б).

Только-что закончившийся пленум ЦК ВКП(б) обсудил три важнейших группы вопросов: 1) вопросы VI конгресса Коминтерна; 2) итоги хлебозаготовительной кампании истекшего хозяйственного года (в связи с общим хозяйственным положением и ближайшими задачами социалистического строительства) и 3) задачи улучшения подготовки новых кадров специалистов для нашей промышленности, во всей остроте поставленные шахтинским делом.

Пленум заслушал доклады о положении заграничных компартий и о проекте программы Коминтерна. За 4 г., протекшие с V конгресса, мы имеем значительное расширение и углубление международного коммунистического движения, распространение его на новые страны и даже материки (Южная и Центральная Америка, некоторые страны азиатского континента и т. д.), превращение сравнительно небольших коммунистических групп в массовые партии в целом ряде стран (Китай, отчасти Япония), укрепление и значительные достижения в области большевизации компартий в главнейших странах капиталистической Европы (Франция, Германия, Польша). Стоит только вспомнить, что всего четыре года назад V конгресс Коминтерна мог выставлять лозунг соединенных штатов Европы, чтобы понять, насколько коммунистическое движение в то время было еще ограничено европейскими рамками и насколько далеко теперь, особенно после развертывания китайской революции, мы от этого ушли.

Проект программы Коминтерна, рассмотренный пленумом ЦК ВКП(б) и в настоящее время рассматриваемый VI конгрессом Коминтерна, дает обобщение грандиозного опыта мирового революционного и коммунистического движения в прошлом и настоящем, учитывая все конкретное своеобразие различных стран, степень их экономического развития, политические особенности и т. д. и намечая конкретную программу действий для всех партий.

Такая программа, теоретически обоснованная в духе марксизма и ленинизма, особенно необходима Коминтерну и его секциям в настоящий момент растущего обострения классовой борьбы, бешеного наступления буржуазии на рабочий класс, особенно в странах с фашистским режимом (Италия, Польша), сращивания социал-демократии с буржуазным и буржуазно-фашистским государственным аппаратом,

роста опасности империалистической интервенции по отиошению к СССР —главному оплоту международной революции.

Второй важнейшей группой вопросов, обсуждавшихся на пленуме, были вопросы хлебозаготовок в связи с общими перспективами политики партии в области сельского хозяйства.

Решения XV с'езда в свое время явились важнейшим переломным моментом, поворотным пунктом политики партии в области сельского хозяйства. С'езд подчеркнул колоссальную диспропорцию между развитием социалистических элементов в промышленности и сельском хозяйстве и направил энергию партии в ближайший период на устранение этой диспропорции. В соответствии с этим с'езд наметил усиление темпа кооперирования крестьянского хозяйства и в качестве экономической задачи выдвинул развитие совхозов и колхозов. С задачами усиленного социалистического строительства в сельском хозяйстве был неразрывно связан лозунг XV с'езда об усилении наступления на кулака.

Полоса экономического развития, в которую вступила наша страна после XV с'езда, нагляднейшим образом показала всю правильность намеченного XV с'ездом курса. Раздробленность и отсталость мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, их слабая товарность, особенно в связи с растущим аграрным перенаселением, крайняя слабость в сельском хозяйстве социалистических элементов (совхозы, колхозы), как опорных пунктов советской власти в борьбе за преобразование сельского хозяйства на социалистических началах и как поставщиков социалистическому государству сельскохозяйственных продуктов, которые облегчили бы ему регулирование рынка; рост сопротивления кулацких элементов деревни политике индустриализации и социалистического строительства,—все это, особенно в связи с рядом ошибок в области планово-регулирующей работы, недостаточным темпом работы партийных и советских организаций в первую половину хлебозаготовительного периода, привело к острому кризису в деле хлебозаготовок и тем создало угрозу серьезных экономических и политических потрясений.

Чрезвычайные мероприятия со стороны партии и советского правительства дали возможность сравнительно благополучно выйти из кризиса. Всем известно, однако, что эти мероприятия ударили не только по кулаку, но отчасти кое-где и по середняку и что на этой почве наметились известные элементы опасности разрыва союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком.

В своих резолюциях об итогах хлебозаготовительной кампании и о совхозах пленум должен был во всей широте поставить вопрос о задачах экономической политики партии в области переустройства сельского хозяйства на социалистических началах.

Быстрый темп индустриализации страны пред'являет все растущие требования к сельскому хозяйству, с небывалой остротой ставит вопрос о расширении посевной площади, о поднятии урожайности, о

поднятии продукции сельского хозяйства как в части зерновых культур, так и в части промсырья (хлопок, свекла, лен, продукты животноводства и т. д.). Мы имеем миллионы мелких и мельчайших крестьянских хозяйств. Возможности поднятия их производительности при сохранении индивидуального характера этих хозяйств довольно ограничены, но они все же имеются. Стоит только сравнить урожайность с гектара нашего крестьянского хозяйства и какого-нибудь немецкого или датского. Всячески содействуя поднятию производительности индивидуальных крестьянских хозяйств и всемерному развертыванию работы по массовому кооперированию бедняков и середняков в целях поднятия сельскохозяйственной продукции в стране, партия должна поставить в качестве важнейшей задачи об'единение бедняцких и середняцких хозяйств в колхозы и строительство совхозов, имея в виду совершенно очевидную для каждого марксиста истину, что крупное хозяйство располагает неизмеримо большими средствами и возможностями для поднятия своей продукции, чем мелкое. На ряду с развертыванием работы по массовому кооперированию крестьян, необходимо широкое строительство колхозов, что требует от партии усиления работы по об'единению бедноты вокруг партии и по усилению всесторонней защиты ее экономических интересов.

Вопреки предложениям совершенно обанкротившейся и уже разложившейся троцкистской оппозиции, партия, проводя политику наступления на кулака и настойчивого, энергичного строительства элементов социализма в сельском хозяйстве, опираясь на бедноту, ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не должна отступать от своей испытанной, ленинской линии на прочный союз с середняком. Отказ от применения чрезвычайных мер в предстоящей хлебозаготовительной кампании и повышение цен на зерновые культуры показывают, насколько чутко продолжает относиться наша партия к интересам середняка, насколько далеки от истины обвинения партии в желании отступить назад к военному коммунизму, отменить нэп и т. д.

Конечно, в миллионной партии найдутся элементы, которые склонны тащить ее назад, склонны смазывать постановления XV с'езда, отказаться от политики развертывания строительства социалистических элементов в сельском хозяйстве. Такая политика при наличии острейшей потребности страны в поднятии продукции сельского хозяйства ведет фактически к ориентации на капиталистическое развитие деревни, к усилению кулачества, к укреплению его влияния на середняцкие массы, к политической изоляции советской власти и пролетариата в деревне, к смычке между капиталистическими элементами города и деревни, к ослаблению темпа индустриализации страны, к увеличению нашей зависимости от иностранного капитала. Есть в партии также отдельные элементы, которые договариваются до отрицания возможности развития индивидуального крестьянского хозяйства, недооценивают значения союза с середняком и хотят применять дальше в качестве нормальных отмененные партией чрезвычайные меры

и тем самым на деле скатываются к осужденному партией троцкизму. Нечего и говорить, насколько вредна и ошибочна была бы такая политика.

Партия должна решительно бороться с теми и другими ошибками, помня, что теперь, после полного разгрома троцкистской оппозиции во всесоюзном и международном масштабе, после окончательного разоблачения ультра-левых болтунов, прячущих свое социал-демократическое нутро под революционной внешностью и революционной фразой, для нас особенно опасное значение приобретают ошибки, ведущие к отказу от развертывания социалистического строительства в сельском хозяйстве, к фактическому отступлению перед кулаком вместо наступления на него, провозглашенного XV с'ездом.

Партия вступает в новую хлебозаготовительную кампанию с ясной политической платформой.

Все партийные организации должны в ближайшее время провести самую энергичную работу по раз'яснению крестьянским массам политики партии и по энергичной борьбе с попытками контрреволюционных, в частности, кулацких элементов использовать недавние хозяйственные затруднения и те чрезвычайные меры, которые явились их последствием, для усиления своего влияния на крестьянские массы, на часть рабочего класса, связанную с деревней, на Красную армию, на сельскую интеллигенцию и т. д.

Огромное значение имеет улучшение и упрощение хлебозаготовительного аппарата и экономное расходование собираемых хлебных ресурсов. Необходимо принять все меры, чтобы поднятие цен на зерновые культуры пошло за счет уменьшения организационных и накладных расходов, за счет сокращения количества заготовляющих органов, а не за счет бюджета рабочего, чтобы оно не вызвало общего роста цен.

Имея перед собой ясную линию и ясную перспективу поднятия продукции сельского хозяйства в неразрывной связи с ростом его социалистических элементов, партия сумеет справиться со стоящими перед ней задачами: обеспечит успешное проведение хлебозаготовительной кампании, обеспечит соответствующий решениям партии темп индустриализации, вытекающий не только из всей внутренней, но и международной обстановки (частичная стабилизация капитализма, капиталистическая рационализация, рост опасности интервенции), решительно двинет вперед развитие социалистических элементов в сельском хозяйстве вместе с движением вперед сельского хозяйств в целом, теснее сплотит пролетарские и полупролетарские элементы деревни вокруг партии и обеспечит сохранение и укрепление прочного союза с середняком, продолжая наступление на кулака в духе решений пятнадцатого с'езда.

По вопросу о подготовке новых кадров специалистов для промышленности пленум принял резолюцию, которая, несомненно, явится крупным шагом вперед в этой области. Одно из конкретных решений,

содержащихся в этой резолюции, заключается в передаче части втузов в РСФСР и на Украине в ведение ВСНХ и НКПС. Общими усилиями трех крупнейших наркоматов (Наркомпрос, ВСНХ, НКПС) при значительно более энергичном, чем до сих пор, участии профсоюзов и при увеличении материальной базы, под неослабным руководством и контролем партийных организаций, партии удастся справиться со сложнейшей задачей подготовки новых кадров специалистов для промышленности.

Затруднения, которые партия и советская страна пережили в недавнем прошлом, вызвали радость и оживление в лагере международной и внутренней контрреволюции. Враги надеялись на контрреволюционные потрясения внутри страны, на ослабление единства внутри партии. Враги обманулись в своих надеждах. Хозяйство страны выходит из затруднений. Связь партии с рабочим классом и крестьянской беднотой будет дальше крепнуть и расти. Партия сумеет сохранить и упрочить союз с середняком. Ленинское единство партии обеспечено, о чем говорят и сами единодушные решения пленума ЦК. Партия попрежнему стальными, несокрушимыми рядами идет в авангарде международной пролетарской революции.

П. Лапинский.

„Социальное государство". Этапы и тенденции развития.

1. „Хозяйственное государство" капиталистов и „социальное государство" реформистов [1]).

Государственная машина, которая приобрела громадное влияние на весь ход экономической жизни современного капиталистического общества, уже тем самым приобретает громадное влияние и на все положение рабочего класса. Достаточно припомнить расширенный круг функций послевоенного буржуазного государства, чтобы это стало ясно само собою. Мы приводили в другом месте ту картину деятельности этого государства, которую рисует в годичном отчете руководитель одного из крупнейших германских банков (Дарлиштедтер унд Националь Банк). Повторим здесь слова этого банкира еще раз.

«Государство,—говорит он,—как высшее авторитетное место, не должно бы покидать своего об'ективного поста, с высоты которого ему приходится наблюдать за всем ходом событий. Между тем оно все более и более стало вмешиваться в этот естественный процесс развития и в растущей степени превращается в определяющий фактор нашей хозяйственной жизни. Оно фиксирует высоту квартирной платы, руководит строительством домов, диктует цены на уголь, железо, калий, ведет само предприятия огромнейшего масштаба, расширяет в возрастающей степени свою деятельность на банковое и кредитное дело, взимает налоги не только с дохода, но и с самой субстанции, и с некоего центрального места определяет диктаторски заработную плату и продолжительность рабочего дня».

Не многим отличную от этой картину рисует нам и социал-демократический деятель Лебе, председатель германского рейхстага.

«Государство,—пишет он,—как к этому ни относиться, положительно или отрицательно, стало с и л о ю в е щ е й г о с у д а р с т в о м х о з я й с т в а и с о ц и а л ь н ы м г о с у д а р с т в о м (Wirtschafsstaat und Sozialstaat). Оно—разумеется, всегда только в определенных границах — заботится о беременной матери и новорожденном ребенке, оно не только понуждает подрастающие поколения к посещению школ, но и контролирует их здоровье, поощряет их физические упражнения и их игры. Оно берет на себя часть их профессионального воспитания не только на роли будущих чиновников и ученых, но и ремесленников, крестьян и рабочих. Оно регулирует страхование больных, инвалидов, потерпевших от несчастных случаев, стариков, оно в некоторых пределах обеспечивает безработных. Оно вмешивается в конфликты о зарплате, посредничает между сторонами, понуждает их обратно к работе или к открытию фабрик. Оно воздействует на ввоз и вывоз, покровительствует картелям или наблюдает за ними. Оно берет на себя заботу о миллионах пострадавших во время войны, о возмещении убытков беглецам и изгнанникам. От колыбели до гробовой доски рука государства вмешивается в частные дела индивидов и групп в степени, никогда раньше не бывалой» [1]).

[1]) «Хозяйственное государство» и «социальное государство» («Wirtschaftsstaat» и «Sozialstaat») распространенные термины в германской буржуазной и реформистской литературе.

Каждая из этих картин окрашена по-своему сообразно точке зрения автора, но мелкобуржуазный реформист на этот раз постольку стоит выше поучающего своих современников банкира, что он не боится признать в ы н у ж д е н н о г о характера этого развития в сторону расширения круга функций буржуазного государства.

Но как ни относится к этому развитию буржуазно - реформистский лагерь—положительно, как реформист Лебе, с надеждою на постепенное мирное врастание рабочего класса в это «социальное государство», или отрицательно, как Гольдшмидт, руководитель упомянутого банка (при чем, конечно, гг. Гольдшмидты отрицают только «перерост» тех функций государства, которые не на все 100% отвечают их н е п о с р е д с т в е н н е й ш и м интересам)—а факт тот, что капиталистическое государство, как его единодушно рисуют оба эти различных его столпа, должно было приобрести по степени и всесторонности совершенно небывалое влияние н а в е с ь с к л а д и у р о в е н ь ж и з н и т р у д я щ и х с я, на всю жизнь «индивидов и. групп» пролетариата «от колыбели до гробовой доски». Рост сил государственной машины и есть прежде всего—прямо и косвенно—рост ее влияния и воздействия, принуждения и контроля по отношению к миллионным рабочим массам, основной социальной силе и основному производственному фактору нашего времени. Ясно же, что государство, которое расходует колоссально возросшие доли «национального дохода», перекачиваемые в казенные сундуки при помощи послевоенной податной системы, государство, само превратившееся в громаднейшего предпринимателя и во всяком случае нормирующее и регулирующее хозяйственную жизнь в небывалых раньше степенях, государство, связавшееся как нельзя теснее с рентнерским богатством и со всем высокоорганизованным промышленным и банковым капиталом, государство, регулирующее ввоз и вывоз капитала, пользующееся усиленным и разносторонним влиянием на развитие денежного рынка и хозяйственной кон'юнктуры, на передвижение золота, капиталов и товаров и т. д. и т. п.,—это государство тем самым а в т о м а т и ч е с к и о б е с п е ч и в а е т с е б е н е в и д а н н о е р а н ь ш е в л и я н и е н а в е с ь у р о в е н ь ж и з н и р а б о ч и х, на н о р м и р о в а н и е и х д о х о д а, на в с ю о б с т а н о в к у и х о т н о ш е н и й с о в с е м и д р у г и м и к л а с с а м и о б щ е с т в а. Всякий зигзаг денежной и кредитной политики, тот или иной способ расходования тех колоссальных ресурсов, которыми располагает послевоенное государство, то или иное направление банковской политики, застопорение или, наоборот, поощрение ввоза иностранного капитала в современной подвижной обстановке отражается немедленно и сильнейшим образом на положении трудящихся масс, на темпе кон'юнктуры, на степени безработицы, временно разряжая или сгущая атмосферу междуклассовых отношений и классовой борьбы. Многие из этих явлений (если и не

[1]) P. L ö b e. Die Krise des Parlamentarismus Nord und Süd. Mai 1928.

все) не составляют отличительного признака послевоенного времени, они существовали и раньше. Но степени влияния неизмеримо увеличились, это влияние государства стало более разностороннм, и вся обстановка, в которой это влияние проявляется, стала несравненно более подвижной, лабильной, придавая более подвижный, более интенсивный характер и всей этой деятельности государства. В этом смысле влияния этого государства на положение трудящихся масс нельзя и сравнивать с предвоенным.

Тут количество явно переходит в качество, и мы смело можем утверждать, что в этом смысле мы имеем пред собою и качественно новое явление, новый этап в развитии империалистического государства, как и всего государственно-монополистического капитализма. И перед войною только педанты и школьные учебники могли строго отличать область т. н. «социальной политики» (т.-е. всей сферы т. н. «рабочего законодательства»), от всей области «хозяйственной политики» капиталистического государства. В наше время грань между этими двумя областями еще более стерлась. Перечисляя все те основные вопросы, которые стояли в порядке дня государства—германского государства—в 1927 г. (реформа оплаты чиновников, вопрос об иностранных займах, вмешательство агента по репарациям, закон об упрощении податной системы и т. д.) и указав на тесную связь всех этих вопросов с «социальными» проблемами, ежегодник, издаваемый верхушечными органами германской тяжелой индустрии приходит к выводу: «Таким образом, мы видим, что вопросы экономической политики и социальной политики все более переходят друг в друга» («immer-mehr ineinander übergehen»)[1]. Гг. Феглеры и Рейши правы: всей системой своей «экономической политики» современное капиталистическое государство воздействует и влияет на все положение трудящихся масс—в гигантском масштабе!

Но этого мало. Новое еще яснее выявляется там, где государство уже не косвенно, не всей системой своих хозяйственных связей и своей политики давит на рабочий класс, а там, где оно непосредственно контролирует и регулирует условия труда, нормирует заработную плату и всю систему дохода трудящихся, где оно непосредственно вмешивается в отношения между трудом и капиталом. И тут круг функций современного государства необычно обогатился, расширился. И в этой области, в сфере прямого, непосредственного воздействия государства на условия существования основной массы современных обществ, многомиллионного пролетариата, произошли коренные изменения. И здесь мировая война, принесшая с собою высшие формы государственного регулирования отношений между трудом и капиталом, не явилась только лишь преходящим, хотя и длительным эпизодом. И здесь — после первого самоуверенного штурма на наследие войны — оказалось, что полного возврата к старому, к предвоенной «норме» уже быть не может. Действие войны и ее основного наследия—глубочайшего потрясения всей капиталистической системы—действие революции и затем реакции и контрреволюции здесь скрестились и переплелись своеобразно. Ниже мы постараемся несколько подробнее расчленить очередные наслоения этих разных исторических факторов.

В итоге получилось государство, вооруженное до зубов, снабженное всеми усовершенствованными средствами бюрократическо - репрессивного, полицейского и военного воздействия на рабочий класс; но вместе с тем, оно оказалось вынужденным принять на себя личину высоко-попечительного

[1]) Wirtschafts-Jahrbuch für d. niederrh.-westfäl. Industriegebiet. 1928. Стр. 54.

государства, патриархально - надклассового или междуклассового, берущего на себя роль «арбитра», посредника между классами; оно оказалось вынужденным значительным образом расширить сферу «социального» законодательства, оно даже пыталось было строить целые системы специальных механизмов для организации «сотрудничества» классов (немецкие «заводские советы», английские т. н. витлеевские комитеты, всякие смешанные, управленческие и судебно-посреднические инстанции и т. п.).

В этом смысле послевоенное государство становится непохоже на довоенное государство «нормальной» империалистической эпохи. Деятельность этого последнего в области «социального» законодательства явно иссякала, что и многократно подчеркивалось марксистской литературой того времени. Заигрывание с рабочими в прежнем стиле, законодательство по «охране» труда уступило в принципе место усилению всякого нажима на рабочий класс, сопряженного с националистской демагогией и питанием верхучешных слое пролетариата крохами от плодов империалистской политики. Некоторое исключение в этом отношении в среде старых капиталистических государств представляла собой лишь Англия, где пришедшие вновь к власти в 1906 году либералы выполняли в этой стране свою последнюю историческую миссию: попытку задержать явно нарастающую социальную бурю при помощи новой волны относительно широкого и смелого социального законодательства. Эта попытка, связанная с именем Ллойд-Джорджа, как известно, стала срываться в самые последние годы до войны, и только война спасла опять на время британский корабль от величайших потрясений, после чего старые, созревшие противоречия были воспроизведены историей в еще расширенном масштабе.

Военное и послевоенное развитие принесло в этом отношении новую полосу. В отличие от предвоенного империализма воюющему и в особенности послевоенному империализму пришлось опять взяться вплотную за то, что называют «социальным законодательством». В этом направлении толкал буржуазное государство новейшего времени целый ряд сильнейших и разнородных обстоятельств: и необходимости войны и страх перед рабочими (колоссально возросший с зарождением российской революции и победою российских большевиков)[1]), и вся система военной и послевоенной официальной демагогии, и вулканические сотрясения всей социальной почвы, глубоко взрытой войною, и боязнь конкуренции со стороны более отсталых и молодых стран, которым пытались навязать «условия труда», более близкие к господствующим в «передовых» промышленных странах, и слабость глубоко пошатнувшегося индустриального капитализма, который без поддержки государственных ресурсов оказался неспособным обеспечить рабочему классу уровня жизни, сколько-нибудь близкого к предвоенному уровню, и многое другое. Из всех этих разнородных элементов и родилась новая волна «социального» правотворчества новейшего империалистического государства.

Она-то и дает повод реформистам говорить о наличии некоего «социального государства» (или «социальной республики»), как какой-то особой государственной формации, какой, видимо, не предвидела старая социалистическая доктрина... В представлении реформистов в промежутке между обоими историческими полюсами,—буржуазно-демокра-

[1]) В «социальной» области «вильсонизм» был на 9/10 прямым плодом страха перед большевизмом. Реформисты не сознают или не хотят сознавать того, что многим основным из того, что они считают величайшим «достижением» послевоенной эпохи, они в величайшей степени обязаны именно революционной безудержности российских большевиков!

тической республикой и республикой социалистической,—очутилась какая-то средняя формация. Этой средней формации кладет начало мировая война, величайшая бойня народов. Это происхождение «социального» государства открыто признается реформистской «историографией». Революция (там, где она имела место) чуть было не отклонила в сторону, не нарушила естественного, дальнейшего, постепенного и мирного перерастания этих зародышевых форм в то «социальное государство», которое в более развернутой форме мы наблюдаем-де в настоящее время. Но в особенности профсоюзам (при поддержке умеренных, «разумных» элементов социал-демократической партии) удалось обеспечить этот процесс перерастания, за которым в том же порядке естественного социального процесса должно следовать и перерастание «социального государства» в государство социалистическое. «Социальное государство», конечно, заслуживает «самого положительного отношения» к нему («der höchsten Bejahung») со стороны рабочего класса. Ему обеспечена со стороны пролетариата «бо́льшая любовь, чем со стороны какого бы то ни было другого социального слоя» [1]). Современное государство становится, согласно этим представлениям, настоящим носителем исторических интересов, исторической миссии пролетариата, «идеи четвертого сословия». Без того нельзя было бы понять, почему рабочему классу дано побивать рекорд «любви» всех других общественных классов к этому государству. Ясно, что именно тут, именно в этой области, перед нами величайший мыслимый, радикальнейший переворот в отношениях социал-демократии к буржуазному государству.

Фактически же, если говорить об идеологии реформистов, мы имеем тут перед собою только новый, современный вариант почтенного, старого «свободного» или «народного государства» («Freierstaat», «Volksstaat»), о котором полвека назад говорили немецкие социалисты, идеализуя этим простую буржуазно-республиканскую демократию. Влияние мелкобуржуазных партий и их представлений здесь сказывалось совершенно очевидно, и эта идеализация буржуазной демократии и связанная с нею туманно-сентиментальная терминология вызывали, как известно, возмущенные протесты Маркса и Энгельса [2]). Теперь, спустя полвека, после колоссальнейшей военной встряски и крупнейших революционных потрясений, это «свободное» и «народное государство» не только возрождается торжественно из мертвых, но оно к тому же дополнительно, согласно все той же неизбывно мелкобуржуазной терминологии, «наполняется» «социальным содержанием» («mit sozialem Inhalt»). Процесс этого «наполнения» и составляет историческое содержание постепенного перехода от «социального государства» к социалистическому. В невредимый священный сосуд история вливает то то, то другое содержание: то буржуазно-капиталистическое, то — после всяких переходов — просто социалистическое. Буржуазная демократия становится настоящим органом перерастания капитализма в социализм. По самому смыслу «демократии» в этом процессе перерастания участвует и буржуазия (в лице тех или иных ее слоев и партий). Избирательно-парламентский механизм демократического режима буквально заставляет буржуазию принимать посильное участие в этом осуществлении — социализма. Социализм — экспроприация экспроприаторов, величайший переворот в истории человечества,—осуществляется в порядке некоторой «революции сверху» по образу и подобию того, как некогда отдельные буржуазные

[1]) Рих. Зейдель пишет в «Arbeit» буквально: «Я нахожу, что всем нашим поведением мы выказываем готовность окружить это государство такою любовью, к какой, повидимому, едва ли способен в настоящее время какой бы то ни было другой социальный слой». (Статья п. з. «Staatsverneinung—Staatsbejahung». «Arbeit». Окт. 1926, стр. 633).

[2]) См. их критические замечания по поводу готской программы.

революции осуществлялись в порядке «революций сверху», руками Бисмарков, Тьеров, Дизраэли, Кавуров, но только на сей раз гораздо полнее и вернее...

Вот основная схема представлений, которые кроются в «идее» «социального государства» (и которые достаточно сформулировать «до конца», чтобы пред глазами предстала вся их чудовищность с точки зрения и простой логики!). Вопросом об отношении реформизма, как и об отношении буржуазии, к послевоенному государству (к «социальному государству»), мы надеемся поближе заняться в другом месте. Тогда мы и убедимся, что это отношение у реформистов в области «теории» менее однородно, оформлено, приведено к одному знаменателю, чем на практике, в повседневном «движении» и сопутствующей его газетной «идеологии». Мы убедимся, что, несмотря на весь прогресс сращения реформистского движения с механизмом современного буржуазного государства, у реформистов фактически не имеется системы сколько-нибудь ясных, конкретных и однородных представлений о тенденциях развития этого государства. Рядом с превратившимся уже в ритуал восхвалением формальной демократии, мы услышим и другие нотки, нотки некоторого скептицизма к творческим способностям демократии, мы увидим признаки склонности отодвинуть демократию на некие вторые, дополнительные места, авансцену же очистить для представлений о сословно-корпоративной эволюции государства на основе прочного, так сказать, конститутивного примирения классовых противоречий. Идеи с определенно фашистским душком еще не совсем заметно, но все ощутительнее вкрапливаются в простую апологию демократии. Да иначе и быть не могло, ибо, как мы увидим, «социальное государство» в том виде, в каком оно существует не в воображении реформистов, а в исторической действительности,—является естественной почвой для сословно-фашистских идей.

Но каковы бы ни были тактические зигзаги и «теоретические» блуждания реформистов в отношении «социального государства», а общая основная тенденция тут и там выявляется все яснее: это тенденция к максимальному слиянию с послевоенным государством, к сращению с ним всех основных органов организованного пролетариата, тенденция к тому, чтобы в этом государстве устроиться «покомфортабельнее» (как готов формулировать и Отто Бауэр), рассесться в нем попрочнее, потеплее (как формулирует Зеверинг; т.-е. в частности, и коалицию с буржуазными партиями считать не преходящим эпизодом, а, так сказать, конститутивной, природной формой «социального государства»). Словом, тенденция, выражающаяся в лозунге: «hinein in den Staat»: проникай, внедряйся в государство. Заходи в здание государства, не как в организацию враждебного класса, а как в свой собственный, семейный дом, окруженный «любовью пролетариата, более чем какого бы то ни было другого социального слоя».

Точка отправления этого лозунга — всепоглощающая роль современного государства, как «государства хозяйства» («Wirtschaftsstaat») и как «социального государства», неслыханно возросшее влияние всей колоссальной машины государства, все более сливающегося со всей партийно - политической и профессиональной аппаратурой общественных классов, на всю жизнь пролетариата. На последнем конгрессе германской с.-д. в Киле Гильфердинг это так и формулирует в выражениях, учтиво отмеченных и руководителем боевого «Об'единения германских союзов работодателей» Браувейлером, как «полные мысли и интереса» [1]):

«Я говорил,—слова Гильфердинга,—о растущем взаимопроникновении хозяйства и государства, об их взаимном отношении, становящемся все

[1]) Schriften der Gesellschaft für soziale Reform-Bericht über die Verhandlungen der X Generalversammlung. Jena. 1927. Стр. 160.

более тесным, *благодаря организации хозяйства*... Я напоминаю вам о господстве государства на денежном рынке... Я напоминаю *о вопросах податной политики и торговой политики*... Мы пережили в последнее время чрезвычайное повышение цен на зерно, необходимо сделать ясным для масс, что цены на хлеб и мясо, есть не только экономические, но *и политические цены*, определяемые политическими соотношениями сил...

Но что важнее и что ново, это — регулирование государства в области, непосредственно касающейся пролетарских судеб, а именно: в области рынка труда. Мы имеем благодаря революции страхование от безработицы. Это обозначает вполне определенное регулирование спроса и предложения на рабочем рынке. Мы имеем, благодаря коллективно-договорному началу и примирительным камерам, *политическое регулирование зарплаты и политическое регулирование рабочего дня. Личная судьба рабочих определяется той политикой, которую ведет государство*». И т. д.

Именно из этого факта роста старых функций государства в сфере хозяйства и возникновения новых его функций в области, касающейся «личных судеб» каждого пролетария, Гильфердинг и делает вывод о необходимости более тесного приобщения пролетариата к этому новому государству, которого в результате просто не отделишь, не отличишь от всего социально-хозяйственного и партийно-политического механизма современности. «*В силу этого*,— говорит Гильфердинг,— *все партии стали необходимыми составными частями государства в точности так, как правительство и администрация*». «Государство — это я», — говорил «король-солнце» Людовик XIV. Государство—это мы—говорит теперь Гильфердинг: мы—т.-е. соц.-дем. партия (конечно, еще вкупе с кое-какими другими партиями); словом, с.-д. и профсоюзы — это некая дробь современного государства, современного «виртшафтсштаата» и «социальштаата».

Но эти обращенные к рабочему классу призывы почувствовать себя органическою составною частью современного государственного целого беспорно никогда не пользовались бы тем относительно значительным успехом, которым они еще пользуются, если бы это государство на самом деле не опутывало своими щупальцами всей жизни современного рабочего класса, «личных судеб» каждого рабочего, как говорит Гильфердинг, «от колыбели до гробовой доски», как говорит Лебе. *Этот громадный рост экономических и «социальных» функций государства стал в руках социал-демократии сильнейшим орудием деморализации рабочих масс.* Без этого орудия, без этой эволюции современного государства в сторону громадного роста его функций и полномочий, без его сращения и слияния с «хозяйством», социал-демократии—этой представительнице привилегированных слоев пролетариата, всяких социально и политически промежуточных общественных групп—никогда не удалось бы приобрести столь еще относительно прочного и значительного влияния на *широкие* пролетарские массы.

Свои силы и влияние реформизм строит, так сказать, диалектически, то на «левой» фразе, то лавированием и маневрированием, позой «оппозиции» к современному государству, когда оно слишком явно, слишком вопиюще обнажает свою классовую природу, то, наоборот, систематическим посевом надежд на то, что самим приобщением к *этому* государству с его всесторонними функциями и полномочиями рабочие массы не только улучшат свои «личные судьбы», но всей системой этих улучшений по-

степенно придвинут это государство к социализму... При чем, сомнения нет, *все* развитие толкает социал-демократию все более и все неотвратимее именно в эту сторону—вящшего сращения с современным государством,—все более сокращая для нее амплитуду возможного «лавирования и маневрирования», свободу ее движений.

Это делает для нас вопрос о «социальном государстве», об его исторических корнях, временных итогах и тенденциях развития не только теоретически интересным, но и практически важным. *Но что же представляет собой «социальное государство»?* Чем отличается оно от буржуазно-капиталистического государства довоенного периода? В чем выразилось усиление «социального правотворчества» современного государства, того «социального правотворчества», которое заглохло в эпоху «нормального», довоенного империализма? Почему это вдруг империализм более поздней, упадочной эпохи, империализм более подкошенный, в смысле хозяйственных ресурсов и возможностей более слабый, стал более «плодотворным» в «социальном» отношении, более щедрым на средства? И куда ведет это как будто неожиданное его развитие?

Без сомнения, по сравнению с прошлым мы имеем тут перед собою разницу *не только количественного, но и качественного порядка*. В основе явления лежит характернейшее, как увидим, явление неразрывной связи, настоящего «сращения» *двух* элементов: бесспорного роста всякого «охранительного» законодательства, во-первых, и, во-вторых,—зарождения и развития в основном, исторически новой системы мер и средств, рассчитанных на проведение и обеспечение «сотрудничества классов», «сотрудничества» труда и капитала под верховным патронатом мнимо «надклассового» государства. *Новое «социальное» правотворчество капиталистического государства неотделимо от практики и организации «бургфридена».*

На самом деле. Мы имеем, *с одной стороны*, явление в количественном отношении серьезнейшего роста всякого рода законодательства по «охране» труда и в более широком смысле всякого «социального» законодательства, мы наблюдаем по-своему, можно сказать, бурное развитие того, что немцы называют «рабочим правом» или рабочим законодательством. (При чем характерно,—мы это увидим ниже,—это правотворчество в общем не прекращается в периоды реакции, и «чисто» буржуазные правительства тут в общем не отстают от правительств «рабочих партий», или от коалиционных правительств). Государство видит себя вынужденным проводить целую серию мер по «охране» труда, оно признает «в принципе» восьмичасовой рабочий день (не решаясь впоследствии, по крайней мере, в крупнейших странах отменять его без остатка), оно обеспечивает известным категориям рабочих некоторый минимум зарплаты, оно постепенно вводит целую систему страхований, из которых в особенности страхование от безработицы, если мерить довоенной меркой, является на вид весьма «радикальным» нововведением. В связи со всем этим развитием издержки государства по всякого рода «социальным» статьям и относительно и абсолютно вырастают значительно, поглощая более крупные доли государственного бюджета. В частности, пособия для безработных поглощают в послевоенное время миллиардные средства, в не малых частях черпаемые из общегосударственных ресурсов (включая сюда же и ресурсы органов самоуправления). Государство начинает играть совершенно новую роль при обеспечении рабочему классу (в его целом) некоторого минимального уровня жизни. Правда, этот уровень жизни *в лучшем случае* достигает довоенного уровня. Но если бы отсчитать пособия безработным, больным, инвалидам, вдовам, всяким пенсионерам и т. п., то этот уровень был бы еще значительно ниже. Государ-

ство своими ресурсами в невиданных до сих пор степенях в некотором смысле «восполняет» предпринимателя. «Доход» рабочего класса (в его целом) в других долях, чем до войны, слагается из зарплаты и из всяких «обеспеченных» пособий указанного типа [1]).

Это, с одной стороны. С *другой стороны*, мы наблюдаем состоящую в *неразрывной* связи со всем предыдущим «правотворчеством», усиленную, проходящую в исторически новых формах деятельность послевоенного буржуазного государства, направленную на обеспечение «социального мира», «сотрудничества» между трудом и капиталом, устранения или ослабления конфликтов между ними, планомерной и разносторонней кооперации между высшими организациями капитала (сословно-классовыми и частнохозяйственными) и общеклассовыми организациями пролетариата. Этих целей, занимающих все более центральное место во всей политике государства, оно добивается как при помощи чисто-политических средств, так и при помощи специально для этих целей создаваемых временных и постоянных органов, иногда развиваемых и в законодательном порядке в целые системы. Государство поощряет (или даже само созывает) «национальные» конференции рабочих и предпринимателей, создает примирительные камеры с целой градацией инстанций, «промышленные» и «рабочие суды», заводские комитеты и советы, общенациональные «экономические советы», всякие паритетные и смешанные органы с разнороднейшими функциями совещательного, административного, судебного, судебно-арбитражного, самоуправленческого типа и т. п. Словом, оно вступает на путь того, что на языке реформистов именуется прекрасным именем «хозяйственной демократии». Попутно и в качестве основной предпосылки всего этого нового «творчества» оно существенно меняет свое отношение к профсоюзам, не только формально-юридически «признавая» профсоюзы (там, где оно их раньше отказывалось «признавать»), но формально и фактически узаконяя их, как легальное представительство *всей* массы рабочих, не только управомоченное заключать законно-обязательные (и для неорганизованных) коллективные договоры, но и по закону участвующее в лице делегируемых представителей в разных органах государства или создаваемых государством. Сросшись как нельзя теснее и как никогда раньше, с решающими организациями капитала и все более «внедряя» профессиональные организации рабочих в свой собственный механизм, государство все планомернее способствует организационному контакту организованных в сословия высших сил современного общества под своим скрытым или явным патронатом, как «внеклассового», или «надклассового», посредничающего, покровительственного фактора.

Трудно в сочетании этих двух элементов, слагающихся в систему правотворчества «социального государства» (к этим двум элементам следовало бы присоединить и третий, каким является громадное усиление всего бюрократического, полицейского и военного аппарата принуждения!), не усмотреть некоторых классических признаков *бонапартизма* или,—более по-современному,—*фашизма*. «Социальное государство» реформистов, тождественно с «хозяйственным государством» капиталистов и окрашено густо в своеобразный бонапартистско - фашистский оттенок [2]).

[1]) Государство в этом деле в значительной степени является только передаточным механизмом, черпая нужные ему на это средства непосредственно из кармана рабочих при помощи всяких податей, автоматически взимаемых взносов и т. п. и возвращая их тем же рабочим под видом всяких пособий. Но несравненно более крупные, чем до войны, доли зарплаты протекают таким образом через каналы государства, что, опять - таки, в некотором смысле, укрепляет связь между рабочим классом и государственным аппаратом.

[2]) В конце нашей статьи мы остановимся подробнее на вопросе о том, в каком смысле и степени к описываемому развитию применимы термины «бонапартизм» и «фашизм».

«Посредничество» между классами в современном обществе,—в особенности в самых развитых, промышленных странах, — есть, ясное дело, прежде всего «посредничество» между пролетариатом и капиталистической буржуазией. Высокая же организованность этих двух основных классов современного высокоразвитого общества, охватываемых все более монополистическими организациями,—будь то тресты и профессиональные организации предпринимателей или профсоюзы рабочих,—*эта высокая организованность решающих классов должна была иметь своим последствием то, что «посредническая» роль государства должна была налагать на него своеобразно сословный «корпоративный» отпечаток*. *В наше организованное время такая тенденция к сословности должна явиться, можно сказать, автоматическим последствием всякой политики «примирения классов»*. Ибо в настоящий момент авансцену истории занимают два решающих класса, каковые уже не представляют бесформенной, распыленной массы, но достигли высочайших степеней организованности, в особенности по линии «профессиональных» интересов. Как иногда память умирающего озаряется на момент воспоминанием о всем прошлом и всем современном, так и капиталистическое государство в последнюю фазу своего существования причудливо сочетает элементы далекого сословного средневековья, бонапартизма и буржуазной демократии.

«Чистый» вид развития, сгусток тенденций мы наблюдаем только в странах победоносного фашизма, где запоздалое капиталистическое развитие натолкнулось на особые трудности и где значительные слои деклассированной мелкой буржуазии могли временно выступить, как крупная динамическая сила. В других странах мы имеем еще только дело с противоречивыми во многом тенденциями и намечающимися оттенками.

Но «социальное государство» стоит того, чтобы к нему *ближе* присмотреться. Тут общими формулами не отделаешься. Когда и как оно возникло, каковы этапы и итоги его развития?

Начнем с вопроса об исторической преемственности.

2. Об исторической преемственности.

Нет точной грани между тем, что внесла в развитие современного буржуазного государства в социальной области война, приведенная реформистами к поражению революция и наступивший после первой революционной (или полуреволюционной встряски) период реакции. Ни один из последних двух периодов уже не был в состоянии целиком порвать с наследием предыдущего или предыдущих, хотя и каждый вносил свою особую струю, свои особые наслоения. Но полный возврат к предвоенному прошлому уже оказывался невозможным. Мировая война в этой области, как и во всех других, обозначала собою не преходящий, хотя бы и длительный и бурный эпизод, а историческую грань, начало новой эпохи. И в сфере «социального» законодательства, государственной нормировки отношений между классами, старый капиталистический мир оказался «out of frame», «вышедшим из рамок», и никакая историческая сила уже неспособна вставить его в эти рамки обратно. Война тут дала, безусловно, новый могучий импульс, и нити от созданного ею развития пронизывают и последующие периоды революции и реакции. Силы контрреволюции (как крупнокапиталистические, так и мелкобуржуазно-реформистские, «спасающие общество от коммунистических рабочих») с первого момента революции с полным сознанием строят свою работу *на фундаменте, созданном войною* (т.-е. прежде всего на «сотрудничестве» классов).

Где, как в Англии, процесс революционного развития оказался недостаточно сильным, чтобы сразу же расслоить массы, сразу же оттолкнуть сомкнутую фалангу старых лидеров в лагерь сознательной и активной контрреволюции, где они, наоборот, еще проходили через фазу некоторого «радикализма», там все старые лидеры с различьем лишь в оттенках, строили также свою политику и все свои усилья на фундаменте, созданном войною (притом не имевшем здесь столь ярко-одиозной окраски, как в Германии!), стремясь в принципе эти «достижения» военного периода только дальше развить, перетолковать, переработать в «радикальном» направлении. Одно время в страхе перед революцией и в состоянии охватившей их растерянности, предпринимательские круги и коалиционное правительство (вплоть до теперешних Черчиллей и Биркенхедов) следуют за лейбористскими лидерами на этом пути. Поэтому, когда наступает период реакции, в одних странах раньше, в других позже, он уже находит пред собою некоторую амальгаму из «достижений» обоих периодов, военного и революционного. В период реакции буржуазия и ее правительства (отчасти при прямой и косвенной поддержке реформистов) стремятся «abbauen», как говорят немцы, т.-е. расстроить, убрать возможно больше из того относительно «положительного» (с точки зрения интересов рабочего класса), что вместили в себя «достижения» обоих предыдущих периодов (как, например, восьмичасовой рабочий день и т. п.). Но вычеркнуть *все* уже не удается буржуазии, ее органам и сподвижникам. Она всерьез и не пытается этого сделать, по крайней мере в руководящих странах. И это не только потому, что она не задается утопией, не только потому, что страх перед революцией еще полностью ее не оставил, что ни в одной из решающих стран ей не удалось победить, подавить рабочего класса «до конца» (так, как это ей удавалось в предыдущие исторические эпохи, в 48—9 г., в 71 г.). Не только потому, а еще и потому, что в «достижениях» предыдущих периодов (военного и революционного) рядом со всякими неудобными для нее элементами (в роде восьмичасового рабочего дня, системы всяких социальных «обеспечений», страхований и т. п.) имелись весьма ценные, незаменимые для нее (в определенной исторической обстановке) элементы. Это все то, что в области практики и идеологии связано было так или иначе с «сотрудничеством» классов, реализуемым, гарантируемым и символизируемым всякого рода классово-смешанными учреждениями, органами и затеями (всякого рода паритетными органами, согласительными камерами, конференциями «социального мира», и т. п.). Ибо все сплошь развитие всех трех упомянутых периодов (военного, революционного[1]) и периода реакции) было отмечено двумя неразрывными тенденциями: *тенденции к вынужденным «уступкам» пролетариату более или менее неизменно сопутствовала тенденция связать их с системой, с практикой и идеологией сотрудничества классов, посредничества между ними, мнимого удовлетворения их обоюдных, общих интересов, «примирения» труда*

[1]) Конечно, говоря о революционном периоде, мы имеем здесь все время в виду не те цели и тенденции, которые преследовала последовательно-революционная часть пролетариата, его авангард—этот авангард стремился просто к социальной революции, к социалистическому перевороту,—а те цели, которые ставили себе силы контрреволюции, в том числе и ее мелкобуржуазно-реформистские элементы. С победою этих сил в фактическое наследство этого периода вошли их «достижения», ублюдочные и двусмысленные, хотя, конечно, и овеянные духом того бурного времени, которому они были обязаны своим происхождением. В качестве плода незавершенного революционного развития остался, конечно, не социализм и не власть пролетариата, а только всякие бумажные обещания, и рядом с ними сокращенный рабочий день, всякие социальные «обеспечения», страхования, классово-смешанные органы и т. п.

и капитала при условии фактического признания незыблемости основ частнохозяйственного строя. Конечно, эта параллельная тенденция исходила не от революционно-авангардных элементов пролетариата, но исходила как от буржуазии (*всех* ее слоев), так и в той или иной степени и от *всего* реформистского движения. В «достижения» пролетариата как в период войны, так и в послевоенные периоды революции и реакции, буржуазия и реформизм примешивали последовательно элементы «попечительности» государства, якобы стремящегося подняться выше классов, посредничающего между ними, удовлетворяющего их «общие» интересы, обеспечивающего, восстанавливающего и развивающего их «общую» основу, сводящего их вместе в лице их организованных сил. *Элементы* современно-бонапартистского или фашистского развития ведут свое происхождение с самой войны и проходят так или иначе, под действием тех или иных сил и через все последующие периоды.

Нельзя сказать, чтобы и эти элементы социальной патриархальщины, попечительства над организуемыми в сословья современными классами, «посредничества» между ними и т. п. начисто отвечали,—всегда и во всякой обстановке,—интересам крупной буржуазии. Но в определенных исторических условиях, когда необходимо сдерживать и обманывать массы, когда вся экономическая обстановка стала необычно сложной, лабильной и трудной, крупнокапиталистическая буржуазия, пусть и скрепя сердце, мирится с этими необходимостями положения. Поэтому при всех наскоках на «достижения» предыдущих периодов она и с наступлением реакции (т.-е. укрепления своей власти) все же в общем стремится щадить (пусть и со смешанными чувствами), а то даже и развивать дальше все то в этих «достижениях», что представляет собой гарантию «сотрудничества классов» и «мира в промышленности».

Таким образом, некоторую историческую преемственность мы можем констатировать сквозь все три периода при всем их различии. И при всей разнородности привносимых каждым из этих периодов наслоений в итоге все же получается в «социальной» области нечто общее, некоторые, проходящие через все этапы развития тенденции. Для большей ясности и конкретности мы сперва постараемся рассмотреть в исторической очереди, что нового и своеобразного вносил в интересующую нас область каждый из упомянутых трех периодов — война, революция и реакция, — и затем уже попытаемся хотя бы в самой общей форме подытожить результаты всего развития. На всех этапах мы постараемся проследить развитие по обеим вышеуказанным параллельным линиям: т.-е. по линии «уступок» пролетариату и по линии организуемого сверху «сотрудничества» классов. Конечно, это разделение имеет только условное, ограниченное значение, ибо, как уже было сказано выше, обе эти линии развития более или менее неразрывны (разрыв получался только в самые бурные моменты революции, когда реформистским вождям приходилось поневоле несколько запрятать свои бургфриденовские тенденции и когда пролетариат брал «с бою» свое); каждая «уступка» так или иначе окутывалась в практику, организацию и пропаганду сословно-классового сотрудничества, и частенько вся-то «уступка» и сводилась к чисто-демагогическим (хотя и вынужденным) затеям своеобразно «бонапартистского» типа: как, например, созываемым по почину правительств смешанно-классовым конференциям с широчайшей программой «хозяйственной демократии», от которых в результате не оставалось ничего.

Все же ради прозрачности изложения мы будем по возможности рассматривать раздельно развитие по обеим линиям, говоря в одном случае об «уступках», в другом о методах и органах «сотрудничества» классов (т.-е. насаждаемых сверху элементах «бонапартистского» или «фашистского» раз-

вития), и все время, конечно, не упуская из виду условности всех этих избираемых нами для простоты обозначений и различений. Мы будем иллюстрировать наше изложение прежде всего материалом из опыта самых типичных, высокоразвитых промышленных стран, т.-е. Англии и Германии. Затем остановимся вкратце на опыте стран, представляющих своеобразную разновидность, т.-е. Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов, и уже после этого сможем перейти к попытке обобщений. Нигде не будем останавливаться на конкретных подробностях (они уже разработаны в громадно разросшейся литературе, в особенности в Англии и в Соединенных Штатах), стремясь из гущи фактов извлечь только общие тенденции развития, важные для обрисовки буржуазного государства нашей переходной эпохи и роли в нем реформистского движения. Наконец, мы здесь целиком оставим в стороне явления роста принудительного, бюрократическо-полицейско-военного аппарата, которые Ленин столь справедливо относил к характернейшим свойствам государства эпохи государственно-монополистического капитализма. Мы здесь будем говорить о *других* средствах нормировки отношений между классами,—в связи со всей сферой так называемого «рабочего» или «социального» законодательства.

3. Война кладет начало „социальному государству“.

Итак, начнем с войны. *Война* дала здесь безусловно первый, мощный толчок, образуя бесспорно историческую грань. Все или почти все «новое» в сфере современнейшего «социального» законодательства, чем гордится либеральная или либеральничающая буржуазия (а в наше время всякая буржуазия вынуждена так или иначе «либеральничать») и в унисон с ней реформисты, все здание пресловутого «социального государства» так или иначе нисходит своими фундаментами к мировой бойне. Реформисты,—мы имеем в виду, в частности, германских реформистов,—прекрасно сознают эту историческую преемственность и поныне буквально с благодарностью вспоминают эпоху войны, как родоначальницы «социального государства»! И, когда вспыхивает революция, они сознательно и последовательно стремятся вырастить именно те ростки, которые были засажены гогенцоллернским государством в эпоху войны. Рядом с завоеванием политической «демократии» к этому сводится для них весь смысл революции 1918 г. Все прочее было, с их точки зрения, только плодом «хаоса» и большевистской революционной утопии.

Конечно, не все, что принесла с собою война в области нормировки социальных отношений, заслужило себе непреходящую благодарность реформистов, но даже и самое подлое нововведение, как пресловутый «Закон о вспомогательной службе», закрепостивший рабочий труд, но давший некоторые новые «права» профсоюзам, представляется и поныне реформистам чем-то в роде «победы принципа», как некогда Марксу представлялось победою принципа введение десятичасового рабочего дня. Известный профсоюзный юрист Георг Флато пишет в 1927 г.:

> «*Война обозначает поворотный пункт в развитии рабочего права.* Государство признает профсоюзы, как призванное представительство всей рабочей массы, и посильно поощряет соответствующую им форму договора,—коллективный договор. В законодательном отношении эта измененная ситуация находит свое выражение в «Законе о вспомогательной службе» от 1916 г., предоставляющем трем основным направлениям в профдвижении исключительное право делегирования своих представителей в образуемые по этому закону паритетные комиссии и вообще привлекающем профсоюзы к существенному участию в проведении этого закона».

Перечислив ряд других «уступок» (образование впервые рабочих комитетов на заводах, работающих на войну, согласительных камер, запрет ночной работы для пекарей и т. п.), Флато продолжает:

> «*Законодательство периода революции* в начале в быстром темпе *продолжает развитие, начавшееся во время войны*» [1]). *Следует изложение достижений революции.*

Таким образом, революция (*так, как ее понимают профсоюзные бюрократы*) является в некотором смысле *простым продолжением войны*. И в этом представлении кроется несомненная и немалая доля истины, если принимать во внимание то направление, которое постарались дать революции гг. реформисты.

На самом деле. Вся обстановка, созданная войною, властно побуждала воюющие государства перейти к наивысшим формам вмешательства в отношения между трудом и капиталом с конечною целью обеспечения условий наивысшего напряжения производства. Регулирование условий труда стало неизбежною составною частью регулирования производства. Точно так же, как всякая демагогия в отношении рабочих масс стала неизбежной составной частью всей системы военной демагогии. Тут сразу же выступает в той или иной пропорции сочетание некоторого минимума «уступок» пролетариату с разработкой новых и сложных методов обеспечения «мирного» сотрудничества труда и капитала (как никогда срощенного с государством). *Война и кладет начало этому своеобразному дуализму, лежащему у основы «социального государства».* Очень скоро одна патриотическая идеология, лозунг «спасения отечества», с добавлением всяких аналогичных лозунгов «спасения права, цивилизации» и т. п., оказываются недостаточными. Эти лозунги более общего характера приходится дополнять все растущими дозами *социальной* идеологии, системой обещаний и намеков на «прочное улучшение отношений между трудом и капиталом» (выражение из доклада так наз. «Комитета Витлея»), на начало «новой эры», прочно обеспечивающей трудящимся массам улучшенные условия жизни. В душнейшей обстановке государственного принуждения, режима «Закона о вспомогательной службе» и «Доры» [2]), отсутствия всяких конституционных свобод, физического и морального террора, закрепощения труда,—рождаются ростки будущей идеологии «хозяйственной демократии». И в этом отношении война опередила революцию (революцию по-реформистски) [3]).

В этом же направлении действовала уже тогда *боязнь рабочих*. Если в Германии война приносит с собою уменьшение численного состава профсоюзов, который начинает бурно расти только с приходом революции, то, с другой стороны, в Англии этот бурный рост начинается уже с войною, во время которой количество членов профсоюзов удваивается. К этому присоединяется еще и тот факт, что, вопреки первоначальным ожиданиям, после краткого промежуточного периода обнаруживается повсеместно *недоста-*

---

[1]) «Grundfragendes Arbeitsrechts». Fünf Vorträge. (Сборник докладов виднейших профсоюзных писателей). Берлин, 1927. Издание АДГБ. Стр. 12—3.

[2]) Привычное сокращение обозначения «Defense of Realm Act» (Д. О. Р. А.), «Закона об обороне Королевства», фактически упразднившего в Англии конституционные гарантии.

[3]) Даже и идеи «*национализации*» некоторых отраслей национального хозяйства и участия рабочих в управлении этими отраслями получают и у самых «умеренных» реформистов новый импульс *под действием войны*, как это показывают резолюции бирмингамского конгресса трэд-юнионов в 1916 г.

ток рабочих рук, вызываемый колоссальными потребностями разрушительнейшей войны и неслыханными мобилизациями. «*Впервые за многие сотни лет*,—констатирует одно лейбористское исследование,—*спрос на рабочие руки превышал предложение*, и пришлось быстро прибегнуть к вмешательству государства, чтобы не допустить использования рабочими преимущества их крепкой позиции» [1]).

Практика государственного вмешательства на основе «социального мира» и всей связанной с этим демагогии сразу же приобретает двойственный, внутренне-противоречивый, «диалектический» характер: она, конечно, навязывается буржуазии высшей силой всей обстановки, буржуазия в принципе предпочитала бы обойтись без всего этого перероста государственного вмешательства в ее «частные» дела, без связанных с этим «уступок» рабочим и двусмысленной и поэтому для нее опасной демагогии. С другой стороны, вся эта «охрана» интересов рабочих со стороны «попечительного» государства и социальная демагогия служат не только целям обмана масс, но и непосредственнейшей их сдержки. Это не только клапан безопасности, это и механическое средство зажима рабочих масс. И в этом еще отношении «достижения» революции (революции—по-реформистски) являются продолжением военных «достижений». Отмеченная внутренняя «диалектика» расцветет со временем во-всю в таких в особенности учреждениях, как немецкий принудительный арбитраж.

Но присмотримся к плодам «социального» творчества бойни народов поближе. И самым реакционным правительствам приходится ради обеспечения себе поддержки профсоюзов и «патриотического» развращения рабочих вступать на путь некоторых дешевеньких «уступок», но получающих в глазах профсоюзных реформистов значение «победы принципа». Вот перечисление этих начальных «уступок» в уже цитированном докладе Флато:

> «В области охраны рабочих война приносит рядом с некоторым временным устранением кое-чего от прошлого и *прогресс* в виде запрета ночной работы для пекарей, в области социального страхования рядом с приспособлением к условиям войны введение каждонедельных пособий, в области учета и посредничества рабочего труда (Arbeitsnachweis) *первые государственные мероприятия*, выражающиеся во введении центральных справочных бюро, в области попечительства над безработными начало его отмежевания от попечительства о бедных» (разрядка везде наша) [2]).

Словом, «победа принципа» («*первые* государственные мероприятия», «*начало* отмежевания» и т. п.) ознаменована в целом ряде «областей». При чем основная «победа принципа» выражается в том, что кладется начало государственному «обеспечению» безработных. «Индустриальная резервная армия» переводится из разряда официальных пауперов, живущих милостыней, в повышенный разряд «обеспечиваемого» государством сословия! Эти зародышевые блага войны и поныне тщательно и благодарно регустрируются в профсоюзной литературе, предназначаемой для широкой рабочей публики. Историческая преемственность, берущая свое начало от бойни народов, везде неуклонно устанавливается.

В книжечке о профсоюзном движении в Германии, изданной амстердамским интернационалом, в главе, озаглавленной «Социальная политика и военное попечительство», читаем:

[1]) Цитировано у Alama. G. B. Fisher. «Some problems of wages and their regulation in Great Britain since 1918». Лондон. 1926. Стр. 13. Эту, богатую фактическим материалом книгу мы в дальнейшем обильно используем.

[2]) Цитир. сборник. Стр. 12.

> «Профсоюзы немедленно поставили свой богатый социально-политический опыт на услуги военного попечительства. Они использовали свое сотрудничество при постройке и проведении военного попечительства, чтобы охранять рабочих от последствий войны и чтобы рядом с мероприятиями, посвященными этой цели, добиться установления *прочных социально-политических учреждений* согласно со своими старыми требованиями» (разрядка наша) [1]).

Словом, благодаря «участию» профсоюзов с их «богатым опытом» в «военном попечительстве» мировая война (что за нежная, богом одаренная эпоха!) становится еще и эпохой мирных, но зато «прочных социально-политических» завоеваний, эпохой реализации «старых требований» профсоюзов,—по крайней мере в смысле «победы принципа»... В чем же состоит *главное* достижение в этой области? Когда в конце 1914 г. в ответ на пред'явленные профсоюзами пожелания гогенцоллернское правительство ограничивается обращением требования к коммунам о проведении «попечительства над безработными»

> «профсоюзы следят за мероприятиями, предпринимаемыми на этом основании коммунами, и когда им пришлось констатировать, что усердие, проявляемое коммунами при этом в лучшем смысле этого слова патриотическом деле, ни в коем случае не могло быть признано удовлетворительным, они продолжали свои старания, чтобы добиться пособий для безработных из государственных средств. И они добились того, что союзное государство в силу постановления Союзного Совета от 1 декабря 1914 г. передало в распоряжение коммунальных органов субвенцию в 200 милл. марок для целей еженедельных военных пособий, как и пособий для безработных».

Словом, почти эпос! Мировой рабочий класс (для которого на всех основных языках издаются публикации амстердамского интернационала) должен и поныне хранить в благодарной памяти эту сумму в 200 милл. марок, ибо она представляет собой то зернышко, из которого впоследствии постепенно выросла гордая система страхования от безработицы, «прочно» реализовавшая далее всего шедшее «старое требование» социал-демократии, коего целью было обеспечить рабочие массы от худшего зла, безработицы,—размеры которой оказались впоследствии грандиозными—и этим «нейтрализовать» нажим «индустриальной резервной армии» на уровень зарплаты. (Мы впоследствии увидим, с какою степенью успеха!)...

Но несравненно более широкие, как и более прочные, хотя сразу и менее заметные нововведения приносит с собою война в области *регулирования зарплаты*. Тут «новое» отнюдь не всегда имеет характер «уступок» рабочему классу, оно не является продуктом сознательного «творчества» военного государства, отчасти просто проходит мимо него. Между тем, в этой области воюющее государство (и стоящая за ним капиталистическая буржуазия) волею-неволею вступает здесь на скользкий путь. За многое, что получает в этой области начало в военный период, капиталистической буржуазии и ее государству приходится еще спустя много лет довольно жестоко расплачиваться (между прочим, и всеобщей. и горняцкой забастовкой в Англии в 1926 г.). И многое из «идеологии», связанной с практикой регулирования зарплаты тех времен, переходит по наследству в проч-

[1]) Richard Seidel. «Die Gewerkschafsbewegung in Deutschland». Amsterdam. 1927 г. Стр. 83.

ный железный фонд центристско-реформистских течений (как, напр., пресловутая теория т. н. «living wage», т.-е. зарплаты, обеспечивающей «приличную» жизнь).

Но обратимся вкратце к основным фактам. Тут более всего прозрачен и поучителен британский опыт. В Англии гнет военно-полицейско-государственной машины в период войны сказывался все же несколько слабее, чем в совершенно закрепощенной Германии. И рост численного состава профсоюзов здесь не был задержан войною. И фактическая история интересующего нас развития лучше разработана в соответствующей литературе. Но многое из развития, ясно наметившегося в Англии, стало в той или иной степени общим законом и для других стран (в частности и для Германии). Основные тенденции развития можно схематически свести к трем моментам. Первый момент — это совершенно небывалый рост непосредственного вмешательства государства в дело нормирования и регулирования зарплаты. (То, что мы наблюдаем в этой области в настоящее время и есть прямое наследие тех времен). Второй момент—это необычно сильно проявившийся процесс выравнения зарплаты, (а стало быть и уровня жизни) отдельных слоев рабочего класса, на время несколько подкосивший корни рабочей аристократии (создавая в ее рядах почву для временного проявления «левых» настроений!), но одновременно относительно повышая уровень жизни рабочей демократии (с обратным результатом, т. е. несколько облегчая доступ реформизму в эту рабочую среду), в общей же сложности сближая друг с другом различные прослойки пролетариата, сплачивая пролетарскую массу, но и создавая почву для большей амплитуды колебаний между радикальными настроениями и сословно-цеховыми, захватывающими в обоих случаях более широкие массы. Третий момент—это (по крайней мере кажущийся) отрыв зарплаты от положения промышленности, от того, что «промышленность (точнее, та или иная ее отрасль, то или иное предприятие) в состоянии дать», т. е. от степени ее рентабельности. Так как фактически промышленность, питаемая годами неисчерпаемыми государственными заказами, искусственно процветала, и с другой стороны государство по социальным соображениям чувствовало себя вынужденным обеспечивать всем слоям рабочих кое-какой уровень жизни, то практически вопрос о рентабельности просто не ставился. (В худшем случае государство заботилось о том, чтобы этот вопрос не ставился рабочими с целью получения слишком «высоких» ставок). На этой почве и возникла теория «living wage» («жизненной», «достойной» зарплаты и т. п.), причинившая впоследствии с переменой отношений не мало хлопот государству и промышленникам и разработанная в целую утопическую доктрину английскими центристами.

Коснемся вкратце каждого из этих трех моментов в отдельности. Первые два получили более универсальное применение. Что же касается третьего, то ясно, что в Германии с ее нищенскими условиями жизни масс во время войны государство и буржуазия остерегались болтовни о «living wage». (Ее заменял «К.—К.—Brot», неудобос'едобный хлеб с одним и с двумя «К»).

Рост вмешательства государства. Война внесла первоначально большой хаос в методы установления зарплаты в Англии, в которой и до войны коллективные договоры охватывали около 2½ миллионов рабочих. Механизм ставшего необходимым увеличения номинальной зарплаты применялся разнообразный, но в итоге,—пишет Алан Фишер,—«область, охваченная различными методами государственного регулирования, стала столь

обширной и значительной, что не будет допущено серьезной ошибки в утверждении, что по всей стране зарплата находилась под контролем государства того или иного типа» [1]). Так или иначе и в том или ином темпе уровень зарплаты повсеместно равнялся по масштабам, установленным официальными органами. «В некоторых случаях, как напр., на железных дорогах, форма коллективных договоров, существовавшая и до войны, была сохранена, но железнодорожный Исполнительный Комитет, с которым теперь приходилось иметь дело профсоюзам, был уже Комитетом Борд оф Тред (т. е. Комитетом при Министерстве. Прим. наше), хотя его членами и состояли директора железнодорожных обществ, и в случае отсутствия согласия окончательное решение принадлежало Борд оф Тред или иногда Военному Кабинету. Горнорабочие были фактически точно так же наемниками государства» [2]).

Очень скоро все регулирование зарплаты, как и весь верховный контроль над производством страны перешел фактически к всемогущему «Комитету по производству» (Committee of Production), возникшему в феврале 1915 г. Уже спустя две недели после своего возникновения Комитет приходит к заключению, что

> «в течение настоящего кризиса (речь, конечно, о войне. Прим. наше) ни предприниматели ни рабочие ни в коем случае не могут допускать, чтобы возникающие между ними разногласия приводили к прекращению работ... В случае возникновения разногласий, которых не удалось бы уладить непосредственно заинтересованным сторонам, ни их представителям, ни путем применения уже существующих схем, вопрос должен переходить к нейтральному («impartial») трибуналу, назначенному правительством его величества для немедленного расследования и доклада правительству на предмет улажения».

Правительство приняло немедленно к исполнению указания Комитета, и этим была положена основа относительно более однообразному, упрощенному и ускоренному регулированию зарплаты, пережившему, как увидим, и период войны. Уже спустя месяц, большинство профсоюзов, связанных с военным производством, берет на себя обязательство не прибегать к забастовкам и пред'являть возникающие спорные вопросы на решение Комитета по производству или другого трибунала. В июле того же года «Закон о военном снаряжении» придает решениям Комитета обязательную силу. Цепь замыкается. И в тех отраслях, которые непосредственно не подчинены законом ведению Комитета по производству и его органов, авторитет Комитета признается сторонами, и развитие норм зарплаты так или иначе приспосабливается к его указаниям. Государственное нормирование зарплаты становится простою составною частью государственного контроля над производством. «Социальная политика» и «хозяйственная политика» сливаются в одно целое под патронатом и руководством всесильного государства, конечно, неразрывно связанного с мощнейшими капиталистическими кругами, но уже тогда далеко не чуждого страха перед рабочими и поэтому выступающего в облачении высшей, об'единяющей, «нейтральной» силы, «примиряющей» противоречивые интересы.

Значение вмешательства государства вырастает еще в результате того, что уже начинает выступать наружу то явление, которое мы ниже осветим подробнее, а именно: государство со своими материальными

---

[1]) Alan G. B. Fisher. «Some problems of wages and their regulation in Gr. Britain since 1918». London. 1926. Стр. 1.

[2]) Там же. Стр. 2.

ресурсами и своим организационным механизмом вынуждено *восполнять, заменять предпринимателя* для «*обеспечения*» *рабочим определенного уровня жизни, определенной нормы «дохода»*. Впоследствии это явление выразится в относительно крупном развитии всякого рода страхований и другого типа «пособий», без которых уровень «дохода» рабочего класса в целом и поныне существенно отставал бы и от довоенного уровня. В самый разгар войны выплачиваемый железнодорожникам в Англии так. назыв. «War bonus», т.-е. дополнительная «военная» субвенция к старой зарплате, фактически выплачивается (в виду тяжелого положения частных жел.-дор. компаний) из средств казначейства.

В других странах мы наблюдаем только те или иные варианты в принципе того же развития. Тут явное начало кое-чего нового, не совсем преходящего, а именно: *более близкого и непосредственного отношения государственной машины к нормировке зарплаты и вообще всей доли участия рабочего класса в «национальном доходе»*. «Одно несомненно—заявляло впоследствии, уже после окончания войны, Министерство Восстановления—вопросу о зарплате уже никогда не будет дозволено вернуться к положению, каким оно было десять лет назад, когда государство не имело к нему никакого отношения» [1].

Второе—процесс выравнивания зарплаты отдельных слоев пролетариата: некоторая «*уравнительная*» *тенденция при регулировании зарплаты* во время войны была навязана государству как чисто *экономическими* фактами (громадным спросом на рабочие руки, необходимостью пустить в ход всю имевшуюся в распоряжении рабочую силу и вместе с тем не допустить ни слишком высоких ставок, ни конкуренции между предпринимателями в борьбе за рабочую силу), так и *социальными* соображениями (необходимостью хоть в минимальной степени поддерживать «патриотический» пыл рабочих), так, наконец, и чисто *техническими* соображениями, связанными с военной обстановкой (необходимостью действовать при регулировании зарплаты упрощенными и быстро действующими методами). Последнее, т.-е. упрощение методов, выразилось, напр., в том явлении, что становившиеся неизбежными (с понижением ценности денежной единицы) повышения зарплаты получали по преимуществу форму так назыв. «военных бонусов», т.-е. более или менее однообразных прибавок, в результате чего «хуже оплачиваемые категории получали относительно более значительное увеличение, нежели другие категории». Отдельные решения регулирующих инстанций обобщили эту практику в целое своеобразное «учение» [2].

---

[1]) Цитировано у Фишера. Стр. 180. Конечно, «никакое отношение», т.-е. отсутствие всякого отношения, никогда не было фантом в капиталистической природе: капиталистическое государство всегда всем своим весом и механизмом стояло в принципе на стороне предпринимателей и против рабочих во всей системе их взаимных отношений. Дело только в *более прямом и непосредственном «отношении»* этого государства к нормировке зарплаты и всего дохода рабочего класса.

[2]) В отдельных случаях и при все возобновлявшихся (с ростом падения ценности валюты) повышениях, несоответствие между разными категориями оплачиваемого труда замечательно уменьшалось. Фишер приводит, напр., такой яркий случай из практики железнодорожников: тогда как зарплата отдельных неквалифицированных ж.-д. рабочих поднялась к концу войны с 18 шиллингов до 51, зарплата машинистов скорых поездов поднялась с 48 шилл. до 81; т.-е. превышая раньше зарплату неквалифицированных на 166%, превышала ее в 1918 г. уже только на 60% (стр. 211). Подобных примеров из практики разных стран можно бы привести не мало.

В результате всех этих фактов *значительно сократилось расстояние между оплатою мужского и женского труда, квалифицированного и неквалифицированного, оплатою отдельных отраслей индустрии, наконец, значительно сократились локальные различия*. Вот те основные четыре линии, в направлении которых наметились тенденции к выравнению. Важнее всего здесь смягчение различий между неквалифицированным и квалифицированным трудом и *пробившая себе путь тенденция к коллективным договорам в национальном масштабе*.

Широко распространенное мнение о необычайно высоких заработках квалифицированных рабочих сводилось в значительной степени к легенде, покоившейся на «грубом преувеличении», как признают в настоящий момент более беспристрастные наблюдатели [1]). Зато относительное повышение норм оплаты неквалифицированного труда—факт несомненный. Серьезнейшее же во многих отношениях значение приобретает получившая новый импульс тенденция к высвобождению нормировки зарплаты из пут локальной и цеховой замкнутости с переходом к нормировке в едином, общенациональном масштабе. Условия войны и необходимости простых и быстрых решений побуждают правительство, по крайней мере на время, стать на сторону общенациональных соглашений против местных и цеховых. Но это не проходит даром и сказывается в послевоенные годы. В 1920 г. «Национальный Союз Железнодорожников» настаивает на том, что «железные дороги должны рассматриваться, как нераздельное целое», и «Промышленный Трибунал» (Industrial Court) вынужден стать в принципе на сторону Союза против узкоцеховых союзов (Craft Unions), отстаивающих обязательность своих местных договоров. Центральным пунктом громадного конфликта в угольной промышленности весной и летом 1921 г. является этот же вопрос об однородном общенациональном методе повышений или снижений ставок.

Ясно, что это развитие должно было приблизить друг к другу различные слои рабочего класса и в частности подтолкнуть развитие так наз. «индустриальных уний», т.-е. союзов, охватывающих всю промышленность, в ущерб более мелких узкоцеховых союзов, атомизирующих рабочую массу. Ясно также, что упомянутое развитие должно было расширить базу для коллективных договоров, сообщая всем этим новый толчок развитию профсоюзного движения и всей системы отношений между наемным трудом и капиталом (к чему мы в другой связи еще вернемся).

Некоторое выравнение оплаты труда различных категорий рабочих явилось, без сомнения, общеевропейским явлением (конечно, только «некоторое», а далеко не абсолютное) [2]).

В среде воюющих держав исключение составили разве только Соедин. Штаты [3]). В тех же странах, где впоследствии наступило резкое обесценение валюты, инфляция поравняла всех в нищете.

---

[1]) Фишер, стр. 8.

[2]) Общеевропейскими должны были стать и *политические* последствия этого развития. Оно в целом способствовало внутреннему сплочению рабочего класса, но и усилило амплитуду его колебаний, временно облегчая смену настроений на более широкой массовой основе и временно сдерживая ту внутриклассовую и партийно-политическую диференциацию (расслоение) рабочего класса, которая приобретает более прочные, менее расплывчатые контуры только в позднейшие годы. Указанное развитие, таким образом, быть может, в *прошлом* замедлило процесс образования, укрепления, отвердения последовательно-революционных пролетарских партий, но в конечном итоге оно только облегчит им охват более широких, безусловно решающих пролетарских масс.

[3]) Отчет германских профсоюзных деятелей об их поездке в С. Штаты приписывает это тому обстоятельству, что в С. Штатах профсоюзы являются исклю-

Показательно, что и *диференциация ставок пособий безработным* сообразно их прежнему роду занятий и степени квалифицированности только с трудом пробивала себе путь. Итак, например, немецкие профсоюзы только 6 марта 1926 г. при сопротивлении со стороны коммунистов и не без внутренней борьбы в собственных рядах [1]), решились выступить открыто с требованием «градации (пособий) по классам зарплаты».

Отметившаяся более или менее повсеместно (при поддержке профсоюзной бюрократии) реакция против этих «уравнительных» тенденций уже не смогла вернуть полностью прежнего положения ни еще менее устранить тенденцию к переходу к регулированию зарплаты в общенациональных или во всяком случае крупнейших районных масштабах как на основе коллективных договоров, так и арбитражных решений, охватывающих сотни тысяч рабочих.

Переходим к *третьему* моменту, характеризующему теорию и практику государственного регулирования зарплаты во время войны. Это—*формальный разрыв между рентабельностью промышленности и уровнем зарплаты и сопутствующая ему «теория»* т. н. «*living wage*» («жизненной», «разумной», «достойной» и т. п. зарплаты). Мы уже указали выше, что этот формальный «разрыв» (т.-е. мнимое установление зарплаты безотносительно к рентабельности промышленности, а только в применении к некоторому, «разумному» уровню жизни пролетариата) мог наступить только в момент, когда вопрос о рентабельности промышленности *практически не стоял*, когда промышленность питалась неограниченными военными заказами государства. Промышленность, работавшая на войну, безусловно господствовавшая и превалировавшая в заботах государства, создавала норму, закон и для неохваченных непосредственным военным производством отраслей.

В первый период войны обстановка новых, громадных затруднений, тяжелое финансовое положение, стремление кое-как обуздать безудержную экономическую стихию создало у правительственных органов стремление использовать свои регулирующие функции для недопущения резких повышений зарплаты. К началу второго года войны британское правительство пытается строго ограничить всякое дальнейшее повышение зарплаты уже только «подтягиванием локальных условий там, где это оказалось бы необходимым» (т.-е. некоторым выравниванием зарплаты в отдельных отстающих местах) [2]). Но очень скоро экономическая стихия войны опрокидывает эту

чительно организацией рабочей аристократии, которая одна только могла сполна использовать для себя наступившую с войною повышательную тенденцию на зарплату. В результате,—резюмирует отчет,—«в С. Штатах с 1914 г. наступило не сближение («Zusammenschiebung») различных слоев пролетариата,—как оно произошло в Германии,—но увеличение расстояния между ними» («Auseinanderschiebung»). «Amerikareise deutscher Gewerkschaftsführer». Berlin. 1926 г., стр. 37. Согласно тому же отчету, вопреки распространенному представлению о необычайном благосостоянии *всего* рабочего класса Америки, около одной трети всего числа рабочих живет в туманном кругу бедноты (стр. 181). Это легко себе представить, если сообразить, что, согласно цензу 1923 г., еще целая половина американских рабочих работала на предприятиях, затрудняющих менее 100 рабочих (Report of the delegation appointed to study industrial conditions in Canada and the United States of America, 1927, ст. 15). Предлагаем также посмотреть сопоставление зарплаты фабричных рабочих с зарплатой «простых рабочих на дорогах» в «Commerce Yearbook» за 1926 г. (I т., стр. 62). Картина невероятная: даже и *номинальная* зарплата этих рабочих вышла из войны *пониженной* против довоенной, тогда как зарплата фабричных рабочих более, чем удвоилась!

[1]) Как это признает профсоюзный «Ежегодник» (Jahrbuch, 1926, des ADGB, стр. 49).

[2]) Labor Research Department. Wages, Prices and Profits. Стр. 12 и след.

чисто консервативную тенденцию. Неудержимо растущие цены, необходимость действовать быстро, не слишком раздражая рабочих и в то же время сдерживая и умеряя их «вожделения» заставляют государство прибегнуть к более простым и «ясным» методам и критериям.

Практика более или менее однообразных повышений на основе подвижной скалы в применении к «цене жизни», т.-е. к индексу цен на необходимые товары, пробивает себе широко путь, становится общим правилом при решениях Комитета по производству и его органов. Новый критерий пришел как раз во-время. В рабочих массах уже успело поколебаться доверие к «беспристрастности» государства. Рабочие массы необходимо было успокоить. «С другой стороны, не следует забывать, что фундаментальным свойством рабочего рынка во время войны была нехватка рабочих рук в результате последовательного поглощения военной службой 8 миллионов людей. В жизненных отраслях промышленности эта нехватка *повлекла бы к неограниченному повышательному движению* (зарплаты), *если бы рабочему люду дана была возможность добиваться максимальной цены за свой труд*. В этой обстановке и при существовавшем для крупных частей промышленного населения обязательстве—подчиненном патриотической, а то и законной санкции—оставаться на той или иной работе, *никакой другой принцип* (подразумевается, кроме принципа повышения зарплаты применительно к «цене жизни») *не был возможен*» [1]).

Таким образом, новый критерий зарплаты имел, по меньшей мере, двойственный смысл и значение. Он действовал на рабочих «успокаивающе», притом «трактуя одинаково различные их категории» (напоминает сэр Джордж Асквит, первый председатель «Комитета по производству»), с другой стороны, сдерживая и обуздывая рабочих. И хотя смысл нового официального критерия сводился прежде всего к применению зарплаты к индексу цен, все же практика однообразных прибавок (о которой не даром в этом контексте напоминает Асквит), натиск снизу и демагогия сверху несколько раздвинули рамки и в особенности понимание нового критерия. *Так возник двусмысленный лозунг «living wage»* с его вариантами «разумной», «достойной» и т. п. зарплаты. Постепенно сложился софизм, будто государство (и капиталистическое общество) обеспечивает, или обязывается (или даже «обязано») обеспечить рабочим массам «разумный», «достойный» и т. п. уровень жизни. В связи с этим создалось представление, будто жизнь окончательно порвала с освященным всей логикой капиталистического режима и всей традиционной практикой трэд-юнионов принципом устанавливания норм зарплаты в строжайшем применении к тому, что каждая данная отрасль, каждое данное предприятие «способно платить» в данное время и при данной кон'юнктуре. Этот принцип «экономической зарплаты» будто бы уступил место более общему, более однообразному и универсальному принципу обеспечения всякому рабочему и во всякое время «достойного» и «разумного» уровня жизни «независимо» от условий рентабельности. При всей фальши, скрывающейся во всем этом, ясно все же, что военная обстановка толкнула тут капиталистическое государство на скользкий путь. Оно само помогло бросить в массы двусмысленный лозунг, который со временем должен был так или иначе обратиться и против него. «Отношение, установленное между зарплатой и ценой жизни [2]) (cost of living), было, без сомне-

[1]) W. T. Layton. «An Introduction to the Study of Prices». London. 1922. Стр. 141/2.

[2]) Следовало бы, конечно, употреблять выражение «издержками на содержание» Мы употребляем здесь (как в дальнейшем нашем изложении) неправильное выражение, являющееся буквальным переводом, так как оно дает более ясную логическую (как и терминологическую) связь с также буквально непереводимым лозунгом и термином «living wage».

ния, революционным нововведением»—пишет уже не раз цитированный нами Фишер. «Революционным» оно, без сомнения, не было (а было даже и контрреволюционным, поскольку оно ставило себе целью и обуздание «аппетитов» рабочих, как это признает и либерал Лейтон, и сам Фишер), но верно то, что оно не обошлось в дальнейшем без революционных последствий.

Страх перед революцией (подстегнутый победою большевиков в России) побудил впоследствии «теорию» «living wage» включить и в официальное «учение» вильсонизма и даже—обстоятельство уже несколько позабытое—и в доктрину версальского договора. В военно-социальном декалоге, провозглашенном в начале 1918 г. президентом Вильсоном, на созванной им конференции из представителей американских промышленников и Американской федерации труда, было официально прокламировано «право всех рабочих, включая и чернорабочих, на жизненную зарплату» («living wage»). «При определении зарплаты—объявлялось дополнительно—должны быть устанавливаемы минимальные ставки, обеспечивающие рабочему пропитание с его семьей в условиях здоровья и разумного комфорта» [1]). И пресловутый § 427 версальского договора рядом с восьмичасовым рабочим днем и другими пунктами этой капиталистической «декларации прав рабочего» провозглашает принцип «оплаты за нанимаемый труд зарплаты, необходимой для обеспечения разумного уровня жизни». К старым побуждениям присоединилось новое: боязнь сильнейших капиталистических держав промышленной конкуренции со стороны молодых и новых государств с их низкой зарплатой. Эти великолепные начала (как впоследствии фритредерская мораль «манифеста банкиров») предназначались прежде всего на вывоз.

Практика своеобразно толкуемого «living wage» просуществовала в Англии после войны еще приблизительно целых 1½ года. В 1920 г. «Промышленный Трибунал» в одном из своих решений пытается обосновать необходимость разрыва с этой практикой, с переходом на старые изведанные принципы.

> «Во время войны,—рассуждает трибунал,—когда обычные экономические условия были нарушены, или временно приостановлены, цена жизни (cost of living) служила важным фактором при определении зарплаты. В настоящее время, когда рынок опять свободен, трибуналу представляется, что перемены в цене жизни сами по себе не должны неизбежно обусловливать какие бы то ни было изменения в зарплате. Вознаграждение различных слоев рабочих должно, при нормальных обстоятельствах, зависеть от ценности произведенной работы, ценность же произведенной работы зависит от состояния рынка и спроса на фабричное производство» [2]).

Мы видим, это полнейший, циничнейший разрыв с прежней продолжительной двусмысленной практикой и в особенности «теорией». Условия на самом деле резко изменились. В том же 1920 г. начинается колоссальный кризис английской промышленности. Вопрос о «рентабельности» теперь встает остро. Вместо нехватки рабочих рук, получается колоссальная безработица. Но двусмысленная практика военного и первого полуреволюционного периода и связанная с нею гнусная, цинично-обманная демагогия сверху сделали свое. Именно кругом этого противоречия—«экономическая зарплата» (т.-е. зарплата, максимально считающаяся с рентабельностью каждой отрасли и каждого предприятия) и «жизненная плата»—разгорается борьба классов, продолжающаяся и поныне. Ее кульминационным моментом

[1]) См. W. Jett Lauck. «Political and industrial democracy». New-York, 1926, стр. 15.

[2]) «Labour Cazette», март, 1920 г. Цит. у Лейтона. Там же.

является всеобщая забастовка и забастовка горнорабочих 1926 г. Основной лозунг капиталистов, государства и в растущей степени всех реформистских вожаков—требование, обращенное к рабочим: «face the facts!», смотрите в лицо действительности, т.-е. считайтесь с тем, что «промышленность способна дать». Наоборот, основной практический лозунг и инстинктивное стремление масс сохранить, защитить завоеванный, еле-еле достигающий предвоенных норм уровень жизни. Поражением 1926 г. массы расплачиваются за провокационную демагогию капитала и государства времен войны и первого послевоенного периода, но эти массы вместе с тем переступают через тот традиционный и священный предел, какой ставит их экономической борьбе капиталистический режим, т.-е. через принцип рентабельности предприятия. Эти массы, пусть отчасти еще только безотчетно, вступают на путь борьбы с капитализмом, как хозяйственной системой; т.-е. фактически на революционный путь. Это та цена, которую платят буржуазия и ее государство за свою двусмысленную практику и эксцессы демагогии военного и революционного периода.

Теперь для нас ясно, откуда черпает свою мудрость британский центризм (а отчасти и новейшая немецкая реформистская «теория»). Лозунг «living wage», который стал центральной, программной концепцией британских «левых» лейбористов (в особенности из рядов независимой рабочей партии) и с которым фактически совпадает лозунг «высокой зарплаты» (как предполагаемого выхода из кризиса сбыта), распространенный в немецкой реформистской теории,—этот лозунг ведет свое начало от вильсонизма, от версальского договора, от двусмысленной практики и официальной демагогии эпохи войны и первого революционного периода (отчасти продолженной и в период инфляции, когда «рентабельность» предприятий оставалась также непрозрачной). Но так как центристы, как и простые реформисты, боятся революционных последствий и выводов и, наоборот, на практике всячески желают считаться с «возможностями» индустрии (т.-е. с ее рентабельностью)—в особенности, когда дело становится серьезным, как было в Англии в 1926 г. в период стачки горнорабочих—то свое требование «living wage» (или просто «высокой» зарплаты) они соединяют с программой «реформы» капитализма (практически отнюдь не идущей дальше требований либерального «Меморандума») или с наивными упражнениями в области «теории рынка»: механизм капиталистической промышленности должен быть настолько «реформирован», обновлен и «рационализирован», чтобы восстановить свою способность обеспечивать рабочим «living wage», достаточно «высокую» зарплату. «Высокая» (или «разумная», «достойная» и т. п.) зарплата, создавая в самой стране платежеспособный спрос, и явится-де лучшим выходом из затруднений сбыта для послевоенного капитализма. Таким образом «living wage» становится средством исцеления капитализма. Вместо революционной диалектики получается простая программа «рационализации», одобренная утопической теорией внутреннего рынка [1]).

Таково, заметим в скобках, историческое происхождение самых «смелых» реформистских «идей»: война, вильсонизм, официальная капиталистическая демагогия, инфляция.

Все же основных нововведений и «достижений» войны, перешедших по наследству к позднейшим периодам революции и «стабилизации» и получивших еще дальнейшее развитие и поэтому заслуживающих особого внимания, следует искать не столько в упомянутых двух областях («охранитель-

[1]) Замечательно удачную критику этой «теории» дает Пальм Дэтт в своей книжечке «Socialism and the living wage» (Лондон, 1927. Изд. брит. коммун. партии), которую мы усердно рекомендуем читателю.

ного» законодательства и нормировки зарплаты), сколько и *прежде всего в области профсоюзного движения. Война кладет начало целой эволюции реформистских профсоюзов*, глубоко видоизменяя всю систему взаимоотношений между этими союзами, представляющими собой самую массовую организацию рабочего класса, и современным капиталистическим государством. Война кладет также начало заводской организации рабочих, подчиняя ее профсоюзам (еще раньше, чем это с сознательно-контрреволюционными целями успели сделать профсоюзы, превратив предварительно революционные Советы в жалкий ублюдок «гарантированных» конституцией «Заводских советов»). Наконец, война кладет начало в известном смысле новому, сословному перерождению профсоюзов, глубоко меняя их прежние функции, обеспечивая им фактический перевес над той же реформистской, но политической организацией рабочих (т.-е. над социал-демократической *партией*), включая их в общегосударственный механизм, сближая их и с формально несоциалистическими профсоюзами и сводя их с такими же, т.-е. общецеховыми профессионально-сословными организациями предпринимателей и *в основном* подчиняя профсоюзы контролю последних.

Мы уже склонны забывать о том, что многое, что мы в этой области наблюдаем в настоящее время и что нам представляется чем-то новым и новейшим, ведет свое фактическое непосредственное начало от империалистической войны. Она и здесь явилась «родоначальницей», открыла новую главу истории капиталистического общества.

Воюющее государство начинает с того, что оно «*признает*» профсоюзы по всей линии, официально и формально. С принятием закона от 26 июня 1916 г. с германских профсоюзов снимается их приравнение к политическим союзам, с чем были связаны всякие стеснения. Но и в более «свободолюбивой» Англии, где профсоюзы были гораздо сильнее укоренены в законе и в обычаях, чем в Германии, окончательное «признание» профсоюзов государством было также отнюдь не лишено практического значения. В некоторых важнейших отраслях промышленности—как на железных дорогах—вопрос о «признании» профсоюзов (как равноправной стороны при заключении договоров) сохранял жгучее значение до самой войны. И здесь должен был наступить перелом. «Необходимость обеспечения доброй воли трэд-юнионистов во время войны на самом деле заставила правительство предпринять меры, усилившие и консолидировавшие позицию всех трэд-юнионов [1]. (Конечно, это «усиление» и «консолидацию» следует понимать только в специфическом смысле).

Но дело не ограничилось одним изменением *формально-юридического* отношения! Дело пошло несравненно дальше этого. Энгельс писал о том в восьмидесятых годах, как с глубоким изменением всего хозяйственного и политического положения в Англии с 1848 года «трэд-юнионы, еще недавно оглашаемые как дьявольское изобретение, стали теперь предметом *ласк* («*кажолирования*») и *протекции* фабрикантов, как в высшей степени оправдывающие себя учреждения и как полезное средство распространения здоровых экономических учений среди рабочих» [2]. Государству в период мировой войны профсоюзы становятся *еще нужнее*, чем английским фабрикантам пятидесятых и следующих годов прошлого столетия: оно вынуждено их «кажолировать и протежировать», нуждаясь в них не только для распространения среди рабочих «здоровых экономических (и политических!) учений», но и как в простейшем «полезном средстве» для приведения

[1]) Фишер. Цит. труд. Стр. 62—63.
[2]) Die Lage d. «Arbeitenden Klasse in England». Введение к V нем. изд. стр. 17.

в максимально-производительное движение всей огромной машины человеческого труда. Всякое упрощенное и ускоренное регулирование условий труда государством требовало того или иного участия профсоюзов, на этот раз как представительства *всего* рабочего класса. Государство должно было даже способствовать расширению этого фактического и формального «представительства интересов» и на неорганизованных, т.-е. по сути именно на весь рабочий класс. Профсоюзы и стали не только «признанным» фактором, но и об'ектом «ласк и протекции» государства, убедившегося в «здоровье» распространяемых ими «учений». Государство сводит профсоюзы с организациями предпринимателей, вводит представителей профсоюзов в качестве законного представительства наемного труда во вновь образуемые смешанные, паритетные согласительные учреждения и т. п.

Этим об'ясняется, почему и самые гнусные военные мероприятия, окончательно закрепощающие труд рабочих для целей военного производства, *сочетаются с расширением формальных прав и полномочий, с установлением новых функций профсоюзов*. Так было, например, с самым подлым и диким измышлением немецкой военщины, так наз. «Законом о вспомогательной службе», законом, который во имя выполнения так наз. «программы Гинденбурга» превращал большинство германских рабочих в военно-мобилизованных. С этим окончательным закрепощением пролетарского труда связан был целый ряд нововведений (как-то: согласительных органов, заводских комиссий и т. п.), в которых и поныне реформистская мысль усматривает «победу принципа», начало «хозяйственной демократии». Во введении к своему новейшему учебнику пишет широко известный знаток германского «рабочего права» Вальтер Каскель (считающийся «классиком» в этих вопросах):

> «*Решающее преобразование современного рабочего права начинается все же только с «Закона о вспомогательной службе» от 5 декабря 1916 г., с которым вступает в силу новый период развития рабочего права* не только потому, что этот закон вводит (для всех соответствующих заводов) комиссии служащих и рабочих, явившиеся *предвестниками* наших теперешних заводских комитетов, и не только потому, что в этом законе предусмотрены согласительные комиссии, из которых *выросли* теперешние согласительные комиссии, *но прежде всего потому, что закон этот формально признал союзы*, предоставив им право делегирования своих представителей в согласительные комиссии, и практически допустил их в широчайшем масштабе к проведению всего закона в жизнь. *С этого момента «хозяйственные об'единения работодателей и нанимающихся на работу»* (законно-техническое обозначение, которое они тут впервые получают) *становятся согласно некоему «неписанному государственному праву»—первоначально в области социально-политического законодательства и управления, а впоследствии и во всех других областях внутренней и внешней политики—решающими факторами нашей общественной жизни»* [1]).

Мы видим, худшее и злостнейшее закрепощение рабочих и их подчинение предпринимателям (и их высшим военным целям) вырастает в представлении либерально-профессорской, как и реформистской «историографии» в целую историческую грань, в начало целой эпохи, ибо именно с этим закрепощением исторически-неразрывно связано все новейшее развитие

[1]) W. Kaskel. «Arbeitsrecht». III изд. Берлин. 1928, стр. 8.

профсоюзов, как законно «признанного», внедряемого в государственный механизм, формально уравниваемого с «об'единениями работодателей» «фактора нашей общественной жизни». Но в Англии, как и в Германии, новые функции и новое положение профсоюзов вырастают также в неразрывной связи с основным актом законодательного творчества войны—«Законом о военном снабжении» 1915 г. (Munitions of War act), запрещающим забастовки и практически вводящим для целых категорий рабочих принудительный труд. Все эти нововведения прежде всего глубоко меняют самые функции профсоюзов. Временному ослаблению подвергается даже и практика коллективных договоров, ибо в деле установления условий труда обе стороны, т.-е. и рабочих и предпринимателей, отчасти заменяет теперь государство. «Это обстоятельство,—констатирует Фишер,— неизбежно ведет к ослаблению побуждений к сохранению тесного контакта между рабочими и предпринимателями, который до войны способствовал сокращению расстояния между притязаниями обеих сторон [1]).

Эта формулировка неверна, или верна только отчасти. Верно то, что этот «контакт» между рабочими и предпринимателями получает только другой характер, другое содержание и формы, как восстанавливающаяся впоследствии в расширенном (а не в сокращенном размере) практика колдоговоров меняет также постепенно свой характер. У обеих сторон появляется «посредник» и верховный судья, в лице государства и его новых органов. Из всей практики, всего «тона» деятельности, всего «контакта» профсоюзов с предпринимателями улетучиваются, выветриваются элементы борьбы. Из борющейся (пусть и в скромно-деловых размерах) стороны профсоюзы превращаются в ходатаев, в адвокатов, в стряпчих рабочего класса перед лицом мнимо «третьей» инстанции — капиталистического государства. Забастовки, основное средство борьбы, фактически и по закону исчезают из их практики и кругозора. В отдельных случаях само возникновение профсоюзов, расширение права коалиции на новые слои рабочих и служащих (в государственных предприятиях) обусловливается формальным условием отказа от права на забастовку. Так возникающий в 1916 г. «Немецкий союз железнодорожников» после продолжительных препирательств уже не включает в свой устав упоминание о забастовке и не предусматривает пособий бастующим членам союза, зато требует введения согласительных инстанций. «Контакт» между профсоюзами и предпринимателями отнюдь не прекращается—наоборот. В Германии, именно во время войны возникают постепенно в разных отраслях «Arbeitsgemeinschaften»—«трудовые об'единения» профсоюзов с союзами предпринимателей, из которых и вырастает с началом революции центральная «Arbeitsgemeinschaft» Стиннеса и Легина. Только этот «контакт» существенно меняет свою породу: антагонистический подход к вопросам зарплаты и других условий труда постепенно подменяется возможно «согласованным», совместным подходом к «более широким областям» всего «социального» законодательства и постепенно и всей хозяйственной, а отчасти и просто «всей внутренней и внешней политики». Из борющейся стороны с определенно очерченными задачами профсоюзы постепенно превращаются в некую составную и «признанную» часть государственного и социально-экономического механизма всей буржуазно-капиталистической общественности.

Эта перемена функций влечет за собою (как всегда в живой природе) и структурно-анатомические перемены. Из представительства передовых слоев пролетариата (то «передовых» только в смысле привилегированного положения—аристократической верхушки рабочего класса, то по-настоящему передовых — в политическом отношении) профсоюзы становятся представителями цеховых интересов более широкой (в том числе отчасти и неорганизованной) массы. (Конечно, все это следует понимать «в тенденции», а не буквально).

[1]) Цит. труд. Стр. 2.

Это выражается в двух фактах. В Германии эта тенденция находит себе выражение в характернейшей перемене отношения массы т. н. «свободных» профсоюзов (примыкающих к с.-д. партии) к другим и формально несоциалистическим союзам, т.-е. «христианским» (католическим) и «гирш-дункеровским» (либеральным) профсоюзам. Старая, традиционная грань между этими союзами стирается. Союзы всех этих трех типов входят в растуще близкую связь (что об'ясняется отнюдь не только пробуждением более классовых инстинктов в среде несоциалистических союзов). Союзы эти сближают друг с другом их новые функции. Они действуют вместе, согласованно при заключении новых тарифных договоров, при «подготовке» (под контролем и по почину государства) «попечительного законодательства», в органах «военного попечительства», во вновь возникающих смешанных, заводских комитетах и т. п. Решающую роль играют здесь именно те новые функции, которыми снабжает профсоюзы, «признавшее» их воюющее государство и предприниматели. «Признание профсоюзов государственною властью и предпринимателями, — пишет Рих. Зейдель, — имело своим последствием взаимное признание профсоюзов различных направлений друг другом» [1]). Впоследствии эти профсоюзы всех направлений заключают совместно пресловутую «Arbeitsgemeinschaft»—трудовую общину—с предпринимателями.

Второй факт, второй признак относительности, так сказать, расплывчатости контуров профдвижения — это возникающие «Arbeitsgemeinschaften», где уже заведомо профсоюзы представляют не отдельные слои организованных рабочих, но, наоборот, выступают, как представительство интересов всей массы рабочих. Много позднее глубокое недовольство рабочих кладет конец этим об'единениям труда и капитала (к несомненному сожалению многих профсоюзных бюрократов). Но фактически они исчезают только формально. «Трудовая общность» между предпринимательскими об'единениями и профсоюзной верхушкой, сплошь и рядом весьма интимная (и даже тем более интимная, чем менее формальная), продолжается, и многие идеологи профсоюзов открыто мечтают о восстановлении этой «трудовой общности» только лишь в более высоких, усовершенствованных «конститутивных» [2]) формах, предполагающих распространение принципа «паритетности» на разные профессиональные органы (торговые палаты и т. п.). Другое явление, сюда же относящееся—это восполнение профсоюзов низовыми органами «заводскими комитетами», охватывающими в тех предприятиях, в которых они возникают, всю массу служащих и рабочих. Законодательство и практика сразу же связывают эти органы с профсоюзами, комитеты фактически становятся добавочными органами профсоюзов.

И тут война кладет первые основы заводской организации. Реформистская «историография» и поныне констатирует с благодарностью, что именно в подлейшем рабовладельческом «Законе о вспомогательной службе» 1916 г. «комитеты рабочих и служащих на заводах, как и согласи-

[1]) Richard Seidel. «D. Gewerkschaftsbewegung in Deutschland». Стр. 96.

[2]) Lothar Erdmann («Zum Problem der Arbeitsgemeinschaft», «Arbeit», октябрь 1926 г., стр. 648) говорит об «Institutionelle Arbeitsgemeinschaft».

тельные органы получают впервые свою прочную законную основу» [1]). Революция с ее советами явилась только бурным зигзагом, который осложнил «нормальное» развитие этих гогенцоллернских комитетов к теперешним «завкомам» («Betriebsräte»), точно так же более или менее целиком превращенных в подсобные органы профсоюзов!.. Подытоживая «историческое развитие», пишет и Каскель: «Рядом с организацией на профессиональной основе появляется, наконец, *совершенно новая* организация на заводской основе» [2]).

Но все это вместе взятое (распространение согласительной процедуры, внедрение профсоюзов в государство в качестве законно признанного представительства *всего* рабочего класса, «расплывчатость организационных контуров» и т. п.) способствует *перерождению профсоюзов в своеобразно-сословную организацию на основе представительства цеховых интересов организованной и неорганизованной массы* (чему в известной степени способствует и указанное выше некоторое выравнение зарплаты и прочих условий труда различных категорий рабочих). Капиталистическое государство не только вручает профсоюзам право законного представительства и неорганизованных частей пролетариата, мало того, оно в своих же кровных интересах (нуждаясь в профсоюзах «для распространения здоровых учений среди рабочих» и т. п.) готово даже и само *стремиться к более полному об'единению рабочих в профсоюзы*. В своем первом докладе от 1917 г. образованный в марте 1916 г. британский «Комитет по вопросам об отношениях между работодателями и нанимающимися на работу» (впоследствии широко известный под названием «Комитета Витлейя») приходит к заключению, что

«существенным условием обеспечения прочно улучшенных отношений между работодателями и наемным трудом является *наличность адэкватных организаций со стороны обоих*» [3]).

Государство само стремится к возможно полной, «адэкватной» организованности «наемного труда» на сословно-профессиональной основе. Даже и реакционнейшее в социальном отношении государство С. Штатов берется само за создавание в заводах с необ'единенными в профсоюзы массами «заводских комитетов» для целей заключения коллективных договоров. Гомперсовские профсоюзы первоначально восторженно усматривают в этом факте начало «юнионизации» неорганизованных масс правительством [4]).

Это сословное перерождение профсоюзов, становящихся об'ектом «ласк и протекции» государства и предпринимателей, приобретает тем большее значение, что в огромной степени *вырастает их удельный вес и значение по сравнению с политическими партиями пролетариата*. Из этих двух типов организации рабочего класса именно профсоюзы выступают на авансцену, они в первую голову «кажолируются и протежируются» государством, «внедряются» в его организм и с того момента, после тех или иных зигзагов развития, приобретают *безусловно первенствующую роль*—в явной или скрытой форме—во всем реформистском рабочем движении [5]).

---

[1]) Зейдель. Цит. труд. Стр. 85.

[2]) «Arbeitsrecht». Стр. 272.

[3]) Survey of industrial relations, стр. 42.

[4]) Поэтому, несмотря на многие перемены, происшедшие с тех пор в С. Штатах, б. глава «Национального Рабочего Бюро» г. Джетт Лаук успел все же вынести из своей практики того времени убеждение, что «*рабочие союзы фундаментально необходимы* («fundamentally essential») *для представительской системы правления*» (т.-е. для демократии). «Political and industrial democracy». New-York. 1926. Стр. 91.

[5]) Только профсоюзы в убеждении профсоюзной бюрократии спасают и революцию 1918 г. от полной бесплодности. Профсоюзы перекидывают мост от войны через мутные волны революции к позднейшему «прогрессу» и развитию. «*Политическая* революция 1918 г.,—пишет известный германский профсоюзный писатель Л. Эрдманн,—*только потому* могла правотворчески вмешаться в отношения между трудом и капиталом, хозяйством и государством, что рабочее движение создало в капиталистическом обществе силовой центр, к историческим деяниям которого могло примкнуть строительство нового права: *профсоюзы*». Разрядка везде наша. «Arbeit», октябрь 1926 г., стр. 647.

Вот как рисует процесс этого «сословного» перерождения (берущего в Германии свое начало в особенности с момента «гинденбурговской программы»), одна небезынтересная буржуазная брошюра о «Кризисе профсоюзов», написанная в 1924 г.

«Для обсуждения и проведения гинденбурговской программы встречаются оба резчайших антипода, военные и профсоюзные лидеры; нередко в формах самой отвратительной интимности...

«*Кризис профсоюзов вступает в силу*. Профсоюзное движение вырывается из своей естественной «среды», своего окружения в узком и в широком смысле. Громкий шум борьбы кругом него полностью затихает. Оно выплывает на спокойные воды. Оно обеспечено в защищенной гавани, где его качает на своих волнах благоволение народа и властей. *Процесс денатурации (вырождения) начинается*. Профсоюзные лидеры, вырванные из прежней атмосферы борьбы на многих фронтах, начинают и сами постепенно ощущать, как нечто само собою разумеющееся, то, что профсоюзного секретаря в порядке чего-то явно само собою разумеющегося привлекают ко всем, но буквально же ко всем комиссиям, инстанциям, учреждениям, в качестве «эксперта», в качестве «подходящего человека». Его суждение должно необходимо стать соответствующе «всеоб'емлющим» и «энциклопедичным»...

«*На глазах врастают профсоюзы в эту роль доверительных инстанций. Тогда как политические партии отступают по отношению к военным властям полностью на задний план, профсоюзы вовлекаются на все новые позиции*»...

Если раньше в разделенной на касты Германии профсоюзы представляли своего рода замкнутый низший социальный слой, но «противопоставлявшийся целому миру», то теперь с переменою отношений «внезапно всяк и каждый стал профсоюзником—от простого подручного и кончая высокими регионами техников, служащих и чиновников»... «Профсоюзником стало необходимо стать, чтобы в хозяйственном отношении не отстать, играть роль в профсоюзах служило подчас вернейшим путем к личной карьере»... [1]).

Кто может спорить о том, что в этой не лишенной чисто буржуйского ехидства «картине вырождения профсоюзов» много верного? В том-то и дело—и все позднейшее развитие показало это воочию,—что современные профсоюзы могут быть только либо революционными профсоюзами—по всему духу и всему направлению своей деятельности,—либо вся логика развития «социального государства» должна их неизбежно толкать к сращению с этим государством и с организованным капиталом. Третьего нет.

В другой статье мы представим дальнейшие этапы и тенденции развития «социального государства»: в период революции и затем в переходное время «относительной стабилизации».

---

[1]) Th. Brauer. «Krisis der Gewerkschaften». Jena, 1924 г., стр. 12 и след.

К. Бауман.

Уроки хлебозаготовок.

Важнейшее значение постановления последнего пленума ЦК о хлебозаготовках заключается в первую очередь в том, что оно дает глубокий анализ возникших затруднений на хлебном фронте в разрезе общих задач социалистического строительства. Неправильно было бы об'яснять возникшие трудности в деле хлебозаготовок исключительно нашими просчетами, ошибками нашего планового руководства. Основа этих трудностей лежит гораздо глубже, она коренится в самой структуре и технике нашего сельского хозяйства. «Сельское хозяйство все еще находится на крайне низком уровне, а темп его развития чрезмерно отстает от темпа и развития промышленности» (из пост. пленума ЦК).

Наша страна вступила в полосу реконструкции, мы усиленно осуществляли и должны осуществлять курс на индустриализацию страны. Растут города, развиваются промышленные центры, значительный размах приобретает наше капитальное строительство, выросло и растет народонаселение городов и всей страны (со времени революции оно выросло, по крайней мере, на 10 млн. душ), а урожайность наших полей все еще крайне низка, посевы зерновых культур едва достигают довоенного уровня (95% довоенного). Если валовой сбор хлебов всего лишь на 200—300 млн. пуд. меньше довоенного, то товарность сельского хозяйства потерпела значительное сокращение.

До войны при общем валовом сборе в 5 млрд. пудов хлеба товарная его часть составляла 1.300 млн. пуд., в 1926—27 г. при валовом сборе 4.749 млн. пуд., товарный хлеб исчисляется всего в размере 630 млн. пуд., т.-е. 50% довоенного (данные взяты из брошюры т. Сталина «На хлебном фронте»). Высокая товарность хлеба до войны была основана на чрезмерной эксплоатации огромных масс крестьянства помещиками и капиталистами, на прямом недоедании значительных крестьянских масс. Революция произвела грандиозный сдвиг в перераспределении земель, значительно увеличив землепользование бедняцко-середняцких масс крастьянства, одновременно увеличив их долю в валовой продукции хлеба. Так, если до войны бедняки и середняки производили всего 2.500 млн. пуд. хлеба, то в 1926—27 г. они производили более 4 млрд. пудов. Совершенно ликвидировано производство хлеба помещиками (600 млн. пуд.) и значительно сократилось производство хлаба кулаками (с 1.900 млн. до 617 млн. пуд.).

Благосостояние бедняцко-середняцких масс керстьянства значительно поднялось, крестьянин живет лучше, чем до революции. Но вместе с тем произошло значительное раздробление, распыление сельскохозяйственного производства. Число крестьянских дворов увеличилось с 16 млн. почти до 25 млн. Эта распыленность сельского хозяйства с неизбежной отсюда низкой техникой есть основная причина отсталости нашего сельского хозяйства, ибо мелкое крестьянское хозяйство есть тип наименее выгод-

ного, наименее товарного и наиболее натурального (потребительского) хозяйства.

Из всех отраслей сельского хозяйства наиболее острый кризис переживает зерновое хозяйство, что находится в определенной связи с невыгодностью цен на хлеб в сравнении с другими продуктами сельского хозяйства (животноводства и т. д.), а также с недостаточностью агрикультурных мероприятий, направленных на поднятие мелкого и среднего крестьянского хозяйства.

Итак, «в основе этой отсталости зернового хозяйства и резкого сокращения его товарности (в сравнении с довоенным временем) лежит распыленность, дробность и общий низкий уровень сельскохозяйственного производства, мелкокрестьянский тип зернового производства и связанный с этим полунатуральный характер этого производства» (из резолюции пленума).

В этом заключается основной вывод пленума ЦК, дающий об'яснение затруднениям на хлебном фронте не только этого года, но и прошлых лет, об'ясняющий также резкое сокращение экспорта (до войны 600—700 млн. пуд.) и почти его полное выпадение в этом году.

На ряду с этой **основной** причиной, являющейся базой возможных затруднений, пленум ЦК указал на ряд специфических причин, обостривших хлебные затруднения в этом году. Эти причины следующие:

«а) Нарушение рыночного равновесия и обострения этого нарушения, благодаря более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров, вызванное повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев.

б) Неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства, что ослабляло стимул к реализации хлебных излишков и чего, однако, не могла изменить партия во второй половине заготовительного года, не вступая в конфликт с маломощными слоями деревни.

в) Ошибки планового руководства, главным образом, по линии своевременного завоза товаров и налогового обложения (низкий налог для имущих слоев деревни).

г) Недостатки заготовительных и партийно-советских организаций (отстутствие единого фронта, отсутствие активности, ставка на самотек).

д) Использование всех этих минусов капиталистическими элементами города и деревни (кулаки, спекулянты) для подрыва хлебозаготовок».

Ряд из этих причин—как, например, неблагоприятное соотношение цен на хлеб, ошибки планового руководства и т. д.,—зависит, бесспорно, от воли пролетарского государства, от его планирования. Мы не можем и не должны быть фаталистами, спокойно наблюдающими ход событий, свершающихся якобы сами собой. От нашей воли, нашего руководства, нашей работы зависит весьма многое. Наша партия—тот авангард, который мобилизует энергию рабочих и крестьянских масс по социалистическому переустройству страны.

Но было бы абсолютно неправильно, ненаучно, искажением марксизма думать, что наше плановое руководство есть альфа и омега событий, что оно целиком и полностью определяет их ход. Наше общество не есть бесклассовое общество, наш социальный строй основан на сотрудничестве двух основных классов—рабочего класса и крестьянства. «Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен. Но в нашем социальном строе не заложены с не-

обходимостью основания такого раскола» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 124). Мы должны зорко следить, как учил нас Ленин, за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, всемерно их предупреждать—в этом основная задача ЦК и ЦКК, но значит ли это, что мы можем абсолютно избежать тех или других трений, отдельных разногласий между рабочим классом и крестьянством. Нет, не значит. Раз классы существуют (рабочие и крестьяне), то возникновение тех или других временных противоречий (наприм., по вопросу о ценах) между ними неизбежны, ибо иначе мы скатились бы к теории гармонии классового общества. Но взаимоотношения рабочего класса и крестьянства, не исключающие тех или других временных противоречий, определяются возможностью и наличием союза между рабочим классом и основной бедняцко-середняцкой массой крестьянства, ибо в конечном счете исторические интересы трудящейся массы крестьянства совпадают с борьбой пролетариата за социализм. Пролетариат по отношению ко всей массе трудящихся есть класс освободитель и его временные расхождения с крестьянством по отдельным вопросам, как это показал опыт нашей революции, отнюдь не должны перерастать в «серьезные классовые разногласия», перерастать в обстоятельства, из которых может вытечь раскол этих двух классов. Но ссылка только на вышеприведенную часть цитаты из Ленина недостаточна. Сложность вопроса заключается в том, что в условиях нэпа, когда связь между городом и деревней осуществляется главным образом через рынок, к сотрудничеству этих двух классов—рабочих и крестьян—«допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия». «В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними» (Ленин).

Мы допускаем в нашем строе капиталистические элементы на определенных условиях, под контролем пролетарского государства, поскольку в виду существования класса мелких товаропроизводителей эти капиталистические элементы на данной стадии развития советского хозяйства необходимы. При существовании рынка огромная масса хозяйств мелких товаропроизводителей—крестьян и кустарей—неизбежно, «химически» выделяет капиталистические элементы, кулаков, скупщиков, торговцев, мелких промышленников, пополняющих ряды новой буржуазии, смыкающихся с ней. И в то же время на рельсах нэпа, развивая общественный сектор народного хозяйства, в первую очередь крупную промышленность, как базу социализма, опираясь на систему командных высот, пролетарское государство ведет все более успешно наступление на капиталистические элементы. В этом диалектика нэпа. Не может быть никакой речи о «мирном», т.-е. без классовой борьбы, перерастании нэповской России в Россию социалистическую. Нэп есть такая политика пролетарского государства, которая «экономически и политически вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики» (Ленин). Но это построение социалистической экономики происходит в условиях одновременного использования капиталистических элементов и все большего развертывания наступления на них.

Самый лучший план не может уничтожить неизбежность классовой борьбы в нашей стране с новой буржуазией, с которой смыкается кулацкая верхушка деревни, в свою очередь влияющая на верхувечно-зажиточный слой середняков. Бесспорно, что цепочка от новой буржуазии и кулачества тянется еще дальше—к империалистической буржуазии капиталистических стран. Весьма характерно, что там, где кулачество наиболее политически оформилось, оно выставляет не только чисто местные требования и не только вопросы внутреннего характера, но выдвигает вопросы о пересмотре нашей международной политики, требуя отмены монополии внешней торговли и уступчивости по отношению к Англии и другим капиталистическим хищникам. По мере своего политического оформления—новая буржуазия становится все более сознательным союзником империализма. Развертывание социалистического строительства, работа по переустройству нэповской России в Россию социалистическую бьет все резче по новой буржуазии, по кулачеству—и оно усиливает свое сопротивление делу строительства социализма. «Пленум ЦК заявляет, что развитие социалистических форм хозяйства на основе нэпа ведет не к ослаблению, а к усилению сопротивления (разрядка моя) со стороны капиталистических элементов, при одновременном, еще большем усилении советской власти и ее массовой базы, что не исключает известных колебаний некоторых слоев населения в случае обострения всей обстановки». Этими колебаниями могут быть затронуты в определенных условиях и значительные слои среднего крестьянства и, вообще, мелкобуржуазные слои населения нашей страны, ибо «сила мелкой буржуазии есть сила ее колебаний».

Если самый лучший план не может устранить классовой борьбы в нашей стране, сопротивления со стороны капиталистических элементов, то «ошибки планового руководства и минусы нашей политики повышают степень этого сопротивления, позволяя этим элементам повести за собой колеблющиеся слои мелкой буржуазии в городе и в деревне» (из резолюции пленума ЦК).

Наше плановое руководство имеет огромное значение, наши просчеты и ошибки во много крат могут усилить колебания мелкой буржуазии, ослабляя пролетариат. Но наше плановое руководство—самое лучшее, самое идеальное—не может устранить неизбежность сопротивления капиталистических элементов и связанные с ним колебания тех или других слоев мелкой буржуазии. Так обстоит дело по вопросу о плане, нашем руководстве, его ошибках и просчетах и об'ективных условиях.

Хлебозаготовительная кампания этого года не только вскрыла наши ошибки, но и показала рост сопротивления кулачества политике пролетарского государства. Кулацкий саботаж и сопротивление в этом году были первой открытой вылазкой за время нэпа капиталистических элементов деревни против экономической политики пролетариата. В этом ее социально-классовый урок.

* * *

Из анализа затруднений хлебозаготовок со всей четкостью перед нами встает задача—усиление под'ема сельского хозяйства. Встряска, которую дала в этом году партии хлебозаготовительная кампания, бесспорно, послужит могучим толчком для поворота внимания всей партии к делу поднятия сельского хозяйства. Пленум ЦК со всей резкостью формулировал политическую опасность этого чрезмерного отставания уровня сельскохозяйственного производства: «...крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли, при неизбежности быстрого темпа развития социалистической промышленности, диктуемого всей внутренней и внешней обстановкой, таит в себе опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней, стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства».

Каковы же пути под'ема сельского хозяйства в первую очередь его зерновой отрасли, намеченные пленумом ЦК? Этих путей три: во-первых, содействие дальнейшему под'ему производительности индивидуального мелкого среднего крестьянского хозяйства; во-вторых, об'единение и пре-

образование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы; в-третьих, развитие существующих совхозов и постройка новых зерновых совхозов, как «крупных социалистических экономий».

В статьях и речах отдельных товарищей мелькали порой мысли, отрицающие какую бы то ни было возможность дальнейшего под'ема индивидуального, мелкого крестьянского хозяйства. Эти товарищи в своих размышлениях оторвались от земли, от факта наличия 25 млн. мелких крестьянских хозяйств в нашей стране. И ставя ставку т о л ь к о на колхозы и совхозы, в то же время хуля и игнорируя мелкое индивидуальное хозяйство, они вступают на путь своего рода «экономического отзовизма».

Забвение возможности под'ема индивидуального крестьянского хозяйства есть сплошная нелепица, несерьезная глупость. У нас еще преобладает трехполка, во многих районах господствует соха, не применяют минеральных удобрений, сеют неочищенными семенами, не используют в достаточной мере элементарных указаний агрономической науки о ранней вспашке и т. п. Осуществление этих мероприятий, доступных большинству индивидуальных крестьянских хозяйств, подняло бы их урожайность на 20—30%. Индивидуальное крестьянское хозяйство на ближайший период останется еще основной базой сельскохозяйственного производства, и партия должна принять самые энергичные меры по содействию его дальнейшему под'ему.

Но совершенно, вместе с тем, ясно, что этот под'ем индивидуального крестьянского хозяйства будет происходить главным образом и всего успешнее через его кооперирование.

Кооперация есть та найденная форма, которая позволяет в известной мере мелкому хозяйству воспользоваться выгодами крупного хозяйства. Особенно это верно по отношению к маломощным бедняцким хозяйствам. У нас по данным Наркомзема насчитывается до 8 млн. таких маломощных хозяйств, где уровень производительности труда до того низок, что даже содержание лошадей нерентабельно. У нас еще весьма высок % безлошадных крестьянских хозяйств, в ряде районов превышая 30% общего количества хозяйств. Бесспорно, что наши возможности не столь велики, чтобы в короткий срок уничтожить безлошадность, а также безынвентарность всех этих маломощных хозяйств. Да и зачастую предоставление одной лошади в кредит не помогает делу под'ема этих хозяйств.

Точно так же применение более сложных сельскохозяйственных машин, организация переработки сельскохозяйственных продуктов (напр., маслобойные, крахмальные заводы и т. п.) одному хозяйству не по силам. Даже разведение чистосортных семян, улучшенной породы скота и т. п. требует об'единения мелких крестьянских хозяйств в кооперацию. Все это элементарно и бесспорно. И теорией и нашей практикой доказана огромная роль кооперации в деле под'ема индивидуального крестьянского двора. Вот почему, когда перед нами вплотную поставлена задача массового под'ема крестьянских хозяйств, мы, как никогда, должны заострить свое внимание на развитии сельскохозяйственной кооперации во всех ее формах и отраслях. Кооперация может и должна стать той формой, которая действительно содействует м а с с о в о м у под'ему бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств, все более, в то же время, обобществляя их отдельные производственные процессы. И пленум ЦК определенно подчеркнул: «Исходя из явной недостаточности результатов вовлечения крестьянских хозяйств в кооперативный оборот, особенно по линии с.-хоз. производственной кооперации, пленум обращает внимание всей партии на р е ш а ю щ е е з н а ч е н и е практического осуществления ленинского кооперативного плана в деле увеличения у р о ж а й н о с т и и т о в а р н о с т и и н д и в и д у а л ь н о г о к р е с т ь я н с к о г о х о з я й с т в а и постепенного вовлечения его в русло социалистического строительства» (разрядка моя).

Кооперация имеет гигантское значение «со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более п р о с т ы м л е г к и м и д о с т у п н ы м д л я к р е с т ь я н и н а» (Ленин).

К сожалению, эту неоднократно повторенную мысль Ленина многие работники из наших аппаратов недооценивают, они охотно ее повторяют, вставляют в резолюции, но не делают зачастую отсюда каких-либо практических выводов. Именно, в системе пролетарской диктатуры кооперация превращается в путь перехода крестьянина к н о в ы м, с о ц и а л и с т и ч е с к и м п о р я д к а м. Конечно, и в кооперации происходит борьба социалистических элементов с капиталистическими, и в ней мы встречаем порой засилье кулачества, и она (кооперация) в отдельных своих звеньях становится рупором мелкобуржуазной стихии. Нужен неослабный контроль партии и пролетарского государства, неустанная и систематическая борьба с капиталистическими извращениями кооперативных организаций. Но у нас нет и не может быть другого массового пути перехода крестьянина к социалистическим порядкам путем наиболее доступным, помимо кооперации. Ленин писал о том, что простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма. Вот почему нам необходимо направить гораздо больше внимания, средств и сил на развитие дела кооперирования крестьянских масс, содействуя всячески инициативе и самодеятельности кооперированных масс населения по организации новых социалистических ростков, не бюрократизируя партийного руководства и не подменяя контроля пролетарского государства административным приказом и в то же время со всей беспощадностью устраняя капиталистические искажения. Кооперация не есть какое-то ведомство худшего сорта, она должна быть,—если таковой еще не вполне является—действительной организацией действительных масс населения, что представляет гигантский плюс для продвижения нашей страны вперед к социализму.

Пленум ЦК поэтому своевременно подчеркнул это «решающее значение практического осуществления ленинского кооперативного плана».

На ряду с его осуществлением нам необходимо усиленно развить общегосударственные мероприятия, в первую очередь земорганов, по агрикультурному под'ему крестьянского хозяйства — землеустройство, перевод на многополье, замена сох плугами (предполагается по плану Наркомзема провести ее в 3-летний срок), снабжение машинами, чистосортными семенами, борьба с вредителями, улучшение агрономического обслуживания, увеличение кредитных ассигнований, проведение ирригации, мелиорации, наконец, плановая реорганизация сельского хозяйства целых областей (например, начатая работа по реорганизации ЦЧО, засушливых областей и т. п.).

Нельзя не обратить, далее, самого серьезного внимания на такое мероприятие, как развитие практики контрактации посевов как со стороны государственных органов (Наркомзем, Наркомторг, промышленность), так и кооперативных органов. Эта работа по контрактации посевов, как мы знаем, дала весьма значительные результаты в свеклосеянии и хлопководстве. Теперь она начинает широко применяться и в области зернового производства.

Контрактация вносит не только большую плановость в оборот между городом и деревней (сдача продукции крестьянскими хозяйствами по договорам), но она содействует лучшей организации и под'ему самого п р о и з в о д с т в а в крестьянских хозяйствах. Она через предоставление льготного кредита бедноте помогает под'ему в первую очередь маломощных хозяйств, она создает, через об'единение крестьянских хозяйств в производственные кооперативы, базу для развития процессов коллективизации.

Мы имеем уже на практике примеры охвата контрактацией сортовых посевов целых селений, даже районов—и весьма характерно, что в этих селениях и районах происходит более быстрое развитие процессов сотрудничества крестьянских хозяйств (совместная пахота, посев, обмолот), а также рост колхозов.

В последний год мы имеем удачные опыты применения договоров с крестьянскими хозяйствами на обработку их земли машинами (трактором),—например, опыт работы тракторных колонн Шевченковского совхоза. И опять-таки мы здесь приводим в движение целые массивы крестьянских хозяйств, целые селения по нескольку сот дворов переходят на машинную обработку земли, стирая межи, внося все больше элементов превращения своего села в крупное общественное хозяйство.

Массовое кооперирование крестьянского хозяйства есть та мощная база, на которой растет и развивается коллективизация сельского хозяйства. Коллективизацию нельзя мыслить, как нечто готовое, возникающее в законченных формах крупного общественного хозяйства. К колхозам мы относим и коммуны и артели и т-ва по совместной обработке земли. Последние зачастую вырастают на основе об'единения крестьян в машинное т-во, мелиоративное т-во и т. п. простейшие формы производственного кооперирования. Коллективизация есть неотделимая, неразрывная часть кооперативного плана Ленина, коллективизацию нельзя противопоставлять кооперативному плану Ленина, как в свою очередь осуществление кооперативного плана Ленина нельзя противопоставить задаче поднятия индивидуального хозяйства. Обе эти задачи—и поднятие индивидуальных хозяйств и их об'единение в крупные колхозы—нам нужно в своей практической работе сочетать. Но вместе с тем для нас совершенно бесспорно, что радикальный под'ем производительных сил сельского хозяйства может наступить только через переход мелких индивидуальных хозяйств к крупному общественному хозяйству. И наша партия должна высоко держать знамя коллективизации, давая все больше средств и сил для осуществления этой очередной боевой задачи. Тот, кто отодвигает лозунг XV с'езда о коллективизации сельского хозяйства на задний план, тот из революционера, из члена авангарда пролетариата превращается в хвостиста, плетущегося в хвосте развивающихся событий, в хвосте начавшегося движения бедняцко-середняцких масс крестьянства. «Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать и обязательно станет на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения» (Сталин. К вопросам ленинизма, стр. 60). И все большие массы крестьянства, не только бедноты, но и середняков становятся на путь развития колхозного движения. Именно, не только беднота, но и среднее крестьянство. Коллективистское движение мы отнюдь не можем и не должны рассматривать, как движение исключительно бедняцких масс. Беднота является пионером, авангардом, опорой в деле коллективизации. Но по мере роста материальной базы коллективизации, машинной техники, роста сознательности и кооперирования крестьянских масс среднее крестьянство все более переходит на сторону «коммунии», все более активно участвует в колхозном строительстве.

В свою очередь колхозы сами становятся такими очагами культурного и выгодного хозяйства, которые содействуют и все в большей мере должны научиться содействовать под'ему индивидуальных крестьянских хозяйств, ведя их по пути кооперирования и коллективизации. Конечно, еще весьма много болячек в колхозном строительстве, много еще весьма мелких колхозов, невыгодных по своему типу хозяйства, порядочно и лжеколхозов, слаба еще материальная база колхозного движения—и в смысле недостатка машин и финансовых средств, но могучий рост колхозов налицо. Призыв XV с'езда встретил широкий отклик в бедняцко-середняцких массах крестьянства.

Таковы в кратких чертах первые два намеченные пленумом ЦК пути под'ема сельского хозяйства. Одновременно пленум, заслушав особо доклад тов. Калинина, принял в осуществление решений XV с'езда постановление

об организации новых совхозов. Он утвердил постановление Политбюро «об организации в продолжение 4—5 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба в районах, где не могут быть задеты новыми совхозами крестьянские «наделы», в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 млн. пудов». Уже в этом году приступлено к организации ряда новых совхозов на Кавказе и др. районах с таким расчетом, чтобы в 1929 году иметь 5—7 млн. пудов товарного хлеба. По мысли пленума новые совхозы должны в будущем превратиться в индустриальные центры переработки сельскохозяйственных продуктов окружающего населения и стать мощным рычагом и в деле обобществления крестьянского земледелия. Или, образно выражаясь, крупные совхозы должны стать пролетарским сердцем, организующим крестьянскую периферию. Таким образом, и при разрешении этой задачи мы видим определенную ее связь с делом под'ема крестьянского хозяйства и его переводом в более высокие формы, превращения крестьянина в свободного члена свободной производственной ассоциации.

Каждая из перечисленных задач имеет свои особенности, но все они взаимно увязаны и направлены на поднятие всего сельского хозяйства, в первую очередь его зерновой отрасли. И разрешение этих дополняющих друг друга задач обозначает не только простой под'ем производительных сил сельского хозяйства, но и его социалистическое преобразование. Совхозы и колхозы, а также окрепшие производственно-кооперативные об'единения, как правильно указал тов. Сталин, явятся нашими экономическими опорными пунктами в сельскохозяйственном производстве. Если теперь совхозы и колхозы дают всего каких-либо 40 млн. пуд. товарного хлеба, в то время, как кулацкие хозяйства, производят более 120 млн. пуд. товарного хлеба, занимая своего рода «командную вышку» в нашем распыленном с.-хоз. производстве, то ближайшее пятилетие бесспорно изменит это положение коренным образом. И «командной вышкой» в сельскохозяйственном производстве явятся совхозы и колхозы, при производстве основной массы хлеба все еще в индивидуальных крестьянских хозяйствах, но все более об'единяющихся в кооперацию и идущих по пути коллективизации.

В целях поднятия сельского хозяйства нам нужно также развернуть те отрасли промышленности, которые обслуживают сельскохозяйственное производство. Абсолютно неверно думать, что основной отраслью смычковой промышленности должна остаться текстильная промышленность. Ситец играет еще громадную роль в нашем товарообороте города и деревни. Но сколько мы бы ни давали ситцу, мы этим не поможем под'ему миллионов маломощных хозяйств, требующих для своего под'ема в первую очередь производственной помощи. Без сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений (о чем говорится в резолюции пленума ЦК) мы не сможем революционизировать технику сельскохозяйственного производства, добиться решительного перелома в поднятии производительности труда. Химия (напр., производство минеральных удобрений) и металлургия (напр., производство сельскохозяйственных машин) являются теми отраслями смычковой промышленности, которые помогают действительному под'ему производительности труда десятков миллионов людей, занятых в сельском хозяйстве. Развитие этих отраслей у нас, несомненно, отстало. И мы должны бросить значительные средства именно на развитие этих отраслей промышленности, не забывая, конечно, и текстиль. Мы не должны при этом двигаться с медлительной последовательностью, заменяя обязательно соху плугом. Пусть певцы индивидуального хозяйства ставят свою ставку исключительно на плуг. Мы можем и должны переходить ко все большему внедрению в сельское хозяйство сложных, сельскохозяйственных машин — тракторов и сложных молотилок. Именно они сберегают максимально человеческий труд, максимально поднимают его производительность, внося одновременно революцию в сло-

жившиеся косные формы мелкого крестьянского производства. «Гражданин трактор»—вот великий революционер, который ломает межи и об'единяет труд десятков крестьянских мелких хозяйств. Нам нужно смотреть вперед и особенно налечь на производство тракторов, прицепных орудий, сложных молотилок. Конечно, проблема плуга этим не снимается, но не в этом наша коренная установка. Опыт показывает полную возможность при нашем организационном содействии проводить совместную вспашку земли трактором, даже в тех деревнях, где еще вчера копошились на полях с сохой. «Фантазия» Ленина на VIII с'езде партии о 100.000 тракторов, снабженных опытными трактористами, может и должна быть осуществлена в жизни в ближайший период.

Только материальная база машинной техники и электрификации может в массовом масштабе оздоровить быт мелкого земледельца. Тот, кто ставит свою ставку только на текстиль, тот забывает перспективу социалистического строительства.

Вместе с тем, могучее развертывание химии и металлургии позволило бы нам действительно закрепить смычку с деревней. Ленин при переходе к нэпу указывал, что «ни продразверстка, ни продналог, а социалистический продуктообмен». На ситце, соли, керосине, спичках и т. п.—нам социалистического продуктообмена не построить. Рост этой товарной продукции не вызывает соответствующего встречного роста продукции сельского хозяйства, ибо эти товары—потребительские, не имеющие производственного значения в сельском хозяйстве. Рост же продукции минеральных удобрений, сельскохозяйственных машин, электрической энергии одновременно в могучей мере содействует под'ему и социалистическому преобразованию сельского хозяйства. Если бы мы могли на сотни миллионов руб. увеличить продукцию минеральных удобрений и сельхоз. машин, то оборот между городом и деревней стал бы на крепкую основу, мы приблизились бы значительно к осуществлению социалистического продуктообмена между городом и деревней.

* * *

В целях борьбы с кулаком наша партия применила чрезвычайные меры, использовала 107 статью для удара по крупным злостным хлебодержателям и спекулянтам. Эти меры были продиктованы со всей необходимостью сложившейся к январю обстановкой, когда обнаружился дефицит в 128 млн. пуд. хлеба по сравнению с прошлым годом. Стране угрожал общий народнохозяйственный кризис. Практика применения этих мер их оправдала: они дали возможность в основном покрыть выявившийся дефицит хлеба, возможность планомерного снабжения крупных промышленных центров, городов, армии.

Но применение этих мер имело и ряд отрицательных последствий. 107 статья в ряде районов применялась не только к кулаку, но и к середняку. Выбытие Украины и Сев. Кавказа, вследствие гибели озимых, из числа снабжающих районов привело к значительному усилению нажима летом этого года (май—июнь) в остальных районах. Боевой темп работы, большие задания и нажим центра привели к применению со стороны местных работников таких мер, как обход дворов, обыски, закрытие базаров и т. п. Весной и летом при хлебозаготовках были уже задеты страховые запасы середняка, в ряде мест мы переадминистрировали по отношению к середняку. В результате середняк *з а к о л е б а л с я* в сторону кулака против нас. Бедняк, оказывавший нам серьезнейшую поддержку при проведении хлебозаготовок зимой, не получая в достаточной мере весной и летом от нас хлеба по твердым ценам, порой недоедая, также частично пошел «на поклон» к кулаку. Таким образом, за последний период в деревне произошли социально-политические сдвиги не в нашу пользу, а в пользу кулака.

Кулак укрепил свой тыл, несколько сомкнулся со середняком, подкупил и поставил от себя в зависимость некоторую часть бедноты.

Мы имеем явление, таящее в себе угрозу смычке рабочего класса и бедноты со средним крестьянством, подрыв в известной мере нашей опоры в деревне—бедноты, явление, за которым мы должны зорко следить, ибо оно дает возможность кулаку (новой буржуазии) повести крестьянскую массу за собой. Но было бы явным преувеличением изобразить эту возникшую угрозу союзу рабочих и крестьян, как совершившийся факт разрыва с основной массой крестьянства, сказать, что середняк «повернулся к нам спиной». Мы не только нажимали на середняка, но и оказали ему и бедноте весьма серьезную помощь во время весенней посевной кампании отпуском семян и кредитов. Как в Средне-волжской области поговаривали середняки—«странные люди эти большевики, то забирают во-всю, то дают». Беднота осталась, бесспорно, верной рабочему классу. Движение посевных площадей также показывает, что основная масса крестьянства отнюдь не уперлась в тупик, не впала в беспросветность, а стремится к дальнейшему развитию своего хозяйства. Приведем таблицу, не являющуюся хотя точной, но дающую правильную оценку тенденции.

По материалам кон'юнктурной анкеты размеры посевной площади 1928 г. (разраб. ЦСУ) представляются в следующем виде:

Районы.	Общ. пл. посев. озим. и яров. в 28 г. в % к пл. 1927 г.	Площ. под озим. посев. осенью 27 г. в % к пл. 1926 г.	Пл. под яров. посеян. в 28 г. в пределах яр. кл. в % к пл. 27 г.	Пл. яр. посев. в 28 г. (вкл. и перес.) в % к площади 1927 г.
Укр. ССР	99,4	104,0	95,8	128,3
Сев.-Кав. Край . .	91,6	92,0	91,3	108,4
Ц.-Чер. р-н . . .	100,2	99,1	100,9	105,0
Ср.-Волж. р. . . .	109,7	104,9	112,3	112,4
Нижн.-Волж.район.	101,3	93,1	105,4	105,9

Из этой таблицы ясно видно, что в тех районах, где не было гибели озимых,—как в Средне-Волжском, Нижне-Волжском,—мы имеем общий рост посевной площади, и повсеместно мы имеем рост площади яровых посевов (если включить по Украине и Сев. Кавказу пересев).

Рано, очень рано кричать о происшедшей размычке! Ряд сообщений с мест показывает улучшение положения в деревне за последний период, говорит о том, что тревога середняка несколько улеглась. Архиневерны, явно продиктованы паникой такие предложения, как «назад к XIV с'езду, нужно свернуть наступление на кулака» и т. п. Эти предложения, обозначают отказ от политики партии, принятой на XV с'езде, и в то же время отражают буржуазные тенденции, имеющиеся в нашей стране. И пленум ЦК подчеркнул, что основной классовой установкой партии в деревне должна быть «политика опоры на бедноту, прочного союза с середняком и наступления на кулака». (XV с'езд).

Развертывание наступления на кулака обозначает в первую очередь организацию бедноты и батрачества, как политической опоры в деревне, оно требует оказания серьезнейшей и систематической поддержки под'ему бедняцкого хозяйства. Это наступление на кулака неразрывно связано с развертыванием положительной программы социалистического строительства. Для данного исторического периода осуществление кооперативного плана Ленина, неразрывной частью которого является массовая коллективизация крестьянского хозяйства, есть решающая форма классовой борьбы пролетариата в деревне. Наступление на кулака отнюдь не означает для теперешнего этапа возврат к методам так наз. раскулачивания.

Если неправильны возгласы о необходимости свертывать наступление на кулака, то, с другой стороны, неправильно и истолковывание принятых партией чрезвычайных мер, как длительного курса, или, как это пытается толко-

вать бывшая оппозиция, как восприятие партией троцкистского курса. Чрезвычайные меры носили временный характер. Их роль в данный момент закончена, и пленум ЦК признал необходимым их немедленную ликвидацию. Пленум ЦК отверг как один, так и другой уклон—и тот, который в панике тащит партию назад, и тот, который хочет превратить чрезвычайные меры в длительный курс партии, тем самым угрожая делу союза рабочего класса и основных масс крестьянства.

Признав необходимым ликвидацию чрезвычайных мер, пленум ЦК взял установку на регулирование хлебозаготовительного рынка более гибкими, экономическими методами через повышение цен на хлеб, правильный завоз в хлебозаготовительные районы промтоваров и т. д. Вместе с тем пленум подчеркнул необходимость более правильной организации дела снабжения хлебом и обязательность образования государственного хлебного (продовольственного и семенного) резерва. Хороший урожай этого года с превышением по данным на 1/VII валовой продукции зерновых культур почти на полмиллиарда пуд. против прошлого года дает уверенность, что в предстоящей хлебозаготовительной кампании нам удастся обойтись без каких-либо чрезвычайных мер.

Но непременным условием успешности хлебозаготовок является развертывание массовой политической работы по организации бедняцких и середняцких масс. В прошлой кампании в ряде районов была перегнута палка в сторону администрирования, разговор с крестьянами шел, по выражению одного из местных работников, «густым басом пролетарской диктатуры». Вовлечение крестьянских масс в работу советов, кооперации, даже систематическая работа по организации групп бедноты и усилению их работы—оставались зачастую в тени. Мы не должны забывать и в деревенской рвботе необходимость решительного проведения лозунга самокритики, участия в государственном строительстве все более могучих пластов трудящегося крестьянства. На деле со всей последовательностью мы должны осуществлять революционную законность, подчиняя ей полностью кулака, защищая бедняка, не обижая середняка. Бесспорно, что союз с середняком должен быть закреплен, ошибки в этом отношении должны быть исправлены. Но это не означает, что мы закрепляем этот союз только на основе уступок среднему крестьянству. Мы можем и должны его закрепить на основе под'ема сельского хозяйства, на основе его социалистической реорганизации. Эта работа по социалистическому переустройству страны в целом, неразрывно связанная с социалистическим преобразованием сельского хозяйства, становится все более понятной широким массам крестьянства. Само крестьянство выделяет могучий слой актива, идущий по пути социалистического строительства, ибо оно (строительство) отвечает коренным историческим интересам крестьянства. Создание экономических опорных пунктов в лице совхозов и колхозов, усиление политической активности и организованности бедноты, при все большем росте влияния командных высот пролетарского государства, дают твердую базу для усиления влияния партии в середняцких массах крестьянства, и, несмотря на отдельные его колебания, несмотря на то, что в отдельных случаях кулак повел на нас контр-атаку, нет сомнения в том, что не капиталистические элементы наступают, а что пролетариат в союзе с бедняком и середняком развивает дальнейшее наступление на кулачество, на новую буржуазию.

Несмотря на выявившиеся значительные трудности, смысл нашего периода заключается в ускорении продвижения страны к социализму. Из области торговли мы переносим все более центр тяжести нашей работы в область производства, мы все более научаемся не только торговать, но и производить. Мы вступили вплотную в полосу реконструкции нашей промышленности и сельского хозяйства, в полосу непосредственного преобразования нашей страны в страну социалистическую.

Б. Сейгель.

Развитие национально-революционного движения и борьба за гегемонию в индийской революции[1]).

1. Начальный период национального движения.

До начала XX столетия английский капитал полностью и безраздельно господствовал во всех областях политической и экономической жизни Индии. Социальной опорой колониального режима был класс землевладельцев и торгово-ростовщическая буржуазия. Первый отчасти был создан ост-индской компанией из представителей торгово-ростовщического капитала за счет экспроприированных феодалов, отчасти был утвержден в своих старых привилегиях. Чтобы обеспечить себе поддержку землевладельцев, английский капитал оставил нетронутой всю докапиталистическую систему эксплоатации индийской деревни, лишь «упорядочив» и нормализовав ее путем подчинения буржуазным законам. Торгово-ростовщическая буржуазия была включена в английский торговый аппарат в стране в качестве его необходимого низшего звена, непосредственно связанного с мелким производителем сырья и потребителем английских товаров. Английский капитал не делил с этими классами политической власти: они не имели никакого голоса в управлении страной. Английский капитал умело использовывал расчленение туземного общества на множество социально-замкнутых кастовых и религиозных групп, а также наличие в стране многочисленных феодальных и полуфеодальных государственных образований (так наз. native states), чтобы удержать свое господство над колонией. Со стороны туземных феодалов, лишенных политической власти, и обойденной части торговой буржуазии делались попытки сбросить чужеземное иго. Такой крупнейшей попыткой являлось восстание сипаев в 1857 г. Все эти выступления неизменно кончались поражением, ибо в международной обстановке XIX века английский капитализм по сравнению с этими отживающими классами об'ективно еще оставался в Индии носителем прогресса.

Первым буржуазным претендентом на политическую роль в стране явилась туземная интеллигенция, выросшая во второй половине прошлого века. Созданием Индийского Национального Конгресса в 1885 г. она заложила основы национального движения. Но только с возникновением промышленной буржуазии превратилась слабая оппозиция туземной интеллигенции к английскому управлению в действенный фактор индийской политики.

Развитие индийской промышленности началось примерно с конца прошлого столетия. В джутовой и горной промышленности и в плантационном хозяйстве, связанных с экспортом, господствовал английский капитал. Но хлопчатобумажная промышленность, работавшая главным образом на вну-

[1]) В порядке обсуждения.

тренний рынок, стала цитаделью туземной буржуазии. Этим об'ясняется, почему вопрос о таможенной политике стал в центре всех экономических требований национальной буржуазии. Несмотря на все препятствия, чинимые англо-индийским правительством, хлопчатобумажная промышленность быстро развивалась: в 1914 г. на ее долю приходилось 28% всего числа фабрично-заводских рабочих в Индии. Вместе с промышленным ростом страны росли мощь и значение туземной буржуазии и размывались религиозные и кастовые перегородки, расчленявшие индийский народ. Этот процесс ярко сказался как раз накануне войны, когда было достигнуто соглашение между Мусульманской Лигой, организацией мусульманской буржуазии, и Индийским Национальным Конгрессом, представлявшим по преимуществу индусскую буржуазию (1913 г.).

С начавшимся сдвигом в расстановке классовых сил в Индии совпали крупные международные события: победа Японии над царской Россией и русская революция 1905 года. Все это вместе взятое впервые вызвало в начале века широкое движение против наиболее ненавистных сторон колониального режима. Английский империализм не мог уже более игнорировать новые социальные силы в стране. В 1909 г. вводятся реформы Морлей-Минто. Не ослабляя английской монополии на политическую власть, они должны были, по словам представителей английского империализма, «приобщить народ к деятельности правительства». Однако, в качестве «народа» английский империализм тогда приблизил к себе не туземную интеллигенцию и не молодую промышленную буржуазию, ставших носителями национальной идеи, а своих верных союзников—землевладельцев и торговую буржуазию. Из представителей этих классов и было создано большинство в законосовещательных органах. Все же эти бесправные учреждения предоставили некоторый легальный выход и протестам оппозиционных слоев буржуазии.

Реформами Морлей-Минто английский империализм сделал попытку консолидировать свою прежнюю социальную базу в стране. Но экономическая его политика оставалась неизменной. Чтобы удержать свою монополию на индийском рынке, английский капитал создавал искусственные препятствия для развития туземной промышленности (принцип свободы торговли, т.-е. беспошлинное проникновение английских товаров на индийский рынок; акциз на сырье, потреблявшееся туземными фабриками; соответственная валютная политика и фрахтовая политика индийских железных дорог; фабричное законодательство в духе, диктовавшемся интересами английской промышленности и т. д.) и сосредоточил в своих руках внешнюю торговлю страны. Эксплоатация индийских источников сырья осуществлялась при помощи высокого налогового пресса, государственных монополий (на соль, опиум, алкоголь) и непосредственного захвата английским капиталом минеральных богатств страны (нефтеносных и рудоносных земель, угольных копей и т. д.) и земель, наиболее ценных для развития специальных культур. Индийская рабочая сила для английских тропических колоний доставлялась на условиях законтрактованного труда, являющегося модернизированной формой рабства. Экспорт английского капитала в Индию поощрялся путем государственных займов англо-индийского правительства и обеспечения дивидендов английскими железнодорожными компаниями за счет налогов с индийского народа. Перед началом мировой войны Индия по импорту английского капитала стояла наравне с крупнейшими английскими доминионами. Однако, процент государственных займов в общем экспорте английского капитала в Индию был выше, чем в остальных английских владениях. Внеэкономическое принуждение было и вплоть до мировой войны оставалось фундаментом всей экономической системы, созданной английским колониальным режимом в Индии.

Возможности, открывшиеся перед туземной буржуазией в связи с войной, ускорили процесс ее консолидации. Единая программа национальных требований, выработанная совместно Индийским Национальным Конгрессом и Мусульманской Лигой в 1916 году, была весьма умеренна и насквозь оппортунистична. Основными требованиями были: права доминиона, конституционные реформы и фискальная автономия. Но она впервые поставила английский империализм лицом к лицу с единым фронтом национальной буржуазии.

Первые же годы войны сказались катастрофическим ухудшением положения широких слоев населения, в особенности крестьянства. Вздорожание промышленных товаров, падение цен на сельскохозяйственные продукты, рост налогов, запрещение эмиграции, насильственные наборы в армию, рост бюрократически-полицейского произвола усилили недовольство крестьянских масс и привели к стихийным вспышкам в разных частях страны. Крестьянские восстания, имевшие место в Пенджабе, нашли свое отражение в туземной армии, которая рекрутируется преимущественно из этой провинции. При слабости пролетариата классово-сознательная, об'единенная национальная буржуазия об'ективно становилась гегемоном движения. Но она еще не возглавляла его: переход туземной буржуазии на сторону революции в этот критический для английского империализма период (победы Германии на западном фронте, Америка еще не вступила в войну) мог означать конец английского господства над Индией, даже помимо воли самой туземной буржуазии. Чтобы это не случилось, колониальный режим вынужден был купить лойяльность национальной буржуазии, т.-е. пойти ей на уступки в политической и экономической областях. Но если в области политической английский империализм в этот момент отделался неопределенными обещаниями, то к частичному пересмотру своей экономической политики его толкали и его собственные интересы, видоизмененные войной. Необходимость снабжения отдаленных от Англии фронтов в Азии и Африке, разрыв экономических связей между Индией и метрополией и проникновение на индийский рынок иностранных конкурентов (Япония и Соед. Штаты) вынудили английский империализм стать на путь частичного поощрения индийской промышленности и ограждения индийского рынка от опасных соперников. На этот раз английский империализм дешево откупился от революции.

2. Национально-революционное движение под гегемонией буржуазии.

Экономические последствия империалистической бойни сказались в Индии (как и в других странах), с особенно губительной силой после ее окончания. Грандиозность и интенсивность бедствия 1918 г. (голод и эпидемии, вместе унесшие 12 миллионов жизней) были одним из ее результатов. Обнищание широких слоев населения, включая и городскую мелкую буржуазию, росло с катастрофической быстротой. Машина же колониального угнетения (высокие налоги, полицейский произвол и т. д.) продолжала работать, как и во время войны с неослабевающей жестокостью (осадное положение, бойня в Амрицаре). Послевоенный кризис капитализма во всем мире, борьба турецкого народа за освобождение и в особенности великая Октябрьская революция оказали огромное влияние на ход событий в Индии. В этих условиях процесс революционизирования масс мог только усилиться. Демобилизованная армия внесла дополнительный фермент в индийскую деревню. В 1918 году вспыхнули первые забастовки.

Непосредственным руководителем и организатором начавшегося революционного движения стала мелкобуржуазная интеллигенция в лице

Индийского Национального Конгресса. Ганди, вождь Конгресса, призвал массы к отказу от уплаты налогов и от сотрудничества с правительством. Но гегемоном движения, его движущей силой была национальная буржуазия. Уступки, полученные ею от английского империализма, укрепили ее положение в стране и показали ей собственную силу. Незначительное повышение таможенных пошлин ее уже не удовлетворяло. Ублюдочные парламентские реформы 1919 г., которые не давали ей никакой реальной власти, она справедливо расценивала, как попытку самого беззастенчивого обмана со стороны английского империализма. Поэтому она встала во главе движения, поскольку оно своим острием было направлено против английского империализма.

Рабочие и крестьянские массы, вступившие на путь революции, очень скоро переступили за рамки, поставленные им туземной буржуазией. Одновременно с нарастанием национально-революционной волны шло неслыханное обострение классовых противоречий внутри стихийно создавшегося национального блока четырех классов—буржуазии, мелкой буржуазии, пролетариата и крестьянства. Число забастовок на туземных предприятиях возрастало. Уже с начала 1921 г. Ганди был вынужден предупреждать рабочих против «насилия» над туземными капиталистами. Но решающим вопросом стал аграрный вопрос.

В Малабаре под дикими формами религиозного фанатизма шла резня помещиков и ростовщиков-индусов крестьянами-мусульманами. В Соединенных Провинциях крестьяне об'единялись в крестьянские союзы, жгли помещичьи усадьбы и требовали раздела земли. Массовые крестьянские восстания во всех концах страны не только против английских чиновников, но и против туземных земиндаров (землевладельцев) поставили аграрный переворот в повестку дня национальной рволюции.

Крестьянское восстание поставило под угрозу существование не только класса туземных феодалов-землевладельцев. Докапиталистическая система эксплоатации деревни, включая владение землей, составляет самое существо, экономическую базу могущественной в Индии торгово-ростовщической буржуазии. Значительная часть индийской интеллигенции тесно связана с отсталыми формами земледержания и, получая большую или меньшую долю земельной ренты, участвует в эксплоатации крестьянства. Что касается туземной промышленной буржуазии, то она в колониях и полуколониях об'ективно менее заинтересована в аграрных преобразованиях, чем в независимых странах. Ибо, поскольку на внутреннем рынке колоний господствуют товары империалистических стран, исключение последних (напр., при помощи высоких таможенных пошлин) оставляет, по крайней мере на более или менее продолжительный период, достаточно широкий простор для экспансии туземной промышленности и без ломки отсталого аграрного строя. Боязнь же, что нападение на одну форму частной собственности на условия труда—земельную, может явиться прелюдией к нападению на другую форму частной собственности—на средства производства, обща буржуазии всех стран. Наконец, и это решающий момент, индийская национальная буржуазия никогда, даже в период высшего под'ема движения, не звала массы к революционному натиску на английский империализм.

Грандиозные классовые конфликты, потрясшие Индию с самого начала движения 1919—22 гг., показали индийской буржуазии, что революционная борьба масс грозит смести не только английское господство, но вместе с ним и всю по-средневековому варварскую систему туземной эксплоатации. Поэтому туземная буржуазия, зовя массы на демонстрации, запрещала действительную борьбу против английского империализма. Поэтому реакционный гандистский лозунг пассивного сопротивления, ненасилия, оставался с начала до конца революционного периода основным лозунгом

Конгресса. Поэтому достаточно было убийства дюжины полицейских толпой возмутившихся крестьян, чтобы туземная буржуазия устами Конгресса потребовала демобилизации масс, отозвала их мелкобуржуазных организаторов и пошла на сделку с английским империализмом. В позорных решениях, принятых в Бардоли (февраль 1922 г.), индийская национальная буржуазия запечатлела не только свой испуг перед аграрной революцией, но и свою полную измену революционной борьбе против колониального гнета.

Англо-индийское правительство кровавыми репрессиями расправилось с восставшими рабочими и крестьянскими массами, дезорганизованными бегством мелкобуржуазных вождей. Через месяц после принятия решений в Бардоли Ганди тоже был упрятан в тюрьму. Дальнейшая эволюция Ганди показала, что это не было местью со стороны английских империалистов. Этим маневром английский империализм спас Ганди от окончательной дискредитации в глазах масс и сохранил его для себя.

Обострение классовой борьбы в городе и нараставший аграрный переворот в деревне сыграли решающую роль в отходе национальной буржуазии от революции. Новые экономические уступки, полученные ею от английского империализма, ускорили этот отход. Почти одновременно с арестом Ганди англо-индийское правительство об'явило о новом повышении таможенных пошлин на хлопчатобумажные товары до 15%. За этим последовали другие протекционные тарифы, субсидии индийской промышленности и ряд других мероприятий (перенесение государственных займов с лондонского на индийский рынок, обеспечение туземной промышленности правительственными заказами, выкуп правительством двух крупнейших железных дорог, ставших таким образом под контроль законодательных органов и т. д.). Все эти уступки постепенно привели к полному замирению туземной буржуазии. Центр тяжести своих оппозиционных выступлений против колониального режима она перенесла в законодательные учреждения. Через партию либералов крупная буржуазия с самого начала проведения реформ 1919 г. сотрудничала в них с правительством. Но партия свараджистов взяла на себя обязанность спасти остатки авторитета Конгресса в глазах его мелкобуржуазных сторонников. Поэтому эта партия более осторожно переходила на сторону империализма. Вначале она вступила в законодательные учреждения с широковещательными лозунгами: добиться ответственного правительства, либо путем обструкции взорвать куций индийский «парламент» изнутри. Спускаясь на тормозах, она к 1926 г. благополучно перешла к «органической» работе: оппозиционной критике правительственных мероприятий, когда они вредили интересам буржуазии и землевладельцев, полному сотрудничеству, когда оно шло на пользу туземным господствующим классам. Некоторым группам буржуазных националистов эта эволюция свараджистов в сторону сотрудничества с английским империализмом казалась все еще недостаточно быстрой. От свараджистов отпочковывались вправо новые партии, не выступавшие, однако, из Конгресса. В настоящее время последний представляет собою конгломерат из многочисленных буржуазных группировок, которые незаметными переходами ведут к министерским портфелям англо-индийского правительства. Корни расхождений этих группировок лежат в парламентских комбинациях, над которыми Конгресс, как организация, совершенно безвластен. Членство Конгресса катастрофически пало: из 10 миллионов членов, которые он насчитывал в 1921 г., в последние годы едва ли осталось больше двух десятков тысяч. В период под'ема движения об'единенная борьба широких слоев населения против английского империализма придушила религиозный антагонизм в стране. После измены буржуазии кровавые конфликты между индусами и мусульманами вспыхнули с новой силой. Все эти факты свидетельствуют о полном разложении буржуазного национального движения в Индии.

3. Положение английского империализма в Индии и наступление на туземную буржуазию.

Послевоенные экономические мероприятия английского империализма в Индии были вынужденной платой за лойяльность туземной буржуазии во время войны и предательство революции после нее. Тем не менее об'ективно они намечали тенденцию к видоизменению старых форм эксплоатации Индии. Они дали мощный толчок развитию индийской промышленности. Возник ряд новых отраслей производства. Рост хлопчатобумажной промышленности во время войны задерживался затруднениями в ввозе текстильных машин. После войны число хлопчатобумажных фабрик стало быстро увеличиваться. Правительственные субсидии стимулировали развитие металлургической индустрии. Компания Тата стала гордостью национальной буржуазии. Помимо расширения своей социальной базы в стране за счет привлечения на свою сторону туземной буржуазии, английский империализм надеялся извлечь из нового положения вещей и ряд выгод для себя. Протекционные тарифы должны были стимулировать экспорт английского капитала в Индию. Индийский импорт по своей структуре чрезвычайно примитивен: на ¾ он состоит из предметов потребления. Неблагоприятный муссон или плохой урожай приводят к резкому и длительному сокращению спроса. Развитие индийской промышленности предполагало усиление ввоза средств производства и создание более стабильного рынка.

Надежды английских империалистов не оправдались. В послевоенные годы английский капитал начинает терять одну за другой свои экономические позиции в Индии. Несмотря на монополию государственной власти и на захват всех командных высот в экономике страны, английский империализм бессилен приостановить экономическое внедрение в Индию более могущественных соперников. Борьба между английским капиталом и другими империалистами (Соед. Штаты, Япония и др.) за рынки сбыта переносится на индийский рынок и из года в год все более обостряется. Доля Англии в индийском ввозе за период 1913—1926 гг. снизилась на 16% и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. В конкретной экономической действительности развитие туземной промышленности наносит английской буржуазии еще большие удары: абсолютное падение английского ввоза в Индию еще значительнее снижения его удельного веса. По сравнению с 1913—1914 г. вывоз из Англии в Индию в 1924—1925 г., исчисленный по ценам 1914 г., сократился почти на 40%. С перенесением займов англо-индийского правительства с лондонского рынка на индийский падает и экспорт английского капитала (доля Индии в лондонских заграничных эмиссиях—в предвоенные годы в среднем 8,6%, поднялась в 1922 г. до 26,7%. Она пала до 1% в 1927 г.). Рост английских капиталов в Индии приходится главным образом на банковский и торговый капитал. Доля новых английских инвестиций в индийскую промышленность ничтожна. (За 1913—1924 гг. приблизительно не больше 10%). Зато туземному капиталу удалось проникнуть в ряд отраслей промышленности, которые до войны всецело находились в английских руках (джутовая, чайное производство и др.).

Борьба между английским империализмом и его соперниками (другими капиталистическими странами и туземной буржуазией) за гегемонию на индийском рынке обостряется еще тем обстоятельством, что индийский рынок после войны не только не расширился, но еще более сузился. Это подтверждается сокращением потребления ряда товаров, в особенности хлопчатобумажных. С 1924 г. заметно падение ввоза также и средств производства. Со времени мировой войны емкость внутреннего рынка и индийская промышленность развивались в противоположных направлениях. Это было возможно только потому, что война временно удалила английскую конкуренцию с индийского рынка и тем самым сразу дала широкое поле для экспансии индийской промышленности. Возвращение империалистических конкурентов в Индию после войны означает обострение борьбы за передел с о к р а щ а ю щ е г о с я рынка между всеми соперниками.

Обладание Индией с ее беспредельными экономическими и человеческими ресурсами и до империалистической войны являлось первостепенным источником могущества британского империализма. Во время войны и в послевоенный период значение Индии в системе английской колониальной империи неизмеримо возросло. Экономический кризис английского капитализма, изгнанного из ряда рынков, и тесно связанный с ним политический кризис Британской империи (центробежные тенденции доминионов) усилили роль Индии по линии основных функций колонии (служить рынком для сбыта, источником сырья, ареной приложения капитала). Быстрое экономическое развитие английских тропических колоний обнаружило зависимость их от Индии, как базы снабжения и резервуара рабочей силы. Мировая война во весь рост показала военное значение Индии, во-первых, как поставщика пушечного мяса; во-вторых, мощь ее финансовых ресурсов, могущих быть мобилизованными на помощь английскому империализму в критический момент; в-третьих, важность ее, как базы снабжения для отдаленных от метрополии фронтов. В подготовляющейся войне с СССР выдвигается стратегическая роль Индии, как плацдарма для нападения на Советский Союз.

Растущее значение Индии для английского империализма делает удары, получаемые им в Индии, тем более чувствительными. Английскому империализму удалось купить туземную буржуазию за сходную цену. Но эта плата из года в год все больше растет: в условиях современного кризиса английского империализма он не может больше платить по счетам. За последние два года английский империализм вынужден вернуться к довоенным методам внеэкономического давления, чтобы восстановить свои экономические позиции в Индии. Развал в лагере буржуазного национализма, слабость пролетариата, как самостоятельного политического фактора, общее замирение страны, плюс частичная стабилизация английского капитала в метрополии (поражение всеобщей стачки) и благоприятная международная обстановка (временное поражение китайской революции) облегчили этот возврат. Повышение курса рупии на 12½% против довоенного паритета означает соответственную премию иностранным импортерам и наносит тяжелый удар туземному хлопчатобумажному производству. Начинающаяся замена общих протекционных тарифов предпочтительными тарифами [1]) (сталь) облегчит туземной буржуазии борьбу с неанглийскими конкурентами, но тем более усиливает конкуренцию буржуазии метрополии. Индийское правительство опять возвращается к займам на лондонский рынок и этим поощряет экспорт английского капитала за счет дальнейшего роста государственного долга Индии. Билль о резервном банке представляет попытку подчинить все финансовое хозяйство страны 5 крупнейшим банковским хищникам в Лондоне. В сумме своей все эти мероприятия означают полное банкротство послевоенной политики английского капитала, направленной к соглашению с индийской национальной буржуазией.

Положение английского империализма в Индии и на международной арене, однако, вовсе не таково, чтобы он мог, использовав индийскую буржуазию, просто выбросить ее за борт. Наоборот, надвигающиеся мировые конфликты (обострение противоречий между Англией и Соед. Штатами, подготовка войны с СССР и т. д.) и место, которое займет в них Индия, настоя-

[1]) Preferential tariffs, когда товары одной страны допускаются по более низким пошлинам, чем товары других стран.

тельно диктуют английскому империализму необходимость превращения индийской буржуазии в свое послушное орудие. Начав наступление на завоевания национальной буржуазии, английский империализм вместе с тем пытается создать базу для более прочного и менее убыточного для себя союза с ней. При современном состоянии индийской экономики совместная интенсивная эксплоатация Индии английским и туземным капиталом к обоюдному удовольствию обоих оказалась невозможной. Причина коренится в условиях развития внутреннего индийского рынка. В Индии, где 90% населения живет в деревне, внутренний рынок есть прежде всего крестьянский рынок. Нещадная эксплоатация деревни докапиталистическими методами (высокая арендная плата, высокие налоги, господство ростовщического капитала, обилие торговых посредников между крестьянским хозяйством и рынком) и отсталость всей сельскохозяйственной экономики страны приводит к низкой производительности земледелия, затрудняет накопление производительных капиталов в деревне и вызывает пауперизацию крестьянства. Разрушительное действие всех этих факторов особенно усилилось после войны. В этих условиях проблема расширения внутреннего рынка сводится к вопросу о насаждении капитализма в индийском сельском хозяйстве. Для изыскания путей к разрешению этой задачи в Индию была послана королевская комиссия и даже посажен вице-король, «спец» по земледелию. Шаги, которые уже предприняты англо-индийским правительством, показывают, в каком направлении пойдут его аграрные «реформы». Они отнюдь не коснутся крупной земельной собственности, при помощи которой кучка паразитов-землевладельцев держит под сапогом свыше 60% сельского населения страны. Аграрная программа английского империализма в Индии состоит в постепенном выталкивании крестьянской бедноты с ее надельной полоски и в укрупнении за ее счет кулацких хозяйств. Это—в районе государственного землевладения. В областях помещичьего землевладения ликвидируются права постоянных арендаторов на землю, облегчается налоговое бремя, лежащее на помещиках, и предоставляемыми за счет народных денег льготами поощряется расширение и улучшение помещичьего хозяйства. Таким путем английский империализм пытается насадить капиталистическое земледелие, расширить внутренний рынок, подвести прочную экономическую базу под союз с индийской буржуазией. Этот процесс обезземеливания и пролетаризации миллионов индийского крестьянства потребует десятков лет, чтобы дать ощутительные для сельского хозяйства страны результаты. Английский империализм берет «дальний прицел». Но при этом он считает без тех, которые тоже могут потребовать себ слова в этом вопросе: без крестьянства и пролетариата.

4. Классы и партии.

Землевладельцы.

В Индии насчитывается несколько тысяч (цифры расходятся), феодальных и полуфеодальных государственных образований. Вместе они вмещают одну треть населения страны. Часть из них—большие латифундии, владельцы которых имеют абсолютные права над своими крестьянами. Но среди них есть и крупные государства. Правители туземных государств являются неограниченными монархами по отношению к своим подданным и жалкими игрушками в руках приставленных к ним английских резидентов. Между английским империализмом и этими «неограниченными» князьями возникают иногда трения. Но по отношению к национально-революционному движению в Индии у них нет разногласий. Туземные раджи рассматривают даже реформы 1919 года, как неосторожный шаг со стороны английского империализма. Они боятся, что требование ответственного правительства в Индии может вызвать отклик в их территориях и поставить под угрозу их «права» на грабеж своих подданных. В империалистическую войну туземные правители помогали своим английским хозяевам деньгами и солдатами не только для борьбы на внешних фронтах: они не раз предоставляли свои армии в распоряжение английского империализма для подавления «внутренних врагов»—революционных выступлений крестьян. Туземные феодалы-раджи являются в Индии вооруженным резервом английского империализма, наиболее опасным для революции.

Класс туземных землевладельцев всегда был самым верным и прочным союзником английского империализма в Индии. Влияние этого класса варьирует от провинции к провинции, но особенно сильно в районе крупных латифундий—Бенгалии, Северных округах Мадраса, Малабаре, Ауде и Центральных Провинциях В Агре и Бихар и Ориссе преобладают средние землевладельцы. Но даже в районе государственного и крестьянского землевладения (Мадрас, Бомбей и Пенджаб) все растущая концентрация земли в руках представителей торгово-ростовщического капитала привела к образованию нового класса мелких землевладельцев, который об'единяет в себе все худшие черты докапиталистической системы эксплоатации индийской деревни.

Класс туземных землевладельцев в Индии почти целиком состоит из паразитов, получающих земельную ренту, не принимая никакого участия в процессе производства. В районе крупных латифундий он сохранил много феодальных черт. Число помещиков, ведущих капиталистическое хозяйство, ничтожно. Многоэтажная система землевладения в некоторых провинциях и широкое распространение суб-аренды во всей Индии создало внутри класса землевладельцев многочисленные деления. Группа земледержателей, т.-е. земельных посредников между подлинным земледельцем и собственником земли, многочисленнее класса собственно землевладельцев. Часть этой группы является крестьянами-кулаками, снимающими государственную землю или получившими права постоянной аренды. Между ними и вышерасположенными этажами землевладельческой пирамиды существуют сильные противоречия. Большинство крупных крестьян, сдающих землю в аренду, вынуждено к этому эксплоатацией землевладельцев, задерживающей накопление капиталов, необходимых для создания собственного рентабельного хозяйства.

Низшие категории земледержателей получают ничтожную долю земельной ренты. По своему имущественному положению они ближе к верхушке крестьянства, чем к землевладельцам. Проникновение денежного хозяйства в деревню резко ухудшило положение этого слоя. Замена натуральной ренты денежной выгодна для крупного землевладельца. Мелкого же получателя ренты она ставит в тяжелую зависимость от рынка. Низшие категории рентополучателей поэтому ожесточенно противятся коммутации [1]), требуемой крестьянами. В тех районах, где землевладельцы начинают переходить к собственному хозяйству, такой переход делает неизбежной ликвидацию промежуточных земледержателей. Рост сельскохозяйственных цен после войны привел к повышению арендной платы крестьянина. Большая часть этого прироста присваивается крупными землевладельцами. Но доходы мелких держателей не повышаются. Растущая дороговизна вынуждает все более значительную часть этого слоя искать дополнительных заработков в городах, где она заполняет ряды безработной мелкобуржуазной интеллигенции.

Разница в положении землевладельцев и низших земледержателей приводит к разному отношению этих групп к английскому империализму. Землевладельцы господствуют в бюрократических органах местного самоуправления, которые они заставляют обслуживать свои интересы. Землевладельцы имеют свои крупные классовые организации (Land holders Associations).

[1]) Замене продуктовой ренты денежной.

Последние в социальном отношении реакционнее английского империализма, а в политических вопросах всегда его поддерживают.

Прогрессирующая папуризация мелких получателей ренты толкает их к революционным выступлениям против английского империализма. Именно этот слой поставляет кадры для террористических организаций, весьма распространенных в Индии, особенно в Бенгалии. Связь с землей, удары, которым они подвергаются со стороны растущего в деревне капитализма, об'ясняют реакционную идеологию индийских террористов (назад к ведам). Находясь под руководством буржуазии, они вместе с ней изменили движению 1919—1922 гг. Однако, тенденция развития идет в сторону ослабления их связей с деревней и дальнейшего их обезземеливания. Новый мощный под'ем национально - революционного движения, идущего под гегемонией рабочего класса, может расколоть эту многочисленную в некоторых провинциях группу люмпен-землевладельцев. Часть превратится в фашистов, но не исключена возможность перехода значительной части на сторону национальной революции.

Мелкая буржуазия.

Индийская городская мелкая буржуазия остро чувствует гнет всей системы колониального режима. Положение отдельных ее группировок неоднородно. Наиболее многочисленный, наименее политически сознательный ее слой—городская беднота: кустари, мелкие торговцы, кули. Конкуренция фабричных товаров (иностранных и туземных) продолжает разлагать ремесло и выбрасывать кустаря в ряды пролетариата. Но медленный темп промышленного развития страны, задерживаемого английским империализмом, лишает кустаря возможности найти применение своему труду на фабриках и гонит его в перенаселенную деревню. Там, где ремесло еще не разложилось, оно держится только благодаря прогрессирующему снижению жизненного уровня кустаря. Скупщик и ростовщик все более подчиняет его себе.

Благополучие мелких торговцев тесно связано с благополучием их потребителя—городского кули и рабочего. Отсутствие дешевог кредита, наличие многочисленных посредников между ним и мелким производителем, высокие налоги, растущая дороговизна жизни в городах загоняют и его в об'ятия ростовщика и крупного торговца.

Кули по своему классовому положению тесно примыкают к рабочему классу и составляют в Индии многомиллионный слой предпролетариата. Неустойчивость и случайность заработка, частая смена места работы делают его наиболее угнетенным слоем городской бедноты, наиболее трудно поддающимся организации отрядом рабочего класса.

Туземная интеллигенция также является особым слоем мелкой буржуазии. Система просвещения, насаженная английским империализмом в Индии, делает рядового туземного интеллигента пригодным только к конторской работе, к юриспруденции и т. п. либеральным профессиям. Жалкое состояние школьного дела и здравоохранения, на которые колонильное правительство отпускает ничтожные средства, ограничивает применение труда интеллигенции в этих областях. Техническое образование поставлено в Индии из рук вон плохо и трудно доступно. Безработица среди туземной интеллигенции беспрерывно растет и давно уже беспокоит англо-индийское правительство. Учитывая, что значительная часть интеллигенции связана с землей, оно пытается направить энергию интеллигенции в сельское хозяйство. В этом одна из проблем, поставленных перед королевской сельскохозяйственной комиссией.

Туземная интеллигенция имеет и среднюю и даже крупнобуржуазную верхушку. Адвокаты, разбогатевшие на крестьянских тяжбах, играют в ней главную роль. Разбогатевшие адвокаты почти всегда обзаводятся землей. За адвокатами следует туземное чиновничество. Интересы верхней его части целиком сливаются с интересами английского империализма.

Мелкобуржуазная интеллигенция на предыдущих этапах национально-революционного движения являлась самой политически активной классовой прослойкой. Она подняла студенческое движение 1905 года и первая сознательно вступила в вооруженную схватку с английским империализмом (террористические организации). По призыву Конгресса она бросала правительственные школы и учреждения и организовывала рабочих и крестьян в 1919—1922 гг. Она больше всех проявила свое недовольство изменой Конгресса в этот период. Только обманывая ее, смогла партия свараджистов проделать свой поворот от бойкота законодательных учреждений к участию в парламентских выборах в 1924 г. Под ее давлением Мадрасский с'езд Конгресса (1927 г.) вынужден был принять резолюцию о независимости. До настоящего времени она остается на крайнем левом фланге буржуазного национального движения и с энтузиазмом реагирует на всякий крен влево со стороны Конгресса. Попытки к образованию республиканской партии, мысли о необходимости «какой-либо формы кооперативного социализма для Индии» (!), которые молодой Неру за последнее время усиленно повторяет на провинциальных конференциях Конгресса,—питаются настроениями этой среды. Мелкобуржуазная интеллигенция колеблется влево. Она ищет новых революционных путей. Но она еще не имеет своей политической программы. Пока она еще целиком идет под знаменем буржуазии. Следующий этап революции, в особенности аграрное движение, внесет большую диференциацию в эту прослойку. Ее революционная роль еще далеко не исчерпана.

Буржуазия.

Туземная буржуазия распадается на два более или менее обособленных слоя: торгово-ростовщическую и промышленную буржуазию. Верхушки обоих крыльев сращены в лице крупной буржуазии, представленной партией либералов.

В начальный период национального движения функции этой партии выполнял Индийский Национальный Конгресс. Как самостоятельная организация она оформилась при первом расколе Конгресса в 1907 году. С самого своего возникновения партия либералов является наиболее «конституционно-мыслящей» оппозицией его вице-величества. Воссоединившись было с Конгрессом, захваченным мелкобуржуазными элементами, в 1917 году, она при первых вспышках революции опять отошла от него. Она деятельно помогала английскому империализму подавлять революцию, принимая активное участие в деятельности законодательных учреждений, бойкотировавшихся Конгрессом. Поправение всей туземной буржуазии после Бардоли опять сближает Национальный Конгресс с партией либералов.

Торгово-ростовщическая буржуазия тесно связана с землевладением и со всей докапиталистической системой эксплоатации крестьян. Бурный под'ем 1919—22 гг. частично захватил и ее. Среди членов Конгресса в этот период было много средних торговцев и даже ростовщиков. Но в массе своей она является одним из столпов английского империализма в Индии. Ее крупные классовые организации—торговые палаты—сотрудничают с англо-индийским правительством, хотя часто и подвергают его резкой критике.

Индийская промышленная буржуазия, это—националисты par excellence. Ее крепостью является Бомбей, где туземная буржуазия вообще наименее связана с землевладением и где концентрирована ее экономическая мощь—хлопчатобумажная промышленность. Бомбейская промышленная буржуазия

сталкивается с английским капиталом не только на внутреннем рынке. Она уже имеет прочные интересы и на внешних рынках: Китае, Восточной Африке и др. Ограничительные законы, применяемые английскими доминионами и колониями к их индийскому населению (сеграгация [1]), ограничение права торговли и политических прав) тяжело ударяют по ее интересам. Бомбейская буржуазия поэтому всегда острее других секций индийской буржуазии реагирует на национальное неравенство, на издевательство английского империализма над индийским народом внутри Индии и за ее пределами.

Изменой революции национальной буржуазии удалось добиться значительных уступок от английского империализма. Новые мероприятия последнего, проведенные за эти два года, ликвидируют большую часть ее завоеваний. Индийская буржуазия недовольна. Но вместо усиления борьбы против английского империализма, индийская буржуазия предпочитает компенсировать себя путем ухудшения условий труда рабочего класса. Размах забастовочного движения в настоящее время показывает, что это наступление началось по всей Индии. При этом туземная буржуазия преследует не только цель повышения своих дивидендов. Она пытается косвенно использовать рост забастовочного движения для политического нажима на правительство. Забастовка бомбейских текстильщиков в 1925 году это подтверждает. В результате этой забостовки бомбейские фабриканты добились отмены акциза на хлопок.

Политическим выражением наступления английского империализма на завоевания индийской буржуазии является комиссия Саймона. Состав этой комиссии (отсутствие индийцев) разрушает надежды всей туземной буржуазии (в том числе и крупной) на дальнейшее расширение ее политических прав. На платформе бойкота комиссии поэтому сошлись все секции индийской буржуазии.

Из двух основных политических группировок, об'единившихся на платформе бойкота—сваражистов и либералов,—последние являются наиболее монолитной партией. Партия сваражистов, как в свое время русские кадеты, «не связана с каким-либо одним классом буржуазного общества, но тем не менее, она насквозь буржуазная» (Ленин, т. VII, ч. 1, стр. 269). Сваражисты ослаблены беспрерывными отпадениями и идейным разбродом внутри остающегося ядра. Они доминировали в Конгрессе благодаря своей сравнительной дисциплинированности и личным качествам своих вождей. В настоящее время уже заметно ослабление монополии сваражистов внутри Конгресса и их влияния на широкие мелкобуржуазные массы вне его.

В этих условиях об'единенное выступление их с либералами может иметь место только на основе гегемонии либералов внутри буржуазного фронта. Вся деятельность сваражистов в законодательных учреждениях за последние годы говорит о постепенном приближении их к позициям либералов. Жалкое кривлянье ответственных лидеров Конгресса вокруг резолюции о независимости, уже принятой Конгрессом (независимость в неопределенном будущем, статус доминиона на ближайшее время—Мотилал Неру), и их стремление ограничить участие масс в кампании бойкота подтверждают, что национальная буржуазия и на данном этапе ищет только уступок от английского империализма.

Крестьянство.

73% индийского населения связаны с земледелием. Из 247 миллионов жителей Британской Индии (без туземных государств) 222 миллиона живут

[1]) Устройство особых кварталов в городах для туземцев, нечто в роде «гетто».

в деревне. Уж один этот факт делает индийское крестьянство основным, хотя и не руководящим, отрядом национальной революции.

Аграрные отношения в Индии варьируют от провинции к провинции, а с ними меняется и положение крестьянства. Можно, однако, отметить основные черты, которые в достаточной степени характеризуют положение всего индийского крестьянства. Подавляющее большинство индийского крестьянства состоит из арендаторов, снимающих землю из нужды и живущих впроголодь. 50% всей обработанной площади страны находятся в руках крупных и средних землевладельцев. Крупные латифундии достигают в некоторых случаях 6 миллионов акров и представляют собой настоящие феодальные поместья, где заминдар (землевладелец) пользуется неограниченными правами в отношении своих крестьян. Барщина, вымогательские поборы, гнуснейшие издевательства над личностью крестьянина и его семьи,—обычные явления в этих поместьях. Сдача земли в аренду является главным источником дохода для индийского землевладельца. От подлинного труженика земли к заминдару тянется длинная цепь промежуточных собственников, отличающихся друг от друга величиной доли земельной ренты, выколачиваемой из крестьян. В некоторых областях эта пирамида паразитов, сидящая на шее индийского крестьянина, насчитывает до 20 этажей.

Из остальной части обработанной площади 30% принадлежит англо-индийскому правительству, которое представляет собой не только аппарат государственно-организованного национального угнетения, но и крупнейшего землевладельца в стране. В районе государственного землевладения колониально-землевладельческое государство экспроприирует в качестве арендной платы—налога до 55% «чистого» дохода крестьянина. На долю собственно крестьянского землевладения приходится только 12% обработанной площади (провинция Пенджаб). В обоих последних районах ростовщический капитал является господствующим фактором в деревне. Крестьянские земли, собственные или надельные, все больше переходят в его руки. Вода является основным условием земледелия в Индии. Пользуясь этим, английский империализм превращает ирригационную систему в дополнительный источник эксплоатации крестьянства. Высокие налоги, правительственные монополии на предметы первой необходимости, как, например, соль, многочисленные торговые посредники, связывающие крестьянское хозяйство с рынком, лишают крестьянина последних остатков его прибавочного продукта, а нередко захватывают и часть необходимого продукта.

Докапиталистические формы землевладения и земледержания расщепляют индийское крестьянство на множество отдельных прослоек средневекового типа. Собственники, постоянные арендаторы, пожизненные арендаторы, арендаторы по контракту (т.-е. на определенное число лет), совершенно бесправные арендаторы, наконец, беспосевные крестьяне, не имеющие даже арендованной земли,—таковы важнейшие из этих прослоек. Основная тенденция развития индийской деревни —пауперизация крестьянства, скатывание со ступеньки на ступеньку этой иерархической лестницы. Однако, когда крестьянин окончательно «освобождается» от земли и превращается в неимущего пролетария деревни, то этим он еще не достигает подножия лестницы. За 22 миллионами пауперизированных крестьян (с семьями 37½ миллионов), числящихся по англо-индийской статистике сельскохозяйственными рабочими, но в действительности лишь изредка находящих применение своему труду, следует еще 3⅓ миллиона рабов (с семьями 6 милл.), отрабатывающих свои долги у ростовщиков и переходящих по наследству как скот. Официальные фальсификаторы индийской статистики и здесь нашлись и называют этих долговых рабов «батраками на фермах», но сами же вынуждены об'яснить, что эти «батраки» большей частью несвободны.

Отсталые формы землевладения и землепользования (дробность участков, чересполосица) невероятно затрудняют проникновение капитализма в индийскую деревню. Тем не менее, капитализм медленно преодолевает все эти препятствия. Крупных капиталистических хозяйств в Индии мало, но специализация сельскохозяйственных районов, рост торговых культур, а вместе с ними и товарности сельского хозяйства, зашли уж довольно далеко. Несмотря на господство продуктовой ренты и оплаты сельскохозяйственного батрака натурой, денежное хозяйство проникло повсюду. На этом фоне начинается и классовое расслоение индийской деревни. На новоколонизуемых землях вырастает настоящий хозяйственный мужичок, применяющий наемный труд, улучшенные семена, дорого стоящие удобрения. Однако, на большей части территории страны, в старых земледельческих районах верхушка крестьянства больше связана с торгово-ростовщическим капиталом и с субарендой, пышно расцветшей в Индии. В общем и целом классовое расслоение крестьянства играет еще подчиненную роль по отношению к его пауперизации. Как ни скудны данные по этому вопросу, в некоторых районах можно отчетливо проследить, как низшая группа крестьянства вырастает за счет всех высших групп. При этом только средние группы, численно сокращаясь, увеличивают площадь своего землепользования. Иными словами, два процесса—пауперизация и классовое расслоение,—переплетаются, но верх берет первый.

Основная форма эксплоатации индийского крестьянства — арендная плата. Это сразу говорит о том, что сущность аграрной проблемы в Индии — вопрос о земле. Землю захватил туземный помещик, английский империализм в лице англо-индийского правительства, землю экспроприирует у крестьянина ростовщик. Последний вид экспроприации наиболее осязательный для крестьянина. Неудивительно, что первые стихийные крестьянские восстания в Индии (в прошлом столетии) были направлены против ростовщиков. Только после империалистической войны, в связи с ухудшением положения крестьянства и общим под'емом революционной волны, крестьянское движение впервые направляется против помещиков и ставит,—пока еще робко,—вопрос о земле.

Массовое крестьянское движение послевоенного периода территориально распадается на 4 совершенно самостоятельных, организационно не связанных между собою района: Соединенные Провинции, Пенджаб, Малабар и туземные государства Раджпутаны. Наиболее сознательным было так называемое движение «Эйка» (единство) в Соединенных Провинциях, где больше всего сохранилось чисто-феодальных пережитков, как, например, барщина (бегар). Крестьяне об'единялись в крестьянские союзы (кисан сабха), убивали туземных сборщиков налогов, изгоняли помещиков, жгли их усадьбы и засыпали помещичьи колодцы. Правительственный отчет о сборе поземельного налога в этой провинции за 1921 год жалуется на затруднения, которые чинятся крестьянами и пришлыми агитаторами. Основные требования крестьянства отчет формулирует в следующих пунктах: замена натуральной ренты денежной; уменьшение арендной платы или полный отказ от ее уплаты; отказ от уплаты поборов и подарков в пользу помещиков; требование передела земли и отказ от гужевой повинности правительственным чиновникам.

В Малабаре крупное крестьянское восстание было вызвано эксплоатацией крестьян мусульманского племени Мопла помещиками-индусами так же, как и в Соединенных Провинциях, сохранившими полуфеодальные права в отношении крестьян. Повстанцы мстили повсюду не только помещикам, но и сельским ростовщикам, тоже в большинстве индусам. Отличительная черта этого восстания,—его затяжной характер и переход его, после того, как главные силы повстанцев были разбиты, в партизанскую войну.

В Пенджабе крестьянское движение вылилось в своеобразную религиозно-реформаторскую форму. Движение было поднято в 1920 году сектой племени сикхов, т. н. акали. Первоначально акали выдвигали требование возврата сикхской общине крупных земельных участков, принадлежащих сикхским храмам и присвоенных себе духовенством. Но движение приняло политический характер, когда англо-индийское правительство начало отстаивать владельческие права духовенства. Громадная масса сикхских крестьян, принимавших участие в движении, придерживалась принципов ненасилия и давала себя арестовывать без малейшего сопротивления. Безрезультатность этой формы борьбы с могущественным английским империализмом привела часть восставших акали на путь террора.

В южных государствах Раджпутаны в крестьянском движении участвовало племя били, причисляемое англичанами к «преступным племенам». Фактически это племя в настоящее время живет почти исключительно сельским хозяйством. Восстание было вызвано высокими правительственными поборами. По словам официального сообщения, в целом ряде деревень были образованы крестьянские советы и установлен «коммунистический строй». В борьбе против правительственных войск, посланных на подавление восстания, участвовало около 20.000 крестьян, в том числе и женщины.

* * *

Индийские буржуазные партии никогда не имели (да и теперь не имеют) формулированной аграрной программы. Это нисколько не мешало им на деле всегда поддерживать туземных помещиков. Было время, когда лучшие представители индийской буржуазии понимали, по крайней мере, необходимость освободиться от гнилой азиатчины, которая пронизывает весь аграрный строй в Индии и задерживает развитие производительных сил в индийском сельском хозяйстве. В 80-х годах прошлого века прогрессивный помещик Ранаде, до сих пор превозносимый индийской буржуазией, как ее величайший идеолог, требовал от англо-индийского правительства законодательства по прусскому образцу, т.-е. полного выкупа крестьянами всех земельных и сеньориальных прав землевладельцев. В настоящее время индийская буржуазия боится в какой бы то ни было форме затронуть существующий аграрный строй. Она поэтому выступает не только против крестьянства, но и против англо-индийского правительства, которое пытается хоть и полумерами, но все же ускорить процесс капитализации индийского сельского хозяйства. Идеал индийской буржуазии—медленный, самопроизвольный процесс перерождения индийского феодала-землевладельца в капиталистического помещика, ростовщика—в кулака-предпринимателя.

Мелкая буржуазия после своей измены в 1922 г., продолжает еще проявлять некоторый интерес к крестьянскому вопросу. Она изобретает одну за другой фантастические, реакционные утопии («чарка» Ганди, «деревенскую реконструкцию» Даса и т. д.), которыми она пытается удержать свое влияние на крестьянство. До последнего времени, однако, Национальный Конгресс, за исключением благих пожеланий, ничего реального не предпринимал в отношении крестьянства. В настоящем году деятели Конгресса начинают уже чувствовать (английский империализм нажимает!) необходимость перейти к более активной работе в деревне. Первый шаг в этом направлении сделан в Бенгалии. В связи с падением цен на джут, крестьяне терпят большие убытки. Конгресс повел большую кампанию за сокращение посевов джута, чтобы предупредить дальнейшее падение цен. Такая мера могла бы, действительно, оказаться целесообразной. Но выиграет от нее только зажиточный крестьянин, который располагает капиталом и может переждать плохую кон'юнк-

туру. Для деревенского бедняка, который при этом лишается ценного урожая, будучи вынужден в то же время платить высокую арендную плату, это будет означать усиление его кабальной зависимости от ростовщика. Вторую попытку по линии завоевания крестьянства мы имеем в Бардоли, небольшой волости, Бомбейской пров., входящей в район государственного землевладения. Резкое повышение ставок поземельного обложения правительством вызвало протест крестьян. Лидеры Конгресса, оставшиеся верными старой программе Ганди (т. наз. nochangers) взяли на себя руководство борьбой крестьянства со строгим соблюдением, конечно, принципа ненасилия. В Бардоли начата кампания по неуплате налога. Крестьяне поддерживают кампанию и дают себя арестовывать, не оказывая сопротивления. Чиновники реквизируют скот и имущество крестьян. В движении, повидимому, принимают участие значительные слои крестьянства, включая кулаков. Националистическая пресса, которая весьма слабо реагирует на рост забастовочного движения, подняла большую шумиху вокруг этого дела[1]). Агитация начатая Конгрессом, может повести к сближению национальной буржуазии с верхушкой деревни, факт, который, несомненно, приходится учитывать при оценке соотношения классовых сил в Индии в настоящий период.

Английский империализм тоже имеет виды на индийское крестьянство. Британская пресса давно обвиняет индийские законодательные учреждения в том, что они представляют главным образом городские элементы. Многомиллионные же «без'язычные», «бедные» земледельцы не имеют там своих защитников. В связи с предстоящим пересмотром индийской «конституции» (в 1929 г.) этот мотив все чаще и чаще повторяется английской печатью. Весьма возможно, что английский империализм готовит туземной буржуазии по этой линии какой-нибудь сюрприз. В законодательных органах имеются назначенные англо-индийским правительством члены, «представляющие» интересы рабочих. Почему бы не назначить таких же «представителей» интересов крестьянства? Или под видом представителей внеклассовых «сельских хозяев» не усилить землевладельческое крыло в законодательных органах? Гадать об этом рано, но есть намеки, что великие фокусники из Индиа-Офис попытаются подкрепить себя в индийском так называемом парламенте благонадежными элементами из верхушки крестьянства.

Рабочий класс.

Индийский рабочий класс насчитывает приблизительно (точных данных нет) от 4—4½ млн. человек. Текстильщики (около 1 млн.), транспортники (800.000) и плантационные рабочие (свыше 1 млн.), образуют крупнейшие отряды пролетариата. Квалифицированные рабочие составляют не больше ⅙ всего состава рабочего класса. Из 200.000 металлистов большая часть сконцентрирована в Калькутте и ее окрестностях и в Джамшедпуре (компа-

[1]) В дистрикте (уезде) Сурат. к которому относится волость Бардоли, на 65 тыс. государственных арендаторов насчитывается всего 15 тыс. суб-арендаторов. Подавляющее большинство крестьянства, так. обр., здесь противопоставлено непосредственно колониально- землевладельческому государству, в то время как, напр., в соседнем дистрикте Тхана, где тоже произведено было повышение поземельного налога, на 74 тыс. государственных арендаторов приходится 102 тыс. суб-арендаторов, эксплоатируемых верхушкой первых. Этой особенностью в структуре крестьянства Бардоли об'ясняется, почему эта волость всегда была излюбленным местом для экспериментов гандистов, которые, начиная с 1921 г., не переставали ее обрабатывать в духе своих «ненасильственных» принципов. Но в дистрикте Сурат помимо крестьян, ведущих свое хозяйство, имеется еще 85.000 сел.-хоз. рабочих и 30.000 законтрактованных батраков, т.-е. фактически домовых рабов. Лидеры Нац. Конгресса, руководящие кампанией в Бардоли не выдвинули для этих наиболее угнетенных слоев крестьянства ни одного требования, ни одного лозунга. Вследствие этого наиболее эксплоатируемая часть деревенской бедноты остается вне движения.

ния Тата). Женский и детский труд широко применяется во всех отраслях производства и господствует на плантациях. К этому в массе своей фабрично-заводскому пролетариату тесно примыкают черноробочие-кули, насчитывающие по переписи 1921 года 5 миллионов человек и два с половиной миллиона чел. домашней прислуги.

Сравнительно небольшая часть индийского пролетариата формируется из разоренных кустарей (Ахмедабад, Каунпур). Подавляющая же часть рабочих приходит из деревни, с которой они не теряют связи и будучи на фабрике. Разоренный крестьянин медленно и с трудом приспособляется к невыносимым условиям труда и жестокой эксплоатации, практикуемой на индийских предприятиях. При первой возможности или необходимости (локаут, безработица), он возвращается в деревню. Отсюда основная черта индийского рабочего класса—его текучесть. В некоторых крупных центрах, как, например, в Бомбее, существует уже класс настоящих потомственных пролетариев. Но даже и там из 140.000 текстильщиков, бастующих в настоящее время, свыше половины уже раз'ехалось по деревням.

Забастовочное движение индийского пролетариата имеет уже 10-летнюю историю. Первые крупные забастовки (в 1918 г.), были связаны с ростом дороговизны и ухудшившимся положением рабочих масс после окончания войны. В последующие годы число забастовок росло и в 1921 году охватило свыше полмиллиона рабочих. Однако, в большинстве забастовок этого периода рабочий класс еще не ставил себе самостоятельных классовых целей. Забастовки входили составной частью в общий «харталь» (прекращение работы, закрытие лавок, контор, фабрик и т. д.), который служил в руках Индийского Национального Конгресса орудием для борьбы против британского империализма. В важнейших центрах забастовочного движения, Бомбее и Ахмедабаде, рабочий класс не бастовал, а «прекращал работу» вместе со своими хозяевами-фабрикантами, поддерживавшими национальное движение. Крупнейший такой «харталь», проведенный рабочими массами с огромным энтузиазмом и единодушием, был организован Конгрессом по случаю приезда принца Уэльского в сентябре 1921 года. Такого рода забастовки, являющиеся результатом агитации Конгресса, естественно, ставили рабочие массы под контроль буржуазных и мелкобуржуазных националистов. Индийские пролетарии принимали деятельное участие в национальном движении. В августе 1921 года орган Ганди «Янг Индиа» сообщал: «Общество понятия не имеет об участии рабочих в фонде Сваражда[1]). 21 тысяча рабочих Ахмедабада уплатили в фонд почти 54 тысячи рупий, притом по установленной скале, т.-е. одну десятую их месячной зарплаты. 7 тысяч стали членами Конгресса. Точно так же посылали свои взносы и бомбейские рабочие».

Чтобы усилить свое влияние на рабочие массы, националисты организовали рабочих в рабочие союзы, носившие цеховой характер. Рабочие союзы сотрудничали с предпринимателями и помогали им, при помощи филантропических подачек, обманывать рабочих и увеличивать интенсивность их труда. До настоящего времени эти рабочие союзы там, где они сохранились, как, напр., в Ахмедабаде, являются крепостями национально-буржуазного реформизма в индийском пролетариате.

Однако, так происходило не всегда и не везде. В ходе забастовки, начатой по инициативе Конгресса, бастующие рабочие неоднократно сами формулировали свои классовые экономические требования. Харталь, начатый вместе с туземным предпринимателем, нередко превращался в экономическую забастовку против него. Чиновое, благородное прекращение работы на английских предприятиях, пресловутое «пассивное сопротивление» часто сопровождалось разгромом фабрики и совсем не пассивными вы-

[1]) Самоуправление.

ступлениями рабочих против полиции. Уже в 1921 г. в разных концах Индии стихийно вспыхивали чисто экономические забастовки, не имевшие никакого отношения к Конгрессу и его лозунгам. Рабочий класс быстро вырастал из прокрустова ложа, в которое его хотели уложить национально-буржуазные вожди.

Мелкобуржуазные руководители Конгресса делали все возможное, чтобы предупредить эти «опасные» явления. Ганди писал, что индийский рабочий еще слишком невежествен, чтобы быть способным на забастовку сочувствия. От индийского рабочего, получающего нищенскую зарплату, не имеющего никаких забастовочных фондов, он требовал, чтобы он не смел начать стачку, если не уверен, что может содержать себя и семью в период забастовки. Он запугивал рабочих, предлагая им не рассчитывать во время забастовки ни на помощь организаций Конгресса, ни на помощь контролируемых им рабочих союзов. После провокационных выходок англо-индийской полиции, после кровавых столкновений с ней и расстрелов рабочих буржуазные националисты почти всегда о б в и н я л и р а б о ч и х в насилии, почти всегда о п р а в д ы в а л и п о л и ц и ю, которая ведь «только выполняла свой долг». Ганди клялся и божился, что не желает иметь ничего общего с «дьявольским» британским империализмом. Но он же открыто заявлял, что готов сотрудничать с англо-индийским правительством в подавлении рабочих волнений. По собственным словам Ганди, только влияние его сторонников удержало рабочих Бомбея во время приезда принца Уэльского от расправы с прислужниками британского империализма, подобострастно встречавшими своего хозяина.

Связь между забастовочным и национально-революционным движением периода 1919—22 гг. ясно проявляется в том обстоятельстве, что параллельно со спадом революционной волны пошло постепенно на убыль и число забастовок. По данным Профинтерна, мы имеем:

	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Колич. забастовок	400	273	215	133	134	128	129
Число бастовавших рабочих	535.000	435.000	282.000	312.000	270.000	186.000	131.000

Прошедший год дает, таким образом, самую низшую точку на кривой развития забастовочного движения в Индии в послевоенный период. Было бы, однако, ошибочно думать, что под этим внешним затишьем не происходило никаких сдвигов в индийском пролетариате. Буржуазные националисты, использовав выступления рабочих для нажима на английский империализм, предав революцию и получив свои 30 сребреников, перестали интересоваться рабочим движением. В 1923 г. покойный Дас еще возвещал, что сварадж нужен для 98% индийского населения, т.-е. для рабочих и крестьян. В последующие годы с'езды Конгресса из года в год принимали благочестивые резолюции о создании рабочих и крестьянских организаций. Никто из националистов не принимал этих резолюций всерьез. Вера рабочих в своих прежних вождей постепенно превращалась в чувство глубокого презрения к ним. Во время бомбейской забастовки 1925 г., мадрасский журнальчик буржуазных благодетелей рабочего класса «Свадхарма» приводил весьма показательную беседу между рабочими и мелкобуржуазным националистом. На сочувствующие воздыхания и распросы националиста рабочие отвечали: «Не пора ли вам—образованным—оставить нас в покое? Вы обнадеживали нас, но не сделали ничего... Вы уже испробовали свои водянистые (milk and water) методы, теперь мы попробуем свои!» Шел процесс самоопределения индийского пролетариата, как класса, который начинает понимать противоположность своих интересов интересам капиталистов.

Профессиональные союзы, присоединившиеся к Всеиндийскому Конгрессу Профсоюзов, насчитывают по последним данным свыше 150.000 членов. Вместе с «дикими» профсоюзами, в которых, впрочем, много клерков и служащих, в Индии организовано немногим больше 200.000 рабочих,—цифра ничтожная, по сравнению с численностью всего пролетариата. Индийские профсоюзы—большей частью верхушечные организации, слабо связанные с массами. Забастовки решаются и проводятся рабочими через головы официальных профсоюзных вождей. Забастовочные комитеты создаются не только отдельно от профсоюзов, но часто при упорном сопротивлении с их стороны. Местные профсоюзные организации в большинстве крупных центров после оставления их националистами были захвачены профсоюзными дельцами типа Джоши и др. Но во всеиндийском центре осталось еще много буржуазных националистов, в роде Чаман Лала, Лала Ладжпат Рай и т. д. В предыдущий период индийские националисты, фактически прекратив свою деятельность в массовом рабочем движении, ограничились контролем над всеиндийским об'единением профсоюзов. Теперь, в связи с наступлением английского империализма, туземная буржуазия опять вспомнила о том, какую мощную силу представляет пролетариат. Попытки английских реформистов завоевать индийское рабочее движение ее не на шутку пугают. Национальная буржуазия поняла, какую ошибку она совершила, по своей доброй воле отказавшись от влияния на рабочий класс. Она пытается снова утвердиться на оставленных ею позициях, прежде чем подоспеют английские реформисты. Сейчас мы присутствуем только при начале этого любопытного поединка. Персель и К° кричат о том, что индийские националисты—просто капиталисты, жестоко эксплоатирующие рабочий класс. (При этом они умалчивают об английских колонизаторах). Мотилал Неру и К° отвечают: «Поскребите любого члена рабочей партии, и вы обнаружите империалиста». (При этом они умалчивают о своем собственном соглашательстве с империализмом). Генеральный совет выражает сочувствие бастующим текстильщикам и железнодорожникам. Вожди Национального Конгресса вдруг тоже, оказывается, обуяны состраданием к бастующим. Только недавно бомбейский муниципалитет с свараджистским большинством отказал в помощи бастующим текстильщикам [1]). Теперь председатель того же муниципалитета, свараджист, обращается со слезной мольбой к именитым гражданам пожертвовать для «несчастных» рабочих. То же происходит и в Калькутте.

Индийский пролетариат, о существовании которого до недавнего времени, казалось бы, не подозревали английские реформисты и так основательно забыли индийские буржуазные националисты, вдруг вырос в persona grata. Английские социал-реформисты хотят при помощи индийских «рабочих вождей» крепче привязать индийский пролетариат к колеснице английского империализма; индийские национал-реформисты стремятся превратить его в послушное орудие туземной буржуазии. По существу, это соревнование только отражает борьбу двух конкурентов за долю прибавочной стоимости, выколачиваемой из индийского пролетариата. Но в ходе борьбы обе разновидности реформизма неизбежно разоблачают тайные замыслы друг друга и, помимо своей воли, подготовляют почву для высвобождения индийского пролетариата из-под влияния обоих. Скандал, который недавно имел место на общеимперской рабочей конференции (о нем сообщалось в «Правде»), служит хорошей иллюстрацией к сказанному. Тот факт, что в грандиозных классовых схватках, развертывающихся в Индии на наших глазах,

[1]) Другой интересный факт: бомбейская организация Национального Конгресса только в начале апреля с. г. отказалась ассигновать 250 рупий на празднование 1 мая.

ведущая роль, несомненно, принадлежит революционному крылу рабочего движения—рабоче-крестьянским партиям—представляет реальное отражение тех многозначительных процессов, которые зреют в глубине индийского пролетариата.

О деятельности молодых индийских рабоче-крестьянских партий очень мало проникает в печать. Они не об'единены и формально самостоятельны в каждой провинции, где они существуют. Раньше всех сложилась рабоче-крестьянская партия в Бенгалии (в 1925 г.). Она наладила связи с рабочими организациями, организовала союз метельщиков в Калькутте, недавно проведший успешную забастовку, и приступила к созданию крестьянских союзов. Железнодорожная забастовка в Лиллуа проходит при ее ближайшем участии. Все же партия, насчитывающая, по словам ее официального отчета (1927—28 г.), всего 125 индивидуальных членов и около 10 тысяч афилированных через рабоче-крестьянские организации, еще очень слаба. В партии имеются коммунисты, но есть и элементы, не порвавшие еще с буржуазным и мелкобуржуазным национализмом.

Рабоче-крестьянская партия в Бомбее, судя по ее деятельности, сильнее и имеет большее влияние в рабочих массах. В день приезда комиссии Саймона она организовала отдельно от националистов рабочие демонстрации под революционными лозунгами и провела забастовку муниципальных служащих. В истории индийского рабочего движения, это—факт огромного значения. Впервые индийские рабочие массы вышли на улицу со своими собственными политическими требованиями. Бомбейская рабоче-крестьянская партия фактически стоит во главе происходящей сейчас забастовки текстильщиков. Реформист Джоши и его соратники, которые вначале всячески саботировали забастовку и на задворках у бомбейского губернатора клянчили о «сверхклассовом» посредничестве, в конце концов вынуждены были примириться с забастовкой и вступить в забастовочный комитет.

В Пенджабе существует рабоче-крестьянская организация под названием «Кирти» (трудящийся). Она успела уже созвать несколько крестьянских конференций, на которых подвергла критике деятельность Индийского Национального Конгресса и провела резолюцию против войны с СССР, против удушения китайской революции и т. д. Как «Кирти» организационно оформляет свои связи с крестьянскими массами,—неизвестно, но в ее органе сильно чувствуется крестьянская струя. Организация издает два журнала—на сикхском наречии (гурмукхи) и индустани. Пенджаб—центр рекрутирования туземной армии. В Пенджабе, граничащем с Афганистаном, английские приготовления к будущей войне с СССР особенно заметны. Поэтому журнал «Кирти», естественно, обращает особое внимание на антивоенную пропаганду. Много внимания уделяется в журнале также и крестьянскому вопросу.

О растущем значении крестьянских партий можно судить по тому, как англо-индийское правительство реагирует на их деятельность. Последний официальный отчет об Индии (за 1926—27 г.) уделяет значительное место этим организациям. Возникновение рабоче-крестьянских партий рассматривается в отчете, разумеется, как непосредственный результат деятельности «московских агентов» в Индии. О журнале «Кирти» говорится, что его появление связано с «интригами советов, заключивших союз с недовольными сикхами в Америке, Китае и Индии». Ответ журнала на эти аляповатые измышления англо-индийской охранки появился в июньском номере с. г. и стоит того, чтобы его здесь процитировать. «Мы заявляем, что не имеем никаких связей с большевистской Россией и не получаем никакой материальной помощи оттуда... Но мы не отрицаем того факта, что многие наши принципы совпадают с принципами большевистской России. Они разрешили проблему голода масс (буквально: желудка), мы тоже хотим это сделать. Они хотят покончить с войнами, мы тоже этого хотим. Они избавились от экономического неравенства, мы тоже хотим установить общественный строй равенства и справедливости. Они уничтожили у себя империализм, мы тоже питаем такие намерения. Мы убежденно верим, что до тех пор, пока остается существующий порядок вещей, угнетенные рабочие и крестьяне всего мира не перестанут делать усилий, чтобы освободиться от железных обручей рабства». Ответ этот чрезвычайно характерен для всей физиономии журнала.

* * *

Нынешнее забастовочное движение в Индии, помимо того, что оно проходит в решающих центрах под руководством левого крыла, имеет еще ряд особенностей. Эта волна забастовок имеет действительно всеиндийский характер: нет ни одного сколько-нибудь крупного промышленного города, куда бы она не докатилась. Она захватила все важнейшие отрасли производства: хлопчатобумажные фабрики в Бомбее, Шолапуре, Каунпуре; джутовые фабрики в Калькутте, прессовальни джута в Читпуре, металлургические заводы в Калькутте, Джамшедпуре и Рангуне, рудники в Газирбаге, железнодорожные мастерские в Корагпуре и Лиллуа. Она распространилась не только на частные, но и на правительственные и муниципальные предприятия: в Рангуне бастовали металлисты арсенала, в Калькутте и Бомбее—муниципальные рабочие. Забастовочное движение начинает втягивать самые отсталые слои пролетариата—кули, как, например, метельщиков улиц, последние индийские газеты сообщают о стачках на чайных плантациях Ассама. Поднимаются самые забитые, самые угнетенные пласты рабочего класса—плантационные рабы. Забастовки следуют небычайно часто одна за другой. Все упомянутые выше стачки сконцентрированы на промежутке каких-нибудь 4 месяцев. Крупные стачки отличаются редким (даже для Индии, которая знает весьма длительные забастовки) упорством. Начало бомбейской забастовки относится еще к декабрю прошлого года, и ей не видно конца. В Лиллуа железнодорожники бастуют пятый месяц. И это без сбережений у рабочих, без забастовочных фондов у профсоюзов! Бастующие рабочие выказывают большую умелость и величайшую решимость в применении новых методов стачечной стратегии и тактики. Так, например, в Джамшедпуре до последнего локаута в течение 2—3 месяцев шли небольшие забастовки в главных цехах (котельном отделении, доменных печей и т. д.), которые принуждали предпринимателей приостанавливать всю работу на заводе и в то же время выплачивать зарплату большей части рабочих. Железнодорожники Лиллуа устраивают грандиозные шествия по улицам Калькутты и, несмотря на расстрел, которому они уже раз подвергались, проникают в железнодорожные мастерские, где отказываются работать. Они останавливают поезда и агитируют машинистов присоединиться к забастовке. Применение пикетов против штрейкбрехеров в Бомбее поставлено в настоящей забастовке тоже значительно шире и решительнее, чем это имело место в прежние годы. Бастующие рабочие начинают уже выдвигать руководителей из собственной среды: в бомбейском забастовочном комитете много рабочих. Это—факт огромнейшего значения для всего дальнейшего развития рабочего движения в Индии. Наконец, рабочие (и не только бастующие) выказывают удивительную солидарность и единодушие в решении добиться победы. В Лиллуа администрация дороги привезла рабочих-китайцев и гурков для замены бастующих. Привезенные рабочие узнали, в чем дело, и немедленно скрылись из мастерских. Рабочие двух крупных металлургических заводов в соседстве с Лиллуа вначале забастовали в знак солидарности и только потом выставили свои собственные экономические требования. Взятые вместе, все эти черты характеризуют нынешнее забастовочное движение в Индии, как, несомненно, новый

этап в истории борьбы индийского пролетариата. Они показывают, что индийский рабочий класс, освободившись из-под влияния буржуазных националистов, уже начинает стряхивать с себя и гнилой реформизм так называемых «рабочих вождей».

5. Выводы.

За последние годы экономические позиции английского капитала в Индии сильно пошатнулись. В условиях растущего кризиса английского империализма и все более обостряющейся борьбы за рынки английский империализм пытается восстановить свое положение путем нажима—экономического и политического—на наиболее слабого из своих соперников—индийскую буржуазию.

Туземная буржуазия готовится к обороне. С одной стороны, она по всему фронту начинает наступление на условия труда рабочего класса. С другой—она стремится опять захватить в свои руки руководство рабочим и крестьянским движением, чтобы создать себе выгодные условия для торга с английским империализмом.

«Гвоздем» современной политической ситуации в Индии является забастовочное движение индийского пролетариата. Нынешняя стачечная борьба индийского рабочего класса есть нечто большее, чем борьба за пятачок. Она имеет глубокие корни и таит в себе далеко идущие возможности. Нынешняя борьба есть борьба за уничтожение всего маразма азиатчины (кастовых и религиозных предрассудков) [1], всей гнили реформизма—национал-предательского и социал-соглашательского,—свившего себе гнездо в индийских профсоюзах, за классовую самостоятельность классовых организаций рабочего класса. Только с честью пройдя через горнило ожесточенных классовых боев, развертывающихся в Индии в настоящий момент, станут молодые рабоче-крестьянские партии и многочисленные коммунистические группы, разбросанные по всей стране, действительно мощным орудием рабочего класса в его борьбе за гегемонию в национальной революции, за освобождение от гнета английского империализма.

Основное содержание национальной революции в Индии—освобождение страны и аграрный переворот. В 1922 году индийская буржуазия, испугавшись аграрной революции, изменила и делу национального освобождения. Со времени Бардоли туземная буржуазия все дальше и дальше катилась от революционной борьбы в об'ятия английского империализма. Буржуазный национализм разложился. Предав дело национальной революции, национальная буржуазия об'ективно не может больше выступать в качестве ее движущей силы. Это не означает, конечно, что она не претендует на роль руководителя масс. Наоборот, последние события показывают, что она не уступит своего места без боя.

Измена национальной буржуазии поднимает индийскую революцию на высшую ступень—борьбу за демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства. Гегемония в национальной революции неизбежно переходит к рабочему классу. Но право на руководство нужно завоевать. Индийский пролетариат, связанный тысячами нитей с деревней, еще не имеет политического влияния на своего основного союзника—крестьянские массы. Много-

[1]) Два примера. Бастующие текстильщики Бомбея выдвинули, между другими требованиями, требование о приеме в ткацкий цех рабочих без различия касты. Фабриканты пускают на эту работу только рабочих из касты ткачей.—Комитет Халифата (мусульманская организация) собрал порядочную сумму денег для бастующих текстильщиков и предложил бомбейскому забастовочному комитету распределить их среди мусульман. С чувством классового достоинства, невиданного до сих пор в Индии, стачком ответил, что не может делить рабочих по религиозному признаку—и отказался от денег.

миллионное крестьянство еще не поднялось. Об'ективные условия для вовлечения крестьянства в революционное движение имеются. Английский империализм своими ублюдочными аграрными реформами сам подготовляет почву для взрыва.

Мелкая буржуазия до сих пор плетется в хвосте национальной буржуазии. Но последней все труднее становится удержать под своим влиянием широкие массы городской бедноты и пауперизированной интеллигенции, на которую тяжело давит гнет безработицы. Мелкая буржуазия ищет выхода из положения, ищет, в массе своей, революционного выхода, но для того, чтобы она на следующем этапе революции пошла за рабочим классом, нужно, чтобы последний имел идеологически выдержанное и организационно крепкое руководство—нужна сильная коммунистическая партия. Такова расстановка классовых сил в Индии в настоящее время. Такова, как нам кажется, основная задача на данном этапе индийской революции. VI конгресс Коминтерна укажет пути к ее разрешению.

И. Новиков.

Самокритика, борьба с бюрократизмом и растратами, рационализация потребкооперации.

I.

Рассмотрим, на какие конкретные вопросы и вопиющие факты проявления бюрократизма, недостатков и прямых преступлений должна быть направлена самокритика в кооперации и в каких формах следует призвать кооперированные массы на борьбу с этим злом.

Начнем с такого примера. В июне 1928 г. НК РКИ СССР, выполняя директиву второго апрельского пленума ЦКК, обратился с призывом к рабочим, комсомольцам, рабфаковцам, вузовцам, служащим принять участие в работах Рабоче-Крестьянской Инспекции по улучшению советского аппарата и по борьбе с бюрократизмом,—в частности, принять участие в бесплатной общественной работе по разбору жалоб рабочих и крестьян, которыми за последнее время оказалась заваленной РКИ. Этот призыв встретил живой отклик со стороны трудящихся москвичей, которые сотнями уже корпят над разбором жалоб, давая тем самым образец участия масс в работе по искоренению бюрократизма и улучшению госаппарата.

По нашей кооперативной линии весной 1928 г. были обследованы жалобные книги по 527 московским магазинам и столовым, на администрацию которых было подано за 8 мес. 5.500 жалоб. При чем, как отмечает «Комсомольская Правда» в номере от 20 мая,—«четвертая часть всех поданных жалоб остается без всякого ответа. Иначе—1.320 жалобщиков и по сей день ждут ответа на свои жалобы от кооператоров».

Газета далее указывает, что «кооперативные организации не обращают внимания на жалобы потребителей, что они отмахиваются от широких масс. «Жалобная книга» без руководства и наблюдения, вместо борьбы с бюрократизмом, стала прикрывать бюрократические извращения нашего торгующего аппарата».

Этот вывод относится к 527 магазинам, т.-е. меньше, чем одной сотой части общего числа торговых единиц потребкооперации города и деревни, но его с успехом можно распространить на всю сеть, так как, ежели в столице можно «не отвечать» на жалобы потребителя, то тем более этого можно не делать и на местах.

В Майкопском потребобществе Армокруга тоже есть ящик для жалоб, при чем раньше пайщики думали, что ключ от ящика хранится в ревкомиссии и фамилия подавшего тем самым облекается в тайну. Но ревкомиссия вынимала жалобы и отдавала их... приказчику и счетоводу,

на которых они поступали. Те, натурально, жалобы клали в карманы, а пайщикам, «посмевшим» жаловаться, устраивали всяческие пакости.

«Теперь пайщики боятся жалобного ящика, обходят его,—пишет селькор, — потому что жалобы их не устраняют недостатки, а приносят жалобщикам вред».

Но есть ли вообще прок от потребительских жалоб? Центросоюз, его газета и журнал «Смычка» получают в год около 7.000 писем-жалоб от потребителей. О результате писем-жалоб можно судить по следующему примеру: по 300 крестьянским письмам, взятым на выдержку, уволено 35 работников, отдано под суд 44 работника, переизбрано 1 правление, проинструктировано вне плана 1 потребобщество. А если, во-первых, четко организовать возможность подачи жалоб потребителем,—не так, как, напр., в Майкопском ПО, во-вторых, организовать тщательную проверку и доведение до конца каждой жалобы, то одним только этим простым путем мы можем достигнуть громадных результатов по искоренению бюрократизма и устранению из аппарата потребилок всевозможного сорта недостатков и злоупотреблений.

Организовать это дело и постоянно следить за ним должны ревкомиссии и лавочные комиссии, привлекая к этому делу, по примеру РКИ, всякого выразившего желание активиста и рядового пайщика. При таком подходе к делу мы, конечно, «успеем» всем ответить, все жалобы разобрать. У нас не будет тогда московского «пробела», когда четвертая часть жалоб пишется на... ветер.

Отвечать за образцовую постановку приема и разбора жалоб должны ревкомиссии и коопактив и, как возглавляющий ревизионную работу потребилок, инструктор союза.

Затем нам необходимо сосредоточить внимание массовой работы на установлении «равноправия» в обращении с покупателями и в отношении продажи товаров.

Работники прилавка должны быть вежливыми со всеми, не делая предпочтения ни родственникам, ни своим хорошим знакомым, соблюдая строгий порядок очереди в отпуске товаров для всех покупателей.

Активист, видящий лично, как продавцы любезничают с «своим» покупателем, отпускают ему вне очереди за счет другого покупателя, особенно бедняка, батрака—в деревне,—должен сразу же вмешаться, одернуть приказчика, написать жалобу в книгу и т. д.

Еще суровее должна вестись война за равномерный отпуск товаров. Здесь должно быть правило: никаких предпочтений, никаких знакомств, никаких «самоснабжений», но все дефицитные товары должны распределяться с максимальной об'ективностью.

Продавцы и заведующие, уклоняющиеся от требований общественной об'ективности в обращении и товароснабжении различных покупателей, наказываются выговором, порицанием, штрафом, увольнением со службы; весьма полезно устраивать над ними также общественные суды, которые там, где уже проводились (Северный Кавказ, Урал и др.), оказывали положительное воспитательное значение и для продавцов и для покупателей.

Наиболее красноречивая серия фактов, на которые следует обрушить критику и самокритику масс, связывается с растратами и бесхозяйственностью в потребкооперации.

По данным Центросоюза, за 1924—25 год по одной трети первичной учтенной сети было растрат на 5 млн. 323 тыс. рублей, в 1925—26 г., благодаря мобилизации около этого вопроса широкой кооперативной общественности, а также ряду усиливающих наказание для растратчиков мероприятий НКЮ, сумма растрат снизилась до 5 млн. рублей для всей первичной сети. В 1926—27 г., со второй половины которого инструктора, коопактив,

полагая, что, мол, «кампания по борьбе с растратами благополучно закончена», почили на лаврах, недопустимо ослабили свое внимание к этому никогда не снимающемуся с очереди и вечно ударному вопросу, — сумма растрат, хищений, а также недостач, сверх нормы по всей сельской первичной сети достигает 15 млн. рублей. Что касается итогов первой половины 1927—28 г., то они в свою очередь показывают, что сумма растрат в этом году будет больше 15 миллионов рублей.

Следовательно, опыт борьбы с растратами дает такой логический итог: в 1924 — 25 г. растраты начали бить через край, система забила тревогу, мобилизовала инструкторов, коопактив, получила поддержку в органах НКЮ. В результате растраты сократились почти втрое. Начиная со второй половины 1926—27 г., инструктора, правления союзов, коопактив начали считать, что кампания окончилась, ослабили надзор, контроль, ревизии, вообще распустили вожжи—растраты снова увеличились втрое, при чем 1927—28 г. по абсолютной сумме, возможно, учетверит их.

Кто тратит и как тратит?

В Краснопрудском ПО «Пахарь» Псковского округа за последнее время—беспрерывные растраты. Приказчик Кириллов растратил 100 рублей, гр. Богданов—100 руб., приказчик центролавки Смирнов—250 руб., Соловьев—300 руб. Это за 8 месяцев сроку. При чем правление ни одного из растратчиков не отдало под суд. Почему? Потому, что за «самим» пред. правления гр. Поляковым тоже числится растрата в 700 руб., он организовал около себя всех кулаков и, опираясь на них, верховодит делами потребилки.

В Прудковской потребилке Рязанской губ. за последние 4 года сменили за растрату 18 приказчиков. Но,—пишет селькор,—в настоящее время этим же заразилось и правление, за которым числится 1.000 руб. растраты.

В Ново-Екатериновской потребилке, Одесского округа в 1926 г. вошел в правление некий гр. Волощук, проворовался, но, подпоив кого следует, в 1928 г. снова пролез в правление уже предом. «Одевается он с иголочки,—пишет селькор,—и вообще живет на широкую ногу. Пайщики ничего с ним сделать не могут, от потребилки откачнулись, переходят в другую и вообще считают, что, ежели Волощука не уберут, быть кооперативу крышка».

Странно и непонятно: хозяева, а снять с работы и отдать под суд зарвавшегося преда не могут? Где местные организации и союз?

В деревне Свистовке Раньевского района была потребилка, которую в 1926 г. разворовала какая-то темная, торгашеско-спекулянтская публика. С той поры свистовцы затаили вражду к кооперативному движению и окружили необычайным вниманием открывшуюся на месте потребилки частную лавочку. Правда, частник «дерет», но свистовцы упорно не хотят слышать об открытии кооператива:

— Попробовали, хватит. Обойдемся лучше и без потребилки...

В Голынском потребобществе, Смоленской губ., два с половиной года работал приказчиком член правления гр. Романовский, явный кулак. В 1927 г. он арестовывается по подозрению в бандитизме, у него оказывается растрата 400 руб. Общее собрание эту растрату 20 мая 1928 г.... простило, при чем инструктор союза заявил:

— Растрата списана на усушки и на утечки, стало-быть, и говорить об ней поздно?!!

«С легкой руки гр-на Романовского, которому «простили», приказчик Бирюков растратил 723 руб., приказчик Воловин—600 р., приказчик Рогулев—150 руб., роздано на 600 руб. в долг товаров, ко всему этому ограбили кооператив на 2.500 рублей. Потребилка гибнет».

Гибнет и Жерелевская потребилка Спасдеменского уезд. Калужской г., потому что председателя бывший офицер, попал в преды за рюмку водки. Пайщики зажаты в когти растратчиков. Гр. Привалов поныне заведует мануфактурным отделением, хотя растратил несколько сот рублей, гр. Чайкин заведывал винно-гастрономическим отделением, растратил 700 руб., теперь переведен в другое отделение. Гр. Ильюшенков был уволен за растрату в потребилке, но был... принят (?) в сельхозкооперацию».

Есть слух, что растратчики «покрывают» свои растраты тем, что смешивают товары (напр., керосин с водой и т. д.).

Итак, пайщики зажаты в когти растратчиков, союз и участковый инструктор хлопают ушами. Что же, наконец, думают местные организации? А вот что: «Волком ВКП(б),—заканчивает селькор «Крестьянской Газеты», — от потребилки — в 6 верстах, а от масс — за 106 верст., В правлении есть коммунист, но тот бессилен, ибо... сам замешан в растрате».

При Ново-Торьяльском ПО Марийской области имеется товарный склад, который всего на месяц сроку попал в руки некоего гр. Воронцова, который осчастливил потребилку тем, что за этот месяц «прозаведывал» 500 руб. Ревкомиссия вместо того, чтобы отдать растратчика под суд «начала изыскивать способы, как бы скрыть растрату. Нашли выход: в розничной торговле на усушку, да на утечку полагается ¼ %, а ревкомиссия «увеличила» эту норму до 1%».

Правление Лобойковской потребилки Серебряковского потребсоюза, как о том официально свидетельствует «Крестьянская Газета», состоит из председателя гр. Давиденко, интеллигента, пьяницы. Счетовод гр. Гжаров—бывш. деникинский офицер, вернувшийся с Черного моря «гол, как сокол», но, пробравшись в потребилку, сразу же разбогатевший; гр. Ковалев—бывш. белобандит, помогал контрразведке ловить семьи красноармейцев.

К этому «букету» подобралась и вполне «достойная» ревкомиссия: гр. Серпокрылов—кулак, сын церковного старосты, также белобандит; гр. Нечаев—явный бандит, руководил кулацким восстанием, вынес приговор о расстреле 12 красноармейских семей, случайно спасшихся подходом частей Красной армии.

Этот кооператив «работает» только на вышеозначенную братию—и больше ни на кого. Правление Серебряковского потребсоюза держится к нему непонятной линии, позволяя в течение 1½ лет, несмотря на разоблачения, царствовать и править этому букету мошенников.

По сети Арзамасского потребсоюза растраты растут. В Елатемском потребобществе в октябре 1927 г. ревизия обнаружила растраты у приказчиков гр. Борискова—на 434 руб., гр. Слепова—197 руб. плюс у него же недостача товаров—700 руб. в Нарвинковском потребобществе обнаружена подделка счетов, злоумышленное списание тары, а также на «усушки и утечки».

Из Елатемского общества в свое время был запрос от ревкомиссии и коопактива—прислать инструктора для ревизии, но Арзамасский союз три месяца мариновал это отношение, и лишь случайно (?) попавший по другим делам в потребилку инструктор обнаружил указанные растраты.

Сарьевская потребилка Вязниковского у. Владим. губ. работает из рук вон плохо. Почему? Потому, что пред. гр. Шаров мало обращает внимания на дела потребилки, а больше пьянствует.

Напр., на «покров» 1925 г., желая «совместить» поповский праздник и годовщину Октябрьской революции, он созвал гостей и на казенный счет устроил пьянку во-всю: «аж дым коромыслом стоял»,—свидетельствует селькор.

Такую же кооперативную попойку в день «покрова» устроил «актив» Кр.-Ясыльского потребобщества, Кунгурского округа, Уральской области. Собрались правление, ревкомиссия, счетовод и группа приближенных к ним пайщиков-кулаков. Это веселье было прервано, правда, милиционером, «накрывшим» кампанию в самом разгаре...

С.-Ивановское потребобщество устроило «смычку» с местным торгашем гр. Чудаковым по покупке у него сахара-рафинада, при чем в союзе сахар стоил 12 р., а Чудакову платили по 20 руб. пуд. За означенное содействие Чудаков поил водкой преда гр. Яцкова и члена правления гр. Петрова.

«Гуляли они, обычно, целыми ночами,—пишет селькор.—В лавку являлись через 1—2 дня с разбитыми физиономиями...

Пред. С. Степной потребилки, Бийского уезда, носящей неподходящее для нижеизложенного факта название «Путь Ленина», закупает железо, отдает его в кузницу для выделки... самогонных аппаратов, которыми снабжает своих «друзей».

Пред. Калининской потребилки, Юрьев-Польского уезда Владим. г. в пьяном виде приходит по ночам в потребилку, очень свободно прогоняет сторожа, отпирает лавку, забирает сколько нужно вина и уходит продолжать попойку.

Пред. Николаевской потребилки, Терского округа, гр. Хордик, поехал весной 1928 г. в Грозный с 5 подводами за товаром, но вернулся оттуда через несколько дней пьяным и с пустыми подводами. В общем хозяйничанье гр. Хордик уже «стоит» потребилке 700 р. растраты.

Ревкомиссия пишет о его действиях заявление, отсылает в Райсоюз, гр. Хордик в то же время «снимает» за это с работы ревкомиссию, угрожая им:

— А-а... критику да самокритику разводить вздумали. Я вам покажу, как мой авторитет подрывать!!!

Было созвано общее собрание. Пайщики стали требовать от преда отчета: куда он «дел» ревкомиссию, на что этот кооперативный «держиморда» или, мягко выражаясь, лакированный кооператор, дал следующий лаконический ответ:

— Дело это вас, уважаемые граждане, не касается. Все недовольные моим распоряжением могут... покинуть собрание.

Вместо того, чтобы, к примеру, подкинуть преда в ДОПР, наоборот, хозяевам потребилки предлагается... покинуть собрание и не совать носа в его, преда, личные хе-хе-дела...

25 апреля 1928 г. собралось 1.500 пайщиков слушать годовой отчет Тихорецкого потребобщества. Работа правления была признана вполне удовлетворительной, пайщики начали требовать его оставления. Однако, против этого восстал секретарь Тихорецкой парт'ячейки, который не взлюбил преда потребилки гр. Крылова за то, что тот, будучи сам членом партии, на собрании ячейки сказал, что «тихорецкие партийцы далеко не все состоят членами кооперации».

Долго боролось собрание против... одного секретаря ячейки. Наконец, тот встал и заявил:

— Идите или за гр. Крыловым, или за коммунистической партией...

«После такой постановки вопроса никто не посмел,—пишет селькор,—пойти против предложения секретаря ячейки»...

Выражаем уверенность, что гр. Хордик в Николаевской потребилке командовал и издевался над пайщиками потому, что местная парт'ячейка либо ему сочувствовала, либо просто... спала. В свою очередь, секретарь Тихорецкой парт'ячейки хотя и «напугал» пайщиков тем, что они идут против коммунистической партии, сам-то, однако, и от партии, и от заветов Ильича о кооперации находится... за миллион верст.

Казачье-Каменская потребилка Рыльского у., в правление которой вошли «передовые» люди деревни—бывший нарсудья гр. Плотников и демобилизованный красноармеец гр. Линивкин, означенными гражданами была растащена и разграблена. Они пьянствовали до упада, вовлекли в это дело «не твердую» ревкомиссию, счетовод на деньги потребилки спекулировал лошадьми на Украине и т. д.

Во время ревизии потребилки была обнаружена растрата 1.200 руб., но когда правленцы узнали, что их отдают под суд, они нашли способы сократить растрату (покрыли деньгами) до 460 руб. Судиться с растратчиками собрание выделило двух уполномоченных, однако, нарсудья 2-го участка Рыльского уезда «не признал» этих уполномоченных законными истцами и на этом основании прекратил дело.

Мы же, грешным делом, думаем, что замялось и прекратилось оно по старому знакомству судьи с «бывим» судьей...

Ревизионная комиссия Гагинской потребилки Сергачского уезда внешне работала хорошо, пайщики радовались:

— Наша ничего не упустит.

Но нагрянула инструкторская ревизия и обнаружила растрату у заведующего столовой-пивной гр. Соколова 900 руб., у преда... ревкомиссии оказалось набранным вперед по пивной на 150 руб. — при получаемом им 35-рублевом жаловании это — чуть ли не за полгода вперед.

Кипарисовская потребилка Владивостокского округа начала «чахнуть» вскоре по организации, т.-е. с 1924 года. Общее собрание пайщиков в 1927 г. обнаружило и причину: недостает товаров на 385 руб., роздано в долг—на 1.800 руб. Растратчики и раздаватели товаров отданы под суд.

Общество зачахло совершенно, а его приказчик Таманов потихоньку построил себе приличный домик...

II.

О борьбе с растратами в кооперации написано много книжек; многие товарищи ломают головы над изысканием наиболее реальных мер борьбы с этим злом.

Например, солидный областной кооперативный ленинградский журнал «Кооперативное Строительство» в номере 11 (май 1928 г.) соглашается, что да, действительно, кооперативные растраты растут и по Северо-Западной области, но почему? Слушайте:

«Большую роль в развитии растрат играет... чрезвычайно низкая зарплата, получаемая низовыми работниками. В 1925—26 году средне-месячная зарплата, получаемая работниками сельпо, равнялась 25 руб., в 1926—27 г.—30 руб., и в 1927—28 г.—32 руб. Если учесть, что в состав сельской сети входит и ряд крупных обществ, зарплата в которых не отстает от города, а также, что в числе работников, по которому вычисляется средняя, есть более или менее высокооплачиваемые служащие, то можно сделать вывод, что большинство торговых служащих-продавцов оплачивается по чрезвычайно низкой ставке в 15—20 руб. в месяц. Если такой продавец не имеет подсобного заработка в виде сельского хозяйства или чего-либо другого, то, не воруя, прожить ему трудно»...

Товарищ, написавший статью, и редакция журнала, ее печатающая, не сказали здесь главного: это—то, что они совершенно не знают деревенской жизни. Как бы мало ни получал счетовод, член правления, приказчик любой потребилки любого района, он в любом селе и в любом районе является богачом по своему материальному достатку против бедняцко-середняцкой массы крестьянства, а нередко живет лучше зажиточных, крепких крестьян и «кулаков». Кроме того, не менее 80 проц. наших сельских правленцев, приказчиков и даже счетоводов являются коренными жителями деревни, у которых или отцы, или братья, от которых и с которыми они не разделились, ведут крестьянское хозяйство. Самое меньшее, каждый из них имеет домик, огородик, пасеку и проч., что далеко не превращает таких работников в чистых пролетариев, вынужденных оплачивать наличными все: хлеб, квартиру, услуги. Следовательно, 20—25—30 рублей месячного заработка являются здесь в том или ином размере подсобным доходом, а не единственным источником прокормления.

Второе положение: мы привели два десятка фактов, собранных по различным губерниям. Мы их не подтасовывали, а брали на выдержку, как типичные. О чем они говорят? О том, что в Псковском округе имеются потребилки, в которых приказчики в той или иной форме растрачивают по 100—300 руб., потому что и «сам» предправления растратил 700 рублей. В Рязанской губернии за 4 года потребилка сменяет 18 приказчиков (все они, очевидно, сидели голодными, как доказывают ленинградские товарищи), там же правление растрачивает 1.000 руб. В Одесском округе гр. Волощук пролезает в правление путем подпаивания, тратит общественные денежки, одевается на них с иголочки, шикует. В Смоленской губернии потребилку доят кулаки и бандиты. В Калужской губ. потребилка в руках офицеров, церковных старост, кулаков, которые тратят сотни и тысячи рублей, устраивая себе,—извините, ленинградцы,—привольное житье, разлагая тем самым окружающее население. В Марийской области «бедный» гр. Волощук не успел добраться до кооперативного склада, как сразу «хапнул» себе на «прокормление» 500 руб. В потребилке серебряковского потребсоюза деникинский офицер гр. Гжаров был «гол, как сокол», а добравшись до потребилки сразу разбогател. Во Владимирской губ., Уральской обл., в Бийском уезде, в Терском округе потребилки гибнут от «пьяных» растрат и т. д. и т. д.

Во всех этих случаях нет и намека на «бедность», зато имеется громадная доля хищничества, наглости, бюрократизма, издевательства над кооперативной массой, стремление пролезть, взять в руки, сосать потребилку, как дойную корову.

Или такой пример: кооперативный актив, в подавляющей своей массе состоящий далеко не из «богатых» товарищей, а из тех же бедняков и середняков, в лице лавкомиссий, секций, оргпросветкомиссий, кооорганизаторов, на основе решений XV партс'езда призывается к широкой, порой хлопотливой, но, как правило, бесплатной общественной работе в кооперации. И мы видим, что уже формируется громадная армия активистов, которая со всей преданностью и самоотверженностью советских граждан ведет работу по налаживанию и укреплению кооперативного хозяйства.

И рядом с ними приказчики, счетоводы, правленцы стоят у руля кооперации и, видите ли, никак не могут прожить без воровства и злоупотреблений только потому, что они мало получают жалованья.

Поэтому мы утверждаем, что большинство кооперативных растрат происходит исключительно по той причине, что граждане и товарищи, будучи избраны или приняты на службу в кооперацию, начинают, во-первых, смотреть на нее, как на «свою» организацию, во-вторых,

сразу же желают жить, питаться, одеваться, проводить время неизмеримо лучше и веселее, чем избравшая их и доверившая им потребилки рядовая членская масса.

А это-то и является тем самым главным пунктом, на который должна быть направлена критика и самокритика кооперативных масс. Именно ко всем изложенным фактам и выводам как нельзя лучше применимы слова В. И. Ленина:

«У нас нет деловой, беспощадной, истинно-революционной войны с конкретными носителями зла. У нас мало воспитания масс на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни».

Или слова из речи тов. Сталина:

«Я думаю, товарищи, что самокритика нужна нам, как воздух, как вода. Я думаю, без нее, без самокритики, наша партия не могла бы двигаться вперед, она не могла бы вскрывать наших язв, она не могла бы ликвидировать наши недостатки. А недостатков у нас много. Это надо признать открыто и честно».

Мы отнюдь не хотим свести вопрос о кооперативных растратах, злоупотреблениях, бюрократизме к категории лиц, для которых кооперативные идеи с ленинским планом и вся кооперативная работа есть нечто враждебное, вредное. Не они, конечно, выброшенные за борт революцией торговцы, скупщики, ростовщики, трактирщики, белогвардейцы, волостные писаря могут разлагать и разлагают кооперацию.

Много зла происходит из-за неумения работать и вообще деловым образом поставить практическую хозяйственную работу кооператива.

Сюда относятся: неудачные закупки товаров, которые приходится потом понижать в цене и терпеть от этого убытки, отсутствие твердого внутреннего распорядка во взаимоотношениях с ответственными приказчиками и вообще служащими, отсутствие твердо установленных норм скидки на усушки и утечки, неосмотрительный отпуск в кредит товаров членам и посторонним гражданам, иногда «по хорошему знакомству», «по соседству», в результате чего добрая половина такой «дебиторской» («соседской») задолженности списывается на убыток, порча товаров от неумелого с ними обращения, увлечение пожертвованиями и выдача ссуд товарами и деньгами различным учреждениям и отдельным советским и партийным работникам, выдача авансов в счет жалования правлениям и служащим, неаккуратная отчетность по этим авансам, неудовлетворительно оборудованные и не содержащиеся в должной чистоте торговые помещения и т. д., работа без плана, собственнические, «начальственные» настроения.

Но эта категория недочетов кооперативной работы не может быть названа злоупотреблениями, так как чаще всего никакого злого умысла и вышеуказанной сознательной уголовщины в этих фактах нет. Это—кооперативная бесхозяйственность и общественная безответственность, большею частью происходящая из-за несознательного отношения к кооперативной работе и обязанностям, возлагаемым на каждого выборного и наемного работника кооперации.

Итак, основная беда—в недостатке опытных и преданных кооперативному делу людей. Партийные органы, кооперативная масса, только потому, скрепя сердце, и выдвигают на работу в потребилки бывших «торговых» людей, что еще не имеют возможности во всех случаях опереться на наших, молодых, советских кооператоров, основной грех которых обычно заключается в неумении работать. Но стрелы самокритики, все давление кооперированных масс должны быть в равной степени направлены на первую, полуспекулятивную,

полууголовную, публику, которую мы (а иногда—просто кулачье или подпоенная беднота) хотя и продолжаем выдвигать и терпеть в кооперации, но обязаны окружить ее железным кольцом коопактива, следить за каждым ее шагом, в каждом отдельном случае вести с нею беспощадную борьбу, не прощая, не милуя, а взыскивая до копеечки суммы причиненного кооперативу ущерба.

Что больше всего поражает при обнаружении фактов бюрократизма, растрат, бесхозяйственности,—это беспомощность пайщиков, неповоротливость коопактива.

Гр. Волощук грабит Ново-Екатериновскую потребилку, одевается с иголочки, а пайщики «ничего не могут с ним сделать». В Краснопрудской потребилке проворовались четыре приказчика, и пред. правления, сам растративший 700 руб., «не хочет ни их, ни себя отдавать под суд». Пайщики опять бессильны. В Лобойковской потребилке пьяницы, белогвардейцы и кулаки с таким же «составом» ревкомиссии пропивают потребилку,—пайщики молчат. Пред. Николаевской потребилки, пьяница и растратчик, предлагает собравшимся поговорить о его «поведении», пайщикам—покинуть зал собрания и т. д. и т. д.

Мы спрашиваем: где в это время были лавкомиссии, оргпросветкомиссии, коопорганизаторы, группы и собрания бедноты (для того, чтобы разогнать пьяную банду можно созвать хотя несколько собраний бедноты), где участковый инструктор потребсоюза, где, наконец, местные партийные и комсомольские организации?

Очевидно, или их не было вовсе, или они смотрели сквозь пальцы, или они чувствовали свое бессилие и «боялись» вмешаться в творимые преступления. Все они, очевидно, не вели «деловой, беспощадной, истинно-революционной войны с конкретными носителями зла», о чем нам завещал В. И. Ленин.

Вот почему, говоря о формах самокритики, борьбы с бюрократизмом и преступлениями, мы заявляем: нам в кооперации нужна самокритика, бьющая одним концом по аппарату, другим концом—по самим пайщикам, указывая, какие непростительные преступления, промахи, издевательства бюрократов, пьяниц и растратчиков происходят только из-за того, что массы и коопактив не проявляют должной активности в контроле за работой и поведением избранных ими правленцев.

Далее, нам необходима такая самокритика, которая не только направлялась бы по «начальству», а била бы в цель. Напр., ревкомиссии выставляются нами органами, которые должны организовать самокритику, привлечь к этому делу кооперированные массы. Но если попадаются ревкомиссии, которые начинают дуть с пьяными правлениями в одну дудку, тогда с ними нечего церемониться, а быстро и решительно, через их голову, должен действовать остальной коопактив и рядовая пайщицкая масса.

Мы утверждаем, что если каждый месяц около каждой потребилки будут созываться собрания актива и группы бедноты, будут регулярно созываться квартальные или полугодовые собрания пайщиков и собрания бедноты, если на большинстве этих собраний будет присутствовать инструктор, если местные организации, строго выполняя постановления XIV партконференции, перестанут навязывать пайщикам неугодных кандидатов, наоборот,—снимать с работы угодных, как это имело место в Тихорецкой потребилке, кроме того, если участковый или районный инструктор союза сумеет сосредоточить больше делового внимания местных партийных органов на работе кооперации, когда сметы доходов и расходов и планы работ потребилок будут проверяться ревкомиссией и на собраниях актива,—если все это и многое другое не на словах, а на деле начнет проводиться, выполняться, каждым инструктором

каждодневно поддерживаться и насаждаться,—тогда мы сможем смело сказать, что, во-первых, мы в потребкооперации организовали деловую самокритику и борьбу с бюрократизмом, во-вторых, не только не приостановим, но начнем серьезно снижать суммы растрат, хищений, убытков от бесхозяйственности, на деле приступим к искоренению бюрократизма, издевательства, попрания прав пайщиков.

Полагаем также, что во всей этой работе комсомол, как легкая кавалерия, женщины, как более активная и бескорыстная сила, должны быть впереди, служить примером.

Общий ответ потребсоюзов, запрашиваемых в 1927—28 г. о причинах роста растрат, таков: растраты растут из-за ослабления инструкторской ревизии. Поверим этому определению. Однако, что из него следует? То, что, оказывается, растратчиков и растраты могут накрывать, пресекать, вскрывать главным образом приезжающие и уезжающие в каждую потребилку инструктора, но не местный коопактив и кооперативная масса. Вывод, говорящий далеко не в пользу кооперативной общественности, кроме того, вывод получиновничий, казенный: ибо, если каждая растрата будет ждать приезда инструктора, чтобы он ее раскрыл и преподнес, так сказать, во всей красоте ее преступности в готовом виде на блюде пайщикам и активу,—то кооперативная система не скоро покончит с растратами.

Наоборот, призывая актив и массы всякий раз смотреть в оба за работой своей потребилки, мы говорим: каждый инструктор первым отвечает за растраты по его сети перед правлением союза. На местах за растраты отвечают первыми ревкомиссия, актив, вся масса пайщиков и во вторую очередь—инструктор.

И если, например, в 1927—28 году инструктора «отвлеклись» на проведение важнейших государственных кампаний и не сумели сделать положенное число ревизий, то из этого факта вытекает следующее: во-первых, такое «отвлечение» инструкторов,—далеко, ведь, не на «постороннее» для потребкооперации дело,—возможно и в будущем, во-вторых, чем меньше по об'ективным причинам инструктор уделяет внимания данной потребилке, тем бо́льшую бдительность, внимание, неослабный контроль должен проявлять группирующийся около нее кооператив и вся пайщицкая масса.

Два слова о роли инструктора в борьбе с растратами. В апреле 1928 года на с'езде уполномоченных Белгородского райпотребсоюза демонстрировался факт, как инструктор этого союза продержал в портфеле два месяца без всякого движения акт о растрате в 2.000 рублей, который он был обязан немедленно передать в суд.

Весной 1927 года инструктор Курского райсоюза, ревизуя Долговское ПО «Свобода», способствовал скрытию крупной растраты, что было обнаружено лишь вторым инструктором, при чем первый за означенное деяние пошел под суд.

Мы полагаем, что это—вопиющие факты. Они не должны иметь места в нашей практике. В борьбе с растратами инструктор должен быть четок, честен, непримирим. Гибелью для строительства кооперации и общественности являются факты, когда население перестает доверять инструктору. Инструкторский престиж должен стоять высоко. Инструктор—такой же инспектор РКИ, который для своих работников не допускает никаких компромиссов, отступлений от общественного долга.

III.

Самокритика, борьба с бюрократизмом, растратами, бесхозяйственностью,—все это в конечном счете должно приводить кооперативную систему

к всесторонней рационализации всех звеньев и всех сторон и областей ее работы.

В мае тек. года НК РКИ приступил к проверке выполнения государственными и кооперативными учреждениями директивы о сокращении 20 проц. адм.-управл. расходов, при чем, не имея возможности послать в каждое хозяйственное и кооперативное учреждение своих инспекторов, РКИ обратилась с особым письмом к ячейкам и завкомам, производственным комиссиям и совещаниям, к коопактиву организовать собственными силами проверку этой работы в своих учреждениях.

Это—в высшей степени своевременное предложение. Полагаем, что напр., инструктора кооперации тоже могли бы обратиться с таким предложением к коопактиву городских, рабочих и сельских потребилок. Он, коопактив, должен быть так воспитан инструктором, чтобы всякий раз точно знал, как выполняются аппаратом потребилок директивы по рационализации аппарата, какие имеются отклонения, нарушения, невыполнения и кто в них виноват.

Держа в руках приходо-расходную смету потребилки, коопактив будет выполнять одно из главных условий рационализации—именно экономного, добросовестного ведения хозяйства.

В свою очередь Наркомторг РСФСР в июне с. г. указал, что за всей работой товаропроводящей сети должен быть установлен широкий общественный контроль.

«Кооперативные организации,—говорится в директиве НКТ,—должны усилить активность ревизионных комиссий, изучить опыт их работы, привлечь членов комиссий к рассмотрению жалоб на недочеты торговли. Планы работ ревизионных и лавочных комиссий должны быть согласованы. Перед местными торгующими организациями необходимо поставить вопрос о расширении сети лавочных комиссий и о постоянном учете их работы».

Вторым после смет и расходов важнейшим пунктом рационализации является вопрос о торговых и складочных помещениях и упрощении методов торговой техники. Мы уже указывали, что торговая сеть частника свертывается быстрее плановых предположений. Никто об этом,—и меньше всего кооператоры,—не тужит, но открывать на месте закрытой частной лавки лавку, ларек, палатку кооперации мы обязаны. Кроме этого, и, так-сказать, капитальная-то лавочная сеть потребкооперации, во-первых, никогда не была образцовой, во-вторых, за прошедшие за время нэпа годы поизносилась. Отсюда—без крупных затрат на лавочное строительство, т.-е. без постройки новых, капитального подновления старых лавок и магазинов, мы никакой рационализации в существующее положение с торговлей не внесем.

Как быть здесь и можно ли установить какую-либо связь между массовой работой и строительством торговой сети? Полагаем, что можно. Во-первых, строительство в городах, как это показали неоднократные обследования РКИ, многие лица и учреждения ухитрялись вгонять в такую копеечку, что волосы дыбом становились, а воздвигнутые постройки все-же... никуда не годились. То же самое может получиться и в кооперации. Поэтому, не кто иной, как опять коопактив должен взять в свои руки все сметы по строительству и ремонту торговых помещений, требуя доклада о них на общих собраниях актива, вникая в каждую графу расхода, внося поправки, предложения, беспощадно критикуя и разоблачая всякие подтасовки, скрытые взятки, проверяя добросовестность подрядчиков, заставляя правленцев «семь раз примерять и один—отрезать», и т. д.

Во-вторых, около лавочного строительства должно быть мобилизовано мнение широких кооперативных масс в отношении сбора на самодеятельных началах средств на это строительство внутри самого населения.

Известно, что десятки тысяч церквей на нашей «святой Руси» возникли и построились на добровольные подаяния верующих. Значит, когда верили в бога, хотели иметь церковку, да еще хорошую, «лучше, чем в ивановском-то приходе»,—тогда сыпали медные гроши на поповскую тарелку и...

— ... Так из лепты трудовой,
Вырастали храмы божии
По лицу земли родной... (Некрасов).

Может показаться «революционной», но, конечно, неизмеримо ближе для интересов пайщика такая постановка вопроса: хотите, чтобы лавка была чистая, да просторная, да светлая, с книжной полкой, с скамейкой, на которой покупатель мог бы отдохнуть,—так вносите на это, например, долгосрочные, на 1—2 года вклады. Чудно и не привычно? Ничего, привыкаем же к тому, что столетиями освещенные храмы превращаются в клубы, избы-читальни, народные дома. Так почему же удивляться, что культурная кооперативная торговля, которую русское крестьянство не видело никогда, начинает некоторым образом занимать место катящихся под откос церквей, монастырей и храмов?

Практический результат здесь для каждой потребилки может быть громадный. При 1½—2 тыс. пайщиков таких вкладов,—на которые будут платиться проценты и которые не жертвуются, а лишь ссужаются в долг на полезное для самих же пайщиков дело,—потребилка может собрать 4—5 тысяч рублей, из прибылей отчислить толику, из центрального фонда на лавочное строительство получит небольшую часть,—вот уже и есть полная возможность выстроить прекрасные одну — две лавки, контору, двор для приезжающих, комнату для уголка и др.

Затем, рационализация предполагает плановое выявление потребностей пайщиков и плановое же покрытие таковых. Отсюда же проблема выявления потребительского спроса и организация предварительных заказов потребителей на товары есть, с одной стороны, плановая, с другой стороны—проблема рационализации торговли.

Это дело налаживается у нас плохо, хотя директивы XV партс'езда прямо возлагают эту обязанность на потребкооперацию. Дело организации, напр., предварительных заказов не столько трудное, сколько новое и в силу этой новизны для населения непривычное. Обыватель, торговец, кулак, зажиточный крестьянин и теперь еще продолжают бурчать под нос, а нередко высказывают эту мысль и при народе, внедряют соседям, о том, что «раньше-то разве так торговали», «раньше все было, а теперь кругом недостаток в нужных товарах» и т. д. Заканчиваются обычно эти разговоры тем, что «раньше купцы да фабриканты работали, они умели, а вот, кооперация не справляется»...

Мы подчеркиваем, что такие разговоры ведутся преимущественно в деревне, при чем определенной категорией антисоветских лиц, и рассчитаны на отсталость крестьянской массы. Большого вреда они не приносят, но обязывают нас резче и выпуклее ставить перед кооперированной массой новые принципы, новые порядки в ведении советской торговли, которая мыслится нами в форме планового распределения между трудящимися по плану же заказанных и изготовленных промышленностью товаров.

Эта истина нами еще не популяризировалась и не внедрялась в сознание трудовых масс потребителей. Совокупность мероприятий массовой работы потребкооперации еще не была напра-

влена на раз'яснение, что на ряду с редко практиковавшейся «прежде» хорошей торговлей, она, свободная купецкая торговля, целиком строилась на правиле: «не обманешь — не продашь», на всучивании неопытному покупателю всякой ненужной дряни, брака, заведомо порченого товара. А сравнивая старое с новым, необходимо быть об'ективным и широко разоблачать указанные «прелести» кулацкой торговли, раз'ясняя массам, что советская торговля, наоборот, имеет быть, при прямой поддержке масс, построена так, чтобы путем предварительных заказов дать потребителю только нужный и доброкачественный товар.

Когда заводишь с инструктопами разговор на тему об организации предварительных заказов, обычен ответ:

— Какие могут быть заказы, когда на рынке недостает мануфактуры, кожи, железа? Разве в период бестоварья можно иметь успех у населения с предварительными заказами? Вот когда промышленность заработает как следует, тогда другое дело...

Такая точка зрения нам непонятна. Значит, когда товаров много, тогда организовывать на них заказы можно и целесообразно, когда их мало — работа становится неинтересной. Явная чепуха. Именно в условиях товарного голода система предварительных заказов становится особенно необходимой, так как является наиболее актуальным средством равномерного распределения между потребителями недостаточных товаров.

Формы для начала этой важнейшей работы могут быть разные. Мы рекомендуем,—что уже проверено опытом ряда губерний,—проведение особых дней, недель или месячников «выявления потребительского спроса» по районам отделеньных потребилок. Актив обходит крестьянские хаты, записывает заявки семьей, которые потом суммируются в правлении.

В каждом отделении, магазине, лавке должны быть особые книги, на ряду с жалобными, в которые пайщики записывают необходимые им товары и предметы, в данное время не имеющиеся в продаже. Эти книги просматриваются правлением и продавцами 1—2 раза в неделю, но обязательно перед каждой поездкой за товаром или отправкой заказа на товар.

На каждом собрании актива, квартальном, полугодовом, годовом собрании пайщиков, групп и собраний бедноты, необходимо ставить информационные сообщения на тему (примерно) «наш ассортимент и наши заявки».

Приступая к составлению торгового плана, правление и актив путем указанных и других форм обязательно учитывают требования пайщиков.

Все это постепенно будет приучать пайщика-потребителя к тому, что обеспечить себя в срок нужным, хорошего качества товаром можно, лишь заранее сделав на него заявку, лучше всего к тому же подкрепленную денежным авансом. А это как раз то, что необходимо нам наладить на первое время для практического разрешения вопроса о предварительных заказах.

В заключение о ценах.

Контроль масс за ценами также не будет снят с очереди в течение ряда лет. Систематическая организация лавкомиссиями и другими органами коопактива контрольных закупок, проверка норм наценок и расходов с фактическими, требование вывешивания в каждом торговом предприятии подробного прейскуранта цен,—эти вопросы должны постоянно включаться в планы работ коопактива.

Инструктор, в свою очередь, должен следить за этой работой, освещая сам и предлагая правлениям подробно раз'яснять пайщикам на квартальных собраниях политику цен для каждого данного момента.

А. Ротштейн.

Полевение рабочих масс Англии и положение рабочей партии на выборах.

1. Рабочая партия на выборах в 1927—28 гг.

В ходе дискуссии о новом политическом курсе английской компартии не раз делались ссылки на опубликованный нами в январском номере «Labour Monthly» подсчет голосов, поданных на ноябрьских муниципальных выборах в 10 главных промышленных центрах. Этот подсчет дает следующую картину [1]):

Города	Консерваторы			Либералы			Рабочая партия		
	Число голосов								
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Глазго	117.233	88.404	121.503	—	—	—	110.429	108.286	104.941
Манчестер и Сальфорд	77.817	59.907	71.498	23.543	22.374	32.727	77.768	78.329	61.420
Бирмингам	69.181	56.856	85.923	2.924	7.070	3.004	48.576	68.013	71.307
Ливерпуль	59.167	49.472	56.208	7.905	3.578	9.627	48.153	53.630	63.909
Шеффильд	34.919	41.536	50.166	—	—	—	35.719	65.718	51.692
Лидс	26.120	38.630	45.907	23.969	18.584	23.035	39.633	54.987	47.699
Эдинбург	38.552	29.914	53.626	—	—	—	25.872	31.318	37.372
Бристоль	47.046	38.992	45.374	—	—	—	36.983	36.726	38.662
Брэдфорд	23.985	15.704	26.333	23.700	28.618	20.638	33.655	42.431	43.194
Ньюкестль	18.761	24.629	11.747	—	—	—	14.669	22.306	15.001
	512.781	444.044	568.285	82.041	80.224	89.031	471.457	561.744	535.197

Приведенные цифры показывают, что тогда как в 1926 г. (в последний месяц забастовки углекопов) рабочая партия получила больше голосов, чем либералы и консерваторы вместе, в 1927 г. за одних консерваторов было подано больше голосов, чем за рабочую партию. Количество голосов, поданных за буржуазные партии, поднялось, поданных за рабочую партию упало. То же самое наблюдалось и во многих других промышленных округах, а также на дополнительных парламентских выборах в 1927 г. В последнем отношении особенно показателен пример Соутверна, где количество голосов, отданных рабочей партии, упало с 8.115 в 1924 г. до 6.167 в 1927 г., а количество голосов, собранных обеими буржуазными партиями, поднялось за это же время с 10.390 до 10.539, при чем либералы увеличили число своих голосов на 250. И даже в Брикстоне, где консерваторы получили в 1927 г. 10.358 голосов против 15.755 в 1924 г., число голосов, поданных за либералов, увеличилось от 4.871 до 5.134, а поданных за рабочую партию уменьшилось от 7.210 до 6.032.

В январском номере «Labour Monthly» из этих цифр был извлечен следующий урок: «Разумеется, даже проводимая лидерами политика после-

---

[1]) Когда выступал только один буржуазный кандидат, мы причисляли его к консерваторам; беспартийные кандидаты, не бывшие явными тори, не приняты во внимание.

доватëльного классового сотрудничества не может, по крайней мере на первых порах, преодолеть об'ективную ситуацию упадочного английского капитализма, толкающую английских рабочих влево прямым нажимом на их семейный очаг и детей, на их элементарные права и свободы. Десятки, может быть, даже сотни тысяч рабочих, впервые пробужденные к политической жизни этим нажимом, без сомнения, голосуют и будут голосовать за рабочую партию, совершенно не входя в разбор ее политики. Знаменательно, что прирост голосов, поданных за рабочую партию на дополнительных выборах 1927 г., приходится на менее промышленные избирательные округа, каковы Маркет Босуорт (прирост в 2.500 гол.) и Соутенд (прирост в 1.300 гол.).

«Однако, настоящей пробой пролетарской партии служит ее способность овладевать прежде всего политически наиболее развитыми рабочими; и вот как раз пример Брикстона и Соутворка весьма точно и обстоятельно доказывает, что наиболее активные рабочие разочаровались в политике рабочей партии и что их уже нельзя было увлечь на работу за кандидатов этой партии с такою легкостью, как прежде. На выборах в буржуазные парламенты с их территориально обширными избирательными округами работа члена избирательной комиссии, собирателя голосов, разносчика листовок, предвыборного агитатора имеет огромное значение. Эту работу обычно выполняют наиболее преданные, энергичные и боевые элементы из местных партийных кругов. И вот как раз эти-то рабочие не только отвернулись от партии из-за ее политики классового сотрудничества, но во многих случаях (по крайней мере в тех двух, о которых мы сейчас говорим, в Брикстоне и Соутворке) были фактически устранены от предвыборной работы местными реформистскими функционерами.

«Поэтому, когда мы говорим, что политика классового сотрудничества и решения Ливерпульского с'езда рабочей партии от 1925 г. стремятся вытравить из рабочей партии ее пролетарскую душу, то это не просто словесный оборот. Фактически происходит именно вытравливание основного ядра активных рабочих, которые должны быть мозгом, мускулами, нервами и душой всякой политической организации рабочего класса».

Прекрасной иллюстрацией сказанного может служить письмо одного рабочего, опубликованное в «Workers Life» от 16 декабря. Оно лишний раз подтверждает правильность нашего заключения, что разочарование охватывает именно активное меньшинство рабочего класса—живую душу рабочего движения. Вот текст письма: «Тактика, усвоенная функционерами и реакционными членами Скьюэнского отдела рабочей партии согласно инструкциям из Экклcтон-Сквера (улицы, где помещается исполком рабочей партии), раскалывает рабочее движение в этом районе сверху донизу.

Среди членов рабочей партии здесь есть два коммуниста, которых поддерживает неорганизованная группа левых, твердо стоящих за признание коммунистов. Партийные чиновники сделали все на свете, чтобы устранить нас, но все их усилия пропали даром. Что же получилось? Видя, что организация все больше откликается на призыв коммунистов, партийные чиновники закрыли двери рабочей партии. За последние пять месяцев не было ни одного собрания: никакое давление не помогает; многие рабочие впадают в апатию; движение замерло совершенно».

2. Кто разочаровывается в рабочей партии.

Из сообщенных фактов и цифр не следует, однако, что мы присутствуем при общем массовом отходе от рабочей партии, или что такой отход произойдет в ближайшем будущем, как иногда утверждали в наших партийных спорах. Так, в № 3—4 «Большевика» (стр. 79—81) тов. Мерфи говорит об «охваченных разочарованием массах рабочей партии», которые

необходимо «оторвать от политического руководства рабочей партии, ибо иначе все их протесты пропадут даром».

Здесь дело изображается так, будто могучая волна негодования уносит массы прочь от рабочей партии и будто массы охвачены ожиданием, что из рядов нашей партии выйдет новое руководство. А о нашей партии говорится, что она «плетется в хвосте наиболее отсталых рабочих» и добровольно отказывается использовать превосходную обстановку.

Статья тов. Мерфи была написана уже давно, до того как ЦК нашей партии и вся партия в целом обсудили резолюцию пленума о тактике английской партии и почти единогласно одобрили ее.

Долго можно было бы говорить о преувеличениях в этой статье тов. Мерфи (например: «Полное подчинение нашей независимости избирательным перспективам рабочей партии и совершенно формальный подход ко всему вопросу о политической борьбе. Это проходит через всю деятельность нашей партии»). Но не в преувеличениях тов. Мерфи суть дела.

Важно то, как оценивается отношение масс к рабочей партии. Ибо именно эта оценка, якобы основанная на приведенных выше цифровых данных, повлекла за собой—я не говорю: у тов. Мерфи или у ЦК английской компартии, но у некоторых товарищей—полный пересмотр нашей тактики в отношении левого крыла, вхождения в рабочую партию и т. д. В конце-концов, раз массы покидают рабочую партию, а мы выступаем под нашим партийным знаменем совершенно самостоятельно, то к чему нам такой заведомо трудный путь, как организация «левого крыла» внутри партии, которую мы об'явили социал-демократической? Или к чему бороться за вхождение в партию, от которой отворачиваются ее собственные члены? И так далее.

Опасность этих слишком поспешных заключений в том, что они могут, если их не исправить, привести к замешательству и разочарованию в наших собственных рядах. Как согласовать, например, картину, нарисованную тов. Мерфи, с итогами дополнительных выборов в 3 крупных промышленных районах в 1928 г., свидетельствующими о некоторой стабилизации избирательных успехов рабочей партии по сравнению с обеими буржуазными партиями?

Число голосов

	Рабочая партия		Буржуазные партии	
	1924 г.	1928 г.	1924 г.	1928 г.
Нортгамптон (январь)	15.046	15.173	25.453	25.293
Линлитгоу (март)	14.123	14.446	14.765	14.958
Гарли (апрель)	13.527	15.136	11.973	11.994

Далее, выборы в совет Лондонского графства—в районах с многочисленным фабричным населением, где рабочая партия выдвигает своих кандидатов,—дали следующие результаты (для каждого кандидатского списка берем максимальное число голосов):

	1925 г.	1928 г.
Консерваторы	273.184	267.186
Либералы	55.586	91.188
Рабочая партия	230.624	251.585

Таким образом, по всему Лондону (около 1.950.000 избирателей) число голосов, поданных за обе буржуазные партии вместе, увеличилось приблизительно на 30.000, тогда как рабочая партия увеличила число своих голосов на 21.000. Я опускаю число голосов, собранных в 1928 г. коммунистами и левым крылом, так как оно не имело влияния на исход выборов.

Если учесть, что в 1928 г. либералы выставили в два с лишним раза больше кандидатов, чем в 1925 г., и притом всех, кроме 12, в районах, где выступали и «рабочие» кандидаты, то сравнительная стабилизация избирательных успехов рабочей партии станет совершенно очевидной.

Как об'яснить эти новые факты и цифры? Дело в том, что «сдвиг рабочих влево» не есть простой процесс, выливающийся в форму общего массового разочарования в рабочей партии, при полной сплоченности рабочих, как можно было бы думать на основании изложения тов. Мерфи. Рост влияния нашей партии и исход апрельских выборов в попечительства о бедных доказывают в положительной форме то же самое, что отрицательно доказывается вышеприведенными цифрами, а именно, что разочарование в рабочей партии охватывает наиболее передовое меньшинство рабочего актива (10—15% организованных рабочих, посещающих профсоюзные собрания своих отделов; около 400.000 индивидуальных членов рабочей партии; читатели «Daily Herald» и т. д.). Мы можем претворить, мы претворяем и мы должны еще энергичнее претворять это разочарование в организационное усиление нашей партии.

Но одновременно сдвиг влево проявляется в форме пробуждения широких рабочих масс от политического индиферентизма к политической жизни (в связи с обострением классовой борьбы); сюда относятся: миллионы избирателей, голосовавших прежде за либералов или консерваторов или не голосовавших вовсе; 70—80% организованных рабочих, никогда не посещающих профсоюзных собраний; миллионы, не читающих даже «Дейли Геральд». К этим миллионам мы пока еще просто физически не в состоянии подойти с нашим партийным аппаратом; для них рабочая партия остается пока единственной реальной «оппозицией», которую они знают. Медленное пробуждение этих миллионов и увеличило число голосов рабочей партии с 381.000 в декабре 1910 г. до 1.754.000 в декабре 1918 г. и затем до 5½ млн. в октябре 1924 г. И имеющиеся факты не дают оснований утверждать, что на этом дело остановится, хотя более резкий курс, принятый коммунистической партией, равно как и обострение классовой борьбы, помогут сократить период временной «задержки» рабочих на линии рабочей партии.

3. Рабочая партия на выборах в 1921—22 гг.

В этой связи следует отметить один факт, о котором обыкновенно забывали в недавних спорах и который заключается в том, что и раньше мы имели случай определенного и резкого падения голосов рабочей партии, вызвавшего даже тревогу в широких кругах рабочего движения. И случалось это при обстоятельствах, весьма напоминающих настоящий момент, именно в полосу депрессии и разочарования, охватившего активную часть рабочего класса в 1921 и 1922 годах (особенно в последнем) в виду затянувшегося победоносного наступления капиталистов на заработную плату и рабочее время при одновременном предательстве реформистских лидеров в гигантском, дотоле небывалом масштабе.

Общее число голосов, поданных за рабочую партию на общих выборах в ноябре 1922 г., показало громадный прирост против соответствующих цифр за декабрь 1918 г.—4.248.000 против 1.754.000. Но сравнение итогов дополнительных выборов в начале 1921 г. с результатами в тех же избирательных округах в ноябре 1922 г. дает совсем другую картину. Не только было потеряно 13 мест из 15, выигранных на дополнительных выборах после декабря 1918 г.,—анализ результатов дополнительных выборов в 18 округах за время от марта 1921 г. до октября 1922 г. обнаруживает при сравнении с итогами общих выборов в ноябре 1922 г. совершенно такое же движение, какое имело место в 1927 г., т.-е. относительное или абсолютное падение

голосов рабочей партии сравнительно с голосами, поданными за консерваторов и либералов.

Вот цифры (заметим, что в промышленных округах эта тенденция выразилась более определенно, чем в полуаграрных районах):

			Рабочая партия	Буржуазные партии
Дедли	март	1921 г. . . .	10.244	9.968
	ноябрь	1922 „ . . .	8.522	12.876
Пенистон	март	1921 „ . . .	8.560	15.107
	ноябрь	1922 „ . . .	8.382	16.524
Вульвич	март	1921 „ [1]) . .	13.041	13.724
	ноябрь	1922 „ . . .	15.620	11.714
Бедфорд	апрель	1921 „ . . .	9.731	14.397
	ноябрь	1922 „ . . .	5.477	21.249
Гастингс	май	1921 „ . . .	5.437	15.925
	ноябрь	1922 „ . . .	6.492	13.991
Хейвуд и	июнь	1921 „ . . .	13.430	18.896
Радклиф	ноябрь	1922 „ . . .	15.334	19.016
Керфилли	август	1921 „ . . .	16.291 [2])	8.958
	ноябрь	1922 „ . . .	16.082	12.057
Вестхоутон	октябрь	1921 „ . . .	14.876	10.867
	ноябрь	1922 „ . . .	14.846	11.927
Соутворн, Ю.-В.	декабрь	1921 „ . . .	6.561	4.943
	ноябрь	1922 „ . . .	7.731	10.014
Клейтон	февраль	1921 „ . . .	14.662	11.038
Манчестер	ноябрь	1922 „ . . .	14.789	14.800
Кембервель, С.	февраль	1922 „ . . .	7.854	6.719
	ноябрь	1922 „ . . .	8.320	8.006
Ульверхемптон, З.	март	1922 „ . . .	13.799	16.790
	ноябрь	1922 „ . . .	15.190	17.738
Кембридж	март	1922 „ . . .	6.954	15.426
	ноябрь	1922 „ . . .	4.810	18.243
Лейстер	март	1922 „ . . .	14.062	15.535
	ноябрь	1922 „ . . .	13.850	15.164
Гламорган	июль	1922 „ . . .	13.296	9.841
Гоуэр	ноябрь	1922 „ . . .	13.388	11.302
Гламорган	июль	1922 „ . . .	16.630	12.550
Понтиприд	ноябрь	1922 „ . . .	14.884	16.661
Ю. Хекки	август	1922 „ . . .	9.046	9.118
	ноябрь	1922 „ . . .	9.276	14.017
Ньюпорт	октябрь	1922 „ . . .	11.425	22.356
	ноябрь	1922 „ . . .	16 000	19.019

По всем районам, в которых выступали кандидаты всех трех партий, результат голосования был следующий:

	Рабочая партия	Либералы	Консерваторы
На дополнительных выборах в 18 округах, март 1921 г., октябрь 1922 г.	205.859	38.090	193.968
В тех же округах на общих выборах в ноябре 1922 г.	208.996	43.687	220.631
Прирост	3.137	5.597	26.663

Необходимо заметить, что на муниципальных выборах, происходивших на несколько дней раньше, та же тенденция обнаружилась еще более резко. Обратим также внимание на то сходство тогдашней ситуации с нынешней, что и тогда избирательная программа рабочей партии уклонялась от постановки каких бы то ни было классовых вопросов. «Это уклонение,—

[1]) В этом округе, где наша партия была довольно сильна, она использовала на выборах все свое влияние, чтобы удержать рабочих от отдачи своих голосов кандидату рабочей партии, Макдональду.

[2]) Включая и голоса коммунистов.

заявила в то время наша партия,—достигнуто ценою отказа от элементарнейших требований пролетарской борьбы, в которой рабочая партия имеет свои корни и вне которой она не может существовать. Избирательная программа рабочей партии очищена от всякой связи с рабочим классом». «New Statesman» писал: «По всем вопросам иностранной политики и почти по всем вопросам внутренней политики между либералами и рабочей партией нет никаких серьезных разногласий».

В цитированном только-что заявлении говорилось далее: «Если что спасло на этот раз рабочую партию и вопреки всем пророчествам снова подняло ее на ноги после провала на муниципальных выборах, так это действия ее противников, подчеркнувших классовый характер вопроса о налоге на капитал. Благодаря этому избирательная борьба рабочей партии приобрела против ее собственной воли классовый характер». Но приведенные выше итоги дополнительных выборов убеждают нас в том, что если бы мы могли сравнить тогда данные общих выборов с данными каких-нибудь выборов от начала 1921 г., то никакой избирательный маневр консерваторов и либералов (хотя бы даже связанный с проектом добавочного налога или каким-нибудь другим «радикальным» проектом из нынешнего арсенала рабочей партии), не был бы в состоянии скрыть от нас действительный «провал» рабочей партии.

И хотя наш вывод тогда, как и теперь, гласил: «Курс на уничтожение пролетарской программы с целью завоевания промежуточного класса является ошибочным... Достигнутая таким путем поддержка не будет прочной: она исчезнет, как только встанет на очередь какой-нибудь вопрос, жизненно важный для рабочего класса... Рабочие отвернутся, а промежуточный класс не будет действительно завоеван»,—все же оказалось, что этим вопрос не решается окончательно. Мы знаем, что следующие общие выборы (1923 г.) дали рабочей партии дальнейший прирост до миллиона (в обстановке, при которой рабочая партия не могла рассчитывать на голоса промежуточных элементов).

4. Чем об'ясняются избирательные успехи рабочей партии.

В 1922 г. поверхностный наблюдатель, видя, как экономические поражения, предательство лидеров и общая депрессия отражаются на ходе выборов, мог бы заключить, что совершается массовый отход от рабочей партии и что этот отход, в случае продолжения реформистского курса лидеров, будет принимать все более широкие размеры. События показали, однако, что такой вывод был бы ошибочен: уже исход дополнительных выборов в последнем из перечисленных выше округов (в Ньюпорте) свидетельствовал о переломе, намечавшемся как раз ко времени общих выборов.

Чем это было вызвано? Изменениями в настроениях и политике реформистских вождей рабочей партии? Едва ли: год спустя, накануне общих выборов в декабре 1923 г. «Labour Monthly» писал (и это, несомненно, выражало точку зрения всей партии), что «нынешним лидерам не к лицу выступать с пролетарской программой: они слишком далеко зашли в своем путанном эклектизме и капитулянтстве. Избирательная программа рабочей партии—вялая программа, представляющая собой набор устаревших требований без внутреннего стержня и ясного направления и заменяющая социализм отвлеченной моралью». Курс, взятый рабочей партией в 1923 г.— в вопросах о рурской оккупации, о неофициальной стачке докеров и т. д.— тоже едва ли мог быть причиной рассматриваемого явления, потому что так называемые «левые» лидеры были известны почти только по именам тем миллионам, которые отдали рабочей партии свои голоса в 1923 и 1924 г.г. Наконец, нельзя утверждать, что новый под'ем рабочей партии был вызван

той поддержкой, которую оказали ей на выборах коммунисты (осенью 1922 г. мы в конце-концов сняли всех наших парламентских кандидатов, выступавших против кандидатов рабочей партии). Хотя конец 1922 г. и 1923 год были отмечены благоприятным поворотом в судьбах нашей партии, мы все-таки едва ли можем приписать себе в этом случае роль решающего фактора.

Действительно решающим фактором была возросшая активность рабочего класса, пробуждение в нем боевой энергии при первых же признаках хозяйственного под'ема летом 1922 г., несмотря на все поражения 1921—22 гг. и даже на отсутствие четкого руководства, это был, таким образом, тот же самый фактор, которым об'ясняется в конце-концов неуклонный рост голосов рабочей партии в последний период войны и после ее окончания. По мере того, как рабочие массы все острее сталкивались с капитализмом (возвращаясь на тот путь, на который они вступили в 1910—11 гг., но с которого временно свернули из-за войны), они начинали все больше и больше пробуждаться от состояния политической апатии, невежества, плененности либеральной и консервативной идеологией, от всего того, чем держался английский империализм в прошлом. И это пробуждение (как отмечено в резолюции VII пленума по английскому вопросу) вылилось в форму возросшей поддержки рабочей партии.

Были в кривой революционного роста и некоторые понижения, вызванные успехами капиталистов и предательствами реформистских вождей (вспомним опыт 1921—22 гг.), и это непосредственно отражалось в политической области в виде разочарования среди активного меньшинства рабочих, от которого зависело собирание голосов для рабочей партии. Но неумолимая логика классовой борьбы начинала сказываться снова как раз в тот момент, когда «депрессия» достигала своей высшей точки и именно потому, что эта «депрессия» вызывала хотя бы ничтожное «оживление» в промышленности. Атаки капиталистов усиливали боевую активность рабочего класса в экономической области (и здесь роль компартии, как революционизирующего фактора, проявлялась более непосредственно, поскольку мы руководили отдельными забастовками, организовывали безработных и т. д.), а это в свою очередь влекло за собой оживление политической активности и приводило, по изложенным выше причинам, к более широкой поддержке рабочей партии.

Это особенно ясно видно на статистических данных о числе рабочих дней, потерянных вследствие промышленных конфликтов. Возьмем сначала годовые итоги:

1918 г.	5.880.000	1923 г.	10.670.000
1919 „	34.970.000	1924 „	8.420.000
1920 „	26.570.000	1925 „	7.950.000
1921 „	85.870.000	1926 „	162.230.000
1922 „	19.850.000	1927 „	1.180.000

Эти цифры превосходно иллюстрируют диалектическое движение революционной волны в Англии, ниспадающей со своего «гребня» лишь для того, чтобы набраться сил для дальнейшего под'ема на еще более высокие «гребни». Приведенная таблица служит иллюстрацией к словам резолюции пленума о «зигзагообразном» движении рабочего класса влево.

Если мы возьмем, далее, цифровые данные о промышленных конфликтах по кварталам 1921, 1922 и 1923 гг., то увидим еще яснее точки «поворота волны» и лучше поймем тройное значение итогов ноябрьских выборов 1922 г. 1) С точки зрения роста рабочей партии в целом эти итоги знаменуют собою более высокий «гребень», чем итоги декабрьских выборов 1918 г., отражая великий опыт наступательной борьбы 1919—20 гг.—

опыт, уроков которого не могли изгладить даже последующие поражения. 2) Но эти же итоги, при сравнении их с данными о выборах 1921 г. и начала 1922 г., знаменуют собою «депрессию», совпадающую с «депрессией» в области экономической борьбы (контраст был бы еще сильнее, если бы мы взяли для сравнения данные о дополнительных выборах 1920 г.). 3) И, наконец, эти итоги совпадают с началом нового под'ема волны промышленных конфликтов, сопровождавшегося новым, хотя и более медленным, ростом голосов рабочей партии.

Число рабочих дней, потерянных из-за промышленных конфликтов.

	1921 г.	1922 г.	1923 г.
I квартал	2.355.000	3.411.000	1.288.000
II „	77.408.000	15.216.000	3.128.000
III „	5.605.000	897.000	3.894.000
IV „	502.000	326.000	2.266.000

5. Перспективы на 1928—29 гг.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы можем теперь взглянуть на цифровые данные за 1927 и 1928 гг. с новой точки зрения. 1927 год отметил собою благодаря предательствам реформистов низшую точку активности рабочего класса в экономической области за последние сорок лет, хотя он следовал за годом, в котором была достигнута высшая точка этой активности за всю историю Англии (в 1926 г. потеряно 162.230.000 рабочих дней, в 1927 г.—1.800.000). Кроме того, 1927 год был свидетелем целого ряда предательств в общих политических вопросах, тоже беспримерного в летописях английского пролетариата (Китай, Бленсбургский проект, билль о трэд-юнионах, разрыв с Советским Союзом, усиленный поход против коммунистов и т. д.). Все эти удары создали известную депрессию в рядах активного меньшинства рабочего движения (среди рабочих, активно участвующих в профсоюзной жизни, выполняющих рядовую работу в местных отделах рабочей партии и т. д., а также среди сторонников компартии, левого крыла и движения меньшинства).

В области избирательной борьбы эта депрессия выразилась в формах, о которых мы говорили выше. Но исход муниципальных выборов 1927 г. не означает непременно, что рабочие массы станут теперь быстро отходить от рабочей партии, как только начнется неизбежное оживление классовой борьбы в экономической области. Не означает он также, что исключена возможность фактического прироста голосов рабочей партии, ибо возможно, что число рабочих, впервые проснувшихся к политической жизни или по своей политической отсталости все еще голосующих за рабочую партию, будет некоторое время более чем достаточно для компенсирования определенных потерь этой партии, вызванных разочарованием в ней наиболее передовых активных элементов и их переходом в лагерь коммунизма.

Что касается первого пункта, то замечательно (хотя еще рано делать отсюда какие-нибудь выводы), что «стабилизация» избирательных успехов рабочей партии на дополнительных выборах 1928 г. в промышленных районах (по сравнению с 1927 г.) совпадает с начинающимся как будто поворотом в области экономической борьбы, на этот раз гораздо определеннее проходящей под руководством нашей партии, чем в 1922 г.

Число рабочих дней, потерянных вследствие промышленных конфликтов.

I квартал	1927 г.	348.000
II „	1927 „	242.000
III „	1927 „	357.000
IV „	1927 „	129.000
I „	1928 „	325.000

Замечательно также, что первый квартал 1928 г., по сравнению с таковым же кварталом предшествующего года, показывает определенный прирост как числа возникших в этом квартале конфликтов (95 против 65), так и числа втянутых в борьбу рабочих (38.000 против 21.000).

По второму пункту укажем, что отмеченная нами возможность как раз осуществилась в ряде провинциальных и окружных выборов в Германии, где за последний год сдвиг рабочих масс влево был по меньшей мере так же ясно выражен, как в Англии. Но параллельно с значительным приростом коммунистических голосов шло, в большинстве случаев, по крайней мере, такое же увеличение числа голосов, поданных за социал-демократов. И об'ясняется это явление по существу тем же, чем и в Англии: в обстановке капиталистической «рационализации» и в эпоху революций сдвиг рабочего класса влево выражается не в простой, а в сложной форме.

То обстоятельство, что нам, по всей вероятности, придется еще довольно долго ждать массового отхода от рабочей партии, не может, конечно, явиться основанием для возвращения на ту позицию, на которой наша партия стояла до принятия нового курса. Вся цепь соображений, приведшая к этому последнему,—перемены в положении английского капитализма, частичная стабилизация после 1921 г., сдвиг рабочих влево, роль реформистов при этом и радикальное изменение характера рабочей партии (сравнительно с 1920 г.), совершенно иная роль, в какой выступит будущее рабочее правительство (по сравнению с 1924 г.), и, наконец, мощный рост силы и влияния нашей партии,—все это заставляет признать, что вопрос о массовой поддержке рабочей партии уже не может быть, как прежде, решающим моментом при установлении избирательной тактики коммунистов.

Если тем не менее этот момент еще сохраняет где-нибудь значение, так это при определении позиции нашей партии в таких вопросах, как продолжение кампании за вхождение в рабочую партию, оказание и впредь содействия организации и укреплению национального левого крыла в рабочей партии и т. д.

Чем яснее будет каждый товарищ сознавать «сдвиг влево», тем более он будет убеждаться, что новая, резко самостоятельная позиция нашей партии в избирательной борьбе не исключает, а, наоборот, ставит на очередь и даже прямо предписывает максимальное использование всех опорных баз, которые у нас уже есть или еще могут быть завоеваны нами внутри рабочей партии «Использование», разумеется, не для укрепления аппарата рабочей партии, а для борьбы с реформистами, для разоблачения их перед массами и для дальнейшего усиления нашей партии, являющейся всегда и всюду борцом за дело рабочего класса.

Чем шире мы используем всякую возможную платформу для обращения к рабочим массам, хотя бы даже внутри аппарата рабочей партии,—а не подлежит сомнению, что борьба за прием коммунистов в профсоюзы, примыкающие к рабочей партии, может явиться для нас такой платформой, — тем больше будет шансов у нашей партии собрать под свое знамя не только разочаровавшееся в реформизме активное меньшинство рабочего класса, но и часть тех широчайших слоев, полевение которых толкает их сейчас, за отсутствием у них другой возможности, в об'ятия рабочей партии.

В виду происходившей на некоторых окружных конференциях дискуссии о новом партийном курсе, особенно в связи с вопросом о вхождении в рабочую партию, предшествующие соображения о положении рабочей партии на выборах принесут, может быть, некоторую пользу.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

С. Зданович.

Еще раз о сельсоветах и земельных обществах.

(Об «элементах» путаницы у т. Фейгина).

Вопрос об установлении правильных взаимоотношений между сельскими советами и земельными обществами и их сходами есть вопрос отыскания наиболее целесообразных способов воздействия на крестьянство, на его основную середняцкую массу, которую мы должны вести за собой по пути социалистического переустройства сельского хозяйства, ибо земельное общество с его сходами как-никак все же является формой массового об'единения мелких производителей-крестьян. Будем ли мы вести борьбу с земобществами и сходами или мы будем вести борьбу внутри них, стоя во главе батрацко-бедняцких и наиболее передовых середняцких элементов,— вот вопросы, которые необходимо правильно разрешить, чтобы двигаться вперед вместе со всей крестьянской массой.

Вот почему недопустимы ошибки и путаница в этом вопросе, допускаемые некоторыми товарищами, пытающимися разрешить этот вопрос с «кандачка».

В № 9 «Большевика» т. Фейгин мимоходом коснулся вопроса о взаимоотношениях между сельскими советами и земельными обществами, также мимоходом [1]) коснувшись моей статьи в № 6 «Большевика» на эту тему, упрекнул меня при этом в применении мною «метода запутывания вопроса».

Но дело не в этом упреке.

Обязательная необходимость ответа т. Фейгину вызывается теми грубыми ошибками, которые он успел сделать мимоходом на протяжении каких-нибудь 3—4 страниц. Не стоит большого труда показать, что «вермишель»

[1]) Как т. Фейгин «проскакал» мимоходом по моей статье, показывает следующий любопытный пример. В моей статье в № 6 «Большевика», на стр. 43 есть такое место: «Если поставить на место пролетарской революции в Западной Европе пролетарскую революцию в самой России, если при этом учесть, что пролетарская революция в России находится сейчас на такой ступени развития, что она располагает необходимыми фондами для социалистического переустройства сельского хозяйства (см. доклад тов. Сталина на XV с'езде ВКП(б), а также если учесть то, что сельская община у нас существует, то вполне позволительно ставить вопрос о возможности использования сельской общины на ряду с другими мероприятиями в целях социалистического переустройства сельского хозяйства».

В своей же статье в № 9 «Большевика», на стр. 78 т. Фейгин пишет: «Что говорит тов. Сталин в цитате, приведенной в статье тов. Зданович? Он говорит, что «вполне позволительно ставить вопрос о возможности использования сельской общины, на ряду с другими мероприятиями, в целях социалистического переустройства сельского хозяйства».

Читатель видит, что никакой цитаты из Сталина я не приводил, ссылка же в скобках на доклад тов. Сталина относится к той части моей мысли, где я говорю, что пролетарская революция в России находится на такой ступени развития, что она располагает необходимыми фондами для социалистического переустройства

и «путаница» присущи именно т. Фейгину. Суть положений, выдвигаемых т. Фейгиным в противовес моим, сводится к тому, что общину нельзя отождествлять с земельным обществом [1]).

На вопрос, что такое община и земельное общество,—т. Фейгин отвечает: «Это особый тип хозяйственной организации. А что такое земельное общество? Это форма управления (в известных пределах) данным типом хозяйственной организации».

Чтобы сделать свое определение еще более понятным, т. Фейгин проводит такую аналогию: «Спутывать эти два понятия—это все равно, что смешать фабрику, являющуюся определенным типом хозяйственной организации, с правлением данной фабрики, являющимся лишь формой управления хозяйственным предприятием».

В этом «замечательном» определении общины и земельного общества верно только то, что община—это особый тип хозяйственной организации. Но, ведь, это давным давно открытая Америка [2]).

Что же касается того, что земельное общество есть, будто бы, форма управления данным типом хозяйственной организации (повидимому, общиной) и что таковое является формой управления только в известных пределах, то это есть сплошная путаница, сплошная неграмотность в разбираемом вопросе.

До сих пор было известно, что формой управления общиной был сход («мир») и выбираемые им исполнительные органы (старшина, староста, уполномоченный). Это — во-первых.

Во-вторых, известно, что понятие «община» включает в себя, помимо элементов хозяйствования, и элементы публично-правового характера, т.-е. элементы властвования, управления. А поскольку это так, то, следовательно, и самая община также является «в известных пределах» формой управления.

Только эта одна оговорка «в известных пределах» делает все определение т. Фейгина явно бессмысленным.

Чтобы показать более наглядно схему т. Фейгина и мою схему, и тем самым более выпукло обнаружить ошибочность схемы т. Фейгина, я изображу обе схемы графически (см. схемы на след. стр.).

Из этой схемы ясно видно, что именно т. Фейгин спутал хозяйственную организацию (земельное общество) с формой ее управления (сход и выбираемые им исполнительные органы).

Таким образом, я вынужден бить т. Фейгину челом его же добром. В своей статье о сельсоветах и земельных обществах я утверждал, что то, что мы называем земельным обществом есть совокупность остатков общины;

сельского хозяйства. Если бы тов. Фейгин внимательно отнесся к моей статье, то он бы удосужился проверить в ней ссылку на т. Сталина, просмотрев его доклад (И. Сталин. Доклад на XV с'езде ВКП(б). ГИЗ. 1928 г.), где как раз нашел бы высказанную тов. Сталиным мысль о том, что мы должны приступить к переустройству сельского хозяйства, так как уже в состоянии выделить на это дело необходимые фонды. Если бы тов. Фейгин это сделал, то он не приписал бы т. Сталину мысль, которую он не высказывал. Эта «ошибочка» тов. Фейгина пикантна тем более, что, очевидно, принимая по ошибке положение, высказанное мною, за авторитетное мнение тов. Сталина, он базируется на этом положении, обвиняя вместе с тем меня в «методе запутывания». Не случись такого «несчастья» с т. Фейгиным, он, пожалуй, стал бы отрицать наличие у нас остатков общины и поэтому должен был бы притти к совершенно другим выводам.

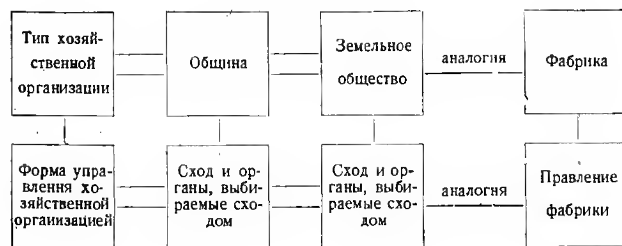
[1]) По поводу терминологии здесь нужно сделать оговорку: нельзя ставить знак равенства между понятиями «община» и «земельное общество», т. к. эти понятия не всегда совпадают. Но так как в основе института земельных обществ, получившего свою регламентацию в нашем законодательстве—зем. кодексе, лежит община, то я считаю возможным пользоваться этим общеупотребляемым термином, понимая под «земельным обществом» не столько правовую сторону этой организации, сколько совокупность всех признаков, свойственных общине.

[2]) См. стр. 52 в № 6 «Большевика».

Схема тов Фейгина.

Моя схема:

однако, в доказательство этого я из-за недостатка места не смог сделать сравнение общины с земельным обществом.

Поэтому, чтобы подтвердить свое утверждение, я сейчас сделаю небольшой экскурс в историю.

Учреждение, именуемое общиной, было свойственно на известной ступени развития всем индо-германским народам и своими корнями уходит в глубокую древность, в эпоху первобытно-коммунистического строя.

Естественно, что на протяжении целого ряда различных эпох, община не могла оставаться чем-то неизменным; с переходом из эпохи в эпоху община постепенно теряла свои наиболее характерные признаки.

Наиболее типична община, соответствующая эпохе первобытно-коммунистического строя. Являясь формой аграрного коммунизма, община этой эпохи наиболее характерна своей функцией общественной обработки земли. В эпоху феодального строя и затем торгового капитализма община уже утратила эту свою основную функцию: обработка земли производится уже отдельными дворами, сохраняется лишь только общественная собственность на землю.

В послесловии к письму, которое было ответом русскому народнику П. Н. Ткачеву, Ф. Энгельс в 1894 г. писал по поводу русской общины следующее: «Сама русская крестьянская община уже в 1861 году представляла сравнительно обесцвеченную форму этого (аграрного. *С. З.*) коммунизма; общественная обработка земли, существующая еще в отдельных местностях Индии и в других, вероятной родоначальнице русской общины, должна была уступить место обработке земли отдельными семьями; общинная собственность проявлялась уже только в переделах земли, производящихся в различных местах через различные промежутки времени» [1]).

Разложение родовой общины и образование территориальной, земляческой сельской общины происходит путем отделения производства от владения; общественное производство исчезает, остается только общественное владение; обработка земли производится уже отдельными дворами, а владение землей остается общинным.

Однако, сельская община эпохи натурального хозяйства, помимо функции общинного владения землей и вытекающей из этой функции деятельности по регулированию землепользования (переделы, порядок пользования угодьями) и отчасти сельскохозяйственного производства (способы и сроки обработки земли), выполняла еще целый ряд других функций: взаимопомощь, регулирование торговли [2]) продуктами в отношении общинников, наконец, все те функции, которые у юристов известны под названием публично-правовых.

Разложение общины начинается под влиянием внедряющегося товарного производства и обмена

В том же послесловии Ф. Энгельс по поводу причин разложения общины говорит:

«Русская община просуществовала целые столетия, и ни разу внутри ее не замечалось стремления выработать из самой себя высшую форму общественной собственности, совершенно так же, как не происходило ничего подобного и в германской марке, кельтском клане, индусских и иных общинах с первобытно-коммунистическими учреждениями. Все они с течением времени, под влиянием окружающих их условий или же возникающих в их собственной среде и постепенно охватывающих их товарного производства и обмена между отдельными семьями и отдельными лицами,—все они все более и более утрачивали свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга земельных собственников» [3]).

У нас в России «сильнейший удар земельной общине нанесла отмена крепостного права» [4]).

Развитие капитализма в России неудержимо разлагало общину. Даже такой исследователь эсэровского толка, как К. Р. Качаровский, признает в 1906 г., что община в России находится в упадочном периоде [5]).

Однако, и разлагающаяся община все еще продолжает выполнять некоторые функции: в большинстве случаев все еще продолжает действовать общинно-передельный механизм; в случаях же полного бездействия этого механизма, сохраняется еще общинное владение по отношению к целому ряду угодий: сенокосам, лесам, пастбищам и т. п. Кроме того, община продолжала выполнять публично-правовые функции, как низовая самоуправленческая единица под названием «сельское общество».

Что осталось от общины в России к моменту Октябрьской революции? По данным некоторых исследователей, как, напр., проф. П. Н. Першина, к началу 1917 г. по 47 губ. Европейской России в общине осталось около 7,4 млн. крестьянских хозяйств, т.-е. 49%, а остальные 51% крестьянских хозяйств перешли к землевладению на личных началах.

Сравнивая функции общины с функциями нашего «земельного общества» (не только указанные в Зем. Код., но и осуществляемые в действительности), приходится притти к выводу, что «земельное общество» есть сово-

[1]) Ф. Энгельс. О России. Изд-во «Пролетарий». 1923 г., стр. 31.
[2]) Л. Кржнвицкий. «Хозяйств. и обществ. строй первобытных народов». В сокращенном изложении В. П. Друнина. ГИЗ. 1925 г., стр. 180.
[3]) Там же, стр. 30.
[4]) Ф. Энгельс. Там же, стр. 23.
[5]) К. Р. Качаровский. «Русская община». Москва, 1906 г.

купность остатков общины в советских условиях. Как и в общине, в земельном обществе функционируют передельный механизм, а также существуют угодья общего пользования; земельное общество так же, как и община, регулирует с.-х. производство (решает вопросы о системе обработки земли, при трехполке определяет сроки посева, уборки урожая и т. п.), наконец, подобно общине, земельное общество выполняет некоторые функции публично-правового характера.

Формы управления общиной на протяжении всего времени ее существования, начиная с наиболее типичной ее формы эпохи варварства и кончая ее упадочной формой эпохи капитализма, сохраняются почти без изменения.

В деревенской общине периода варварства законодательная власть принадлежит деревенским собраниям правомочных членов; исполнительная же власть находится в руках деревенского управления. Представители исполнительной власти в виде старост, уполномоченных, старшин выбираются собранием правомочных жителей деревни [1].

В русской общине периода разложения натурального хозяйства и эпохи капитализма формами управления всеми общинными делами являются также сход и выбираемые им должностные лица: староста, сборщик податей, смотритель хлебных магазинов, училищ и больниц, лесные и полевые сторожа, писарь и т. п. Формой управления земельного общества также является сход и выбираемые им уполномоченные. Иногда исполнительным органом земельного общества является сельский совет — это в тех случаях, когда сельсовет совпадает с земобществом. Однако, опыт показывает, что и в таких случаях сельсовет является лишь только исполнителем воли схода *и не больше того*. Кое-где существуют коллегиальные исполнительные органы земобщества в виде постоянных комиссий по всем делам земобщества, или постоянные комиссии по отдельным отраслям ведения земобществ (смотри докладную записку НК РКИ РСФСР по обследованию земобществ).

Итак, община, будучи на ранней ступени своего развития формой аграрного коммунизма, сохраняет свои наиболее характерные черты и в эпоху натурального хозяйства. С вытеснением же натурального хозяйства товарно-денежным община, в большинстве случаев, утрачивает свою основную черту—общинное производство—и сохраняет только общинное владение землей.

В такой форме община сохраняется в России вплоть до пролетарской революции. Сохранение общины в России и в период капитализма соответствует наличию в хозяйстве России элементов различных общественно-экономических укладов и, именно, наличию значительных элементов патриархального, т.-е. в значительной степени натурального, крестьянского хозяйства (Ленин).

Наличием этих же элементов в хозяйстве СССР об'ясняется сохранение остатков общины под видом земельного общества и до наших дней. Мало того, некоторые исследователи (напр., проф. Першин) отмечают, что после пролетарской революции община значительно оживилась, пустив в ход повсеместно свой общинно-передельный механизм.

Факт оживления общины вполне соответствует следующим двум обстоятельствам:

1) пролетарская революция национализировала всю землю и предоставила ее на правах землепользования только тем, кто на ней трудится лично; это как нельзя больше соответствовало тому взгляду у крестьян на землю, какой у них существовал столетиями: земля «ничья», земля «божья», земля «всех»; ликвидация частной собственности на землю, препятствуя мобилизации земли у отдельных хозяйств, также устраняет одну из причин разложения общины;

[1] Л. Кржнвицкий. «Хозяйственный и общественный строй первобытных народов». В сокращенном изложении В. П. Друнина. Стр. 157—159.

2) пролетарская революция произвела, во-первых поравнение «нивелировку» крестьянства и, во-вторых, обусловила принципиально иное, чем при капитализме, развитие сельского хозяйства: при господстве пролетариата, при наличии в его руках командных экономических высот, расслоение деревни идет не так, как при капитализме, а именно: середняк не «вымывается», а, наоборот, сохраняется или даже растет за счет под'ема бедняцких хозяйств; следовательно, раз середняцкое крестьянство сохраняется, а оно является подавляющим большинством деревни, то тем самым смягчаются те процессы разложения общины, которые были обусловлены капитализмом.

Все это говорит за то, что наличие общины в наших условиях не является каким-то «анахронизмом», а вполне соответствует состоянию нашей экономики. Отмирание же общины будет происходить по мере обобществления сельскохозяйственного производства.

Так обстоит дело с утверждением т. Фейгина о недопустимости отождествления общины с земельным обществом.

Вполне естественно, что, имея неправильные представления о земельном обществе, т. Фейгин делает в отношении него совершенно абсурдные предложения.

Исходя из «заумного» предположения, что земельное общество есть форма управления общиной, т. Фейгин предлагает придумать более идеальную форму управления.

На странице 82 он пишет: «Но какую форму управления общиной противопоставить земельным обществам? Эта форма уже создана Октябрем. Это—советы и их секции».

И далее т. Фейгин предлагает: «Если бы сельсоветы реорганизовали свои секции таким образом, чтобы каждая однотипная секция—примерно сельскохозяйственная, или благоустройства—разбилась на подсекции и на такое число их, какое количество в данной станице или селе имеется общин, то эти подсекции, под общим руководством сельсовета и его уполномоченных, сумели бы, с течением времени, охватить работу обществ, впитать в себя лойяльно относящуюся к советам часть актива земельных обществ и в результате вытеснить земельные общества».

И это предложение т. Фейгина базируется на открытии им Америки № 2, т.-е. на открытии того, что в деревне есть два актива.

Но кому же, хоть мало-мальски знакомому с политграмотой, неизвестно, что с тех пор, как существует классовое общество, каждый класс имеет свой актив. А в городе разве нет двух активов?

Никакими хитроумными комбинациями не уничтожишь, не «впитаешь» тот классовый актив, который выделяется каждым классом (в деревне кулачеством), до тех пор, пока существуют в обществе классы.

Но перейдем к разбору сути предложений т. Фейгина.

Суть его «рецепта» сводится к тому, чтобы формы управления общиной—сход и выбираемые им исполнительные органы—заменить органом власти—сельсоветом и его секциями.

Посмотрим, что это означает.

Тов. Фейгину должно быть известно, что формы возникают не произвольно, а вполне соответствуют содержанию. Формы управления вообще и формы управления хозяйственной организацией в частности (скажем, фабрикой) не могут быть придуманы произвольно, а должны находиться в полном соответствии с общей системой общества, т.-е. с состоянием производительных сил, системой производственных отношений и тем, какой класс руководит обществом.

Например, эпохе расцвета промышленного капитализма в Западной Европе соответствовал расцвет парламентаризма, т.-е. форма управления страной через парламент. В эпоху же империализма парламентаризм превращается в пустышку, так как господствующие классы больше нуждаются в диктатуре.

Другой пример. Диктатуре пролетариата наиболее соответствует советская форма управления. А т. Фейгин думает, что если хорошенько подумать, то можно придумать, например, для нашей фабрики более идеальную форму управления, чем существующая ныне (правление, директор и т. п.).

Итак, форма управления хозяйственной организацией должна соответствовать содержанию данного типа хозяйственной организации.

На нашей советской фабрике или в совхозе дела непосредственно решаются не общим собранием всех работающих на фабрике или в совхозе, а правлением, директором и другими должностными лицами. Такая, а не другая форма управления фабрикой или совхозом соответствует тому, что фабрика или совхоз являются наиболее в наших условиях обобществленными формами хозяйства, они являются типами соц. сектора нашего хозяйства.

Теперь возьмем общину. Она об'единяет на основе общинного землепользования мелких производителей-крестьян. Высшим органом управления общиной является сход; исполнительные же органы, выбираемые сходом, крайне ограничены в своих функциях и полномочиях (напр., ни один мало-мальски важный вопрос не решается земуполномоченным, а всегда сходом, который в летний период, когда обычно разрешаются наиболее жизненные вопросы, собирается почти ежедневно). Таким образом, общинному об'единению мелких производителей соответствует форма управления через сход, т.-е. собрание всех мелких производителей.

Для большего выяснения вопроса возьмем еще третий тип хозяйственной организации—коммуну, которая является промежуточной между фабрикой, совхозом, с одной стороны, и общиной—с другой стороны.

В колхозе высшим органом управления также является общее собрание членов коммуны, но там уже несравненно большую роль, чем в общине, играют исполнительные органы колхоза (совет, комитет, председатель и т. п.).

Из приведенных мною примеров ясно видно, что т. Фейгин предлагает форму управления, соответствующую фабрике или совхозу, перенести в общину мелких производителей, где производство не обобществлено. Вот где действительно путаница.

Если бы община управлялась сельсоветом, т.-е. так, как фабрика или совхоз, то это была бы уже не община, а хлебная фабрика, совхоз, а сельсовет был бы не органом власти, а правлением этой хлебной фабрики. Будем, однако, надеяться, что после этих раз'яснений т. Фейгин поймет, что бойкость пера (вспомните его, «вермишель» и «путаницу» по моему адресу) не всегда совпадает с бойкостью мысли.

Я счел необходимым так подробно остановиться на вопросе о возможности превращения сельсоветов и их секций в органы управления земельных обществ потому, что подобная идея присуща, кроме тов. Фейгина, еще и другим товарищам.

Вот что, например, пишет т. Акимов на стр. 49 в № 4 «Советского Строительства»: «Таким образом, земельные общества с т а н у т (разрядка моя. *С. З.*) и по существу должны быть с е к ц и е й с е л ь с к о г о с о в е т а п о в о п р о с а м с е л ь с к о г о х о з я й с т в а, как это и есть в тех районах, где наиболее стройно слажена работа земобщества с сельсоветами (Северный Кавказ)».

Что касается фактов, то мы что-то таких случаев, когда земобщество является сельскохозяйственной секцией сельсовета, не знаем. Наоборот, мы знаем массу случаев, когда сельсовет является исполнительным органом земобщества и не больше того.

В цитате из статьи т. Акимова я подчеркнул слово «станут» и в связи с этим должен напомнить т. Акимову, что когда сельсоветы с их секциями станут органом управления общины, тогда община с т а н е т хлебной фабрикой; но тогда, когда сельскохозяйственное производство будет перестроено на основе предприятий типа фабрики или совхоза, тогда у нас будет в сельском хозяйстве социализм и тогда община отомрет, а также, пожалуй, начнут отмирать и органы власти и в том числе и сельсоветы.

Какова же все - таки должна быть роль сельских советов и их секций в отношении земельных обществ?

Роль сельсовета и его сельскохозяйственной секции определяется тем, что мы не будем бороться с земобществами и сходами, а будем бороться внутри их за обобществление крестьянского хозяйства путем сплочения батраков и бедноты и организации бедняцко-середняцкого блока.

Сельсовет совместно с другими деревенскими организациями (ячейки партии, комсомол и т. д.) и должен повести борьбу внутри земобщества, сплачивая бедноту и середняка, чтобы выбить оттуда влияние зажиточно-кулацких элементов и вывести крестьянство на широкую дорогу коллективизации хозяйства.

Чтобы помочь сельсовету и нашим советским элементам в деревне проделать эту трудную работу, нужно провести в жизнь целый ряд таких мероприятий (сельбюджет, подбор хороших работников и т. д.), которые укрепляли бы сельсовет, и в отношении земельных обществ такие мероприятия, которые облегчали бы окрепшему сельсовету и батрацко-бедняцким элементам в земобществах взять верх над кулаками.

Вот правильное решение вопроса, а не фантастика в духе тт. Фейгина и Акимова.

В таком именно духе и решен вопрос оргсовещанием, состоявшимся 27—28 июня с. г. при оргтделе ВЦИК с представителями с мест.

Раньше, чем привести здесь мероприятия, намеченные указанным оргсовещанием, я еще хочу остановиться на прожекте т. Фейгина о реорганизации с.-х. секций и на упрек мне со стороны т. Резунова в том, что я будто бы. стремлюсь показать, что в земобществах везде и всюду побеждают советские элементы.

Тов. Фейгин предлагает разбить однотипные секции и, в первую очередь, сельскохозяйственные секции на такое число подсекций, какое количество земобществ существует на территории сельсовета.

Эту свою аппаратную идею т. Фейгин подкрепил авторитетом Тамбовского губкома ВКП(б), который, к сожалению, воспринял эту идею у тов. Фейгина. На стр. 83 № 9 «Большевика» т. Фейгин приводит следующее решение Тамбовского губкома: «В целях охвата сельсоветами и выполнения ими работы, ведущейся до сих пор земельными обществами, считать необходимым произвести р е о р г а н и з а ц и ю секций сельсоветов (сельскохозяйственной и благоустройства в первую очередь). Реорганизация эта должна выразиться в разделении секций на такое число подсекций, какое количество земельных обществ расположено на территории данного сельсовета, с тем, чтобы каждая из этих подсекций сумела вобрать в себя наиболее активные элементы земельных обществ и разрешать тот круг наиболее актуальных вопросов, которые до сих пор вырешаются земельными обществами».

Посмотрим же, как обстоит дело с секциями сельсоветов, которые т. Фейгин совместно с Тамбовским губкомом предлагает «реорганизовать». Представление о количестве секций при сельсоветах дает следующая таблица,

составленная на основе данных, взятых из отчетов губисполкомов за II полугодие 1926/27 г.:

Название административных единиц	Всего сельсоветов	Всего при них секций	В среднем на 1 с/с. секций
1. Воронежская губ. . .	1.158	3.038	2,6
2. Тамбовская губ. . .	934	2.306	2,4
3. Вологодская губ. . .	451	169	0,3
4. Самарская губ. . . .	1.693	2.813	1,6
5. Сталинградская губ. .	955	2.768	2,8
6. Ульяновская губ. . .	745	1.505	2,0
7. Оренбургская губ. .	373	855	2,2
8. Астраханская губ. .	178	401	2,2
9. Псковская губ. . .	548	1.455	2,6
10. Архангельская губ. .	232	770	3,3
11. Ив.-Вознесенская губ.	[illegible]83	532	0,7
12. Владимирская губ. .	1.537	3.691	2,4
13. Смоленская губ. . .	1.263	1.424	1,1
14. Тульская губ. . . .	874	1.315	1,5
Итого . . .	11.644	23.049	1,9

О чем говорит эта таблица, составленная на основе безусловно преувеличенных [1]) исполкомами сведений о секциях, большинство которых пока-что существует только на бумаге. Эта таблица говорит о том, что при многих сельсоветах секций еще совсем нет, и их нужно еще создавать, а не реорганизовывать.

А вот вторая таблица, составленная по данным из тех же источников, которая показывает, что секции при сельсоветах еще не стали массовыми органами:

Наименование административных единиц	Всего секций	Всего в секциях членов	В среднем на 1 секц приходит. членов	В среднем на 1 с/с. приходит. членов секций	В среднем на 1 с/с. приходит. член. с/с.
1. Воронежская губ. . .	3 038	18.829	6,1	16,2	25,5
2. Тамбовская губ. . .	2.306	18.448	8,0	19,7	26,5
3. Самарская губ. . .	2.813	10.480	3,7	6,2	12,2
4. Сталинградская губ. .	2.768	19.594	7,0	20,5	12,0
5. Ульяновская губ. . .	1.505	7.515	4,9	10,0	17,2
6. Оренбургская губ. .	855	4.242	4,9	11,3	13,5
7. Астраханская губ. .	401	3.342	8,3	18,7	17,3
8. Псковская губ. . . .	1.455	14.338	9,8	26,1	30,4
9. Архангельская губ. .	770	7.500	9,7	32,3	29,3
10. Ив.-Вознесенская губ.	532	3.480	6,5	5,0	13,2
11. Владимирская губ. .	3.691	27.872	7,5	18,1	7,4
12. Смоленская губ. . .	1.424	9.044	6,3	7,1	16,8
13. Тульская губ. . . .	1.315	7.471	5,6	8,4	16,7
Итого . . .	22.873	152.156	6,6	13,5	16,7

Согласно этой таблице, наибольшее число членов в среднем на 1 секцию составляет 9—10 человек (Псковская губерния), а во многих губерниях оно равно 3—4 членам. Кроме того, эта же таблица показывает, что даже далеко еще не все члены сельсоветов входят в секции, а именно: только 30—35% членов сельсоветов втянуты в работу секций.

И вот, при таком-то числе секций и членов в них нам предлагают «реорганизовать» их и разбить на целую кучу подсекций.

---

[1]) Например, в отчете Оренбургского губисполкома приведены данные о 855 секциях при сельсоветах, а инструктор ВЦИК, вернувшийся из обследования Оренбургской губернии, говорит, что он не видел там секций при сельсоветах.

Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с ярким образцом аппаратного измышления.

В то время, когда мы в деревне страдаем еще от недостатка активистов (хотя нельзя не отметить, что за последние 2—3 года беспартийный актив в деревне численно значительно возрос), из которых мы могли бы формировать секции, тов. Фейгин вместе с Тамбовским губкомом изображает дело так, что актива в деревне достаточно и что только нужно придумать организационные формы для его использования. Нет, нужно не реорганизовывать во многих случаях не существующие секции, а создавать актив и строить их. И эту-то фантастику с реорганизацией секций тов. Фейгин выдает за «вполне правильное решение», которое «должно быть принято и осуществлено партией».

Мы же думаем, что партия не примет подобных пустяков тем более, что имеющиеся сведения о подсекциях или так называемых поселенных секциях (т.-е. секциях не при сельсоветах), а по отдельным населенным пунктам) говорят о невозможности для сельсоветов руководить ими.

Сведения о поселенных секциях по Ярославской губернии заставляют подозревать, что эти секции суть не что иное, как исполнительные органы общины. В отчете ярославского губисполкома за 1 полугодие 1927—28 г. читаем следующее сообщение:

«В начале 1927 года при обследовании Мологского уезда нашим инструктором были *обнаружены* созданные *по инициативе сходов* сельские комиссии. Они создавались для постоянной работы (наблюдение за благоустройством и чистотой в селении, пожарные комиссии) и временные (для осмотра дымоходов, посевов, покосов и пр.).

Губисполкомом было поручено и другим уисполкомам проверить наличие таких комиссий и изучить их работу, осуществляя над ними свое руководство и наблюдение. Сейчас установлено, что такие комиссии имеются в уездах: Мологском, П Володарском и Даниловском. Особенно активно они работают в П/Володарском уезде, поручая обследования своим членам и слушая на заседаниях отчеты обследователей. *Руководство их работой со стороны советов осуществляется слабо*, а уисполкомами не выполнена директива об учете и изучении этой новой формы массовой работы (мологск. уик не имеет сведений о числе сельских комиссий в уезде, даниловский сообщает сведения лишь по 1 волости). Только п/володарский уик осуществляет более или менее удовлетворительно учет этого дела. Он сообщает, что организовано в пяти волостях 153 постоянных комиссии и 38 временных. *Руководство со стороны сельсоветов здесь еще слабо*». (Разрядка везде моя. *С. З.*).

Как видно из этого сообщения, сельские комиссии были созданы по инициативе сходов, без участия советов и исполкомов, ибо о них ничего не знал губисполком, и таковые были лишь обнаружены инструктором губисполкома. Так что, нужно еще предварительно приглядеться, что собою представляют эти подсекции или сельские комиссии, а не делать на них ставку.

Тов. Резунов в своей брошюре «Сельсовет и земельное общество» упрекает меня в том, что будто бы я пытаюсь «изобразить дело так, что в земельных обществах руководство принадлежит сельсовету и он с середняком и бедняком дает отпор кулаку и другим темным элементам» [1]).

Прежде всего следует отметить, что тов. Резунов приписывает мне мысль, которую я не высказывал. Так, на странице 48 № 6 «Большевика», на которую тов. Резунов сделал ссылку, у меня написано: «Неправы те

---

[1]) Цитирую с разрешения тов. Резунова по рукописи его брошюры, стр. 6.

товарищи (и, в частности, тов. Кубанин), которые изображают дело так, что везде и всюду господствует в земельных обществах зажиточно-кулацкая верхушка. Правда, примеров и фактов засилья кулаков в земобществах можно привести много. Но есть много фактов и примеров и обратного порядка, когда организованная беднота, при поддержке середняков, дает отпор кулаку и другим темным элементам».

И дальше у меня приведены примеры, взятые из газетных источников и материалов инструкторских обследований, которые показывают, что при наличии руководства со стороны сельсоветов, партийных и комсомольских организаций, организованная беднота в союзе с середняком дает отпор кулацким махинациям в земобществах и на сходах.

Из приведенной мною выписки ясно видно, что я вовсе не утверждал того, что приписал мне тов. Резунов.

Я лишь только сказал, что есть немало случаев, когда в земобществах побеждают советские элементы. Но такие случаи приводит в своей брошюре и тов. Резунов; таким образом, попадает в смешное положение не я, а тов. Резунов, который, упрекая меня, совершает тот же самый «грех». Что я этим хотел сказать? Разве то, что в отношении руководства земобществами все обстоит благополучно?

Ничего подобного. Тогда вся моя статья не имела бы никакого смысла. Приведением положительных примеров я хотел показать, что установить руководство над земобществами вполне возможно. Это необходимо было сделать в связи с тем, что некоторые товарищи впали в панику и предлагали не руководство над земобществами и сходами, а борьбу с ними.

В самом деле, почему мы вынуждены сейчас констатировать засилье кулаков в земобществах и их сходах? Потому, что слабые еще сельсоветы не в силах были осуществить руководство над земобществами, а вышестоящие исполкомы, местные партийные и комсомольские ячейки не помогали сельсовету сплотить в земобществах бедноту и середняков и таким путем выбить оттуда кулака.

Неорганизованность бедноты в земобществах есть следствие того, что партийные и комсомольские ячейки до сих пор совершенно не интересовались происходящим в земобществах. Все материалы с мест говорят об этом. Вот иллюстрации:

Ульяновская газета «Пролетарский Путь» констатирует: «Ячейки вопросу руководства сельсходами уделяют крайне слабое внимание, организованного мнения ячеек, бедноты и актива на сходах нет. Члены ВКП(б) не считают своей обязанностью посещать сходы, а если кто и посещает, то или они молчат, или выступают вразброд, противореча друг другу, каждый со своим мнением, что, конечно, уменьшает влияние ячеек на население».

В Орловской губернии губ. РКИ произвела изучение вопроса о сельсходах, и это изучение показало, что участие на сельсходах деревенских партийцев весьма слабо. Почти 75% всех сходов проходит без внимания и влияния ячеек.

Обследователь земобществ по Саратовской губ. в отношении руководства парт'ячеек отмечает: «При изучении этого вопроса в 5 сельских ячейках ВКП(б) как по письменным материалам в ячейках, так и по ответам секретарей парт'ячеек, мною не установлено, за исключением отдельных случаев, чтобы парт'ячейки занимались систематически предварительной проработкой и обсуждением вопросов работы земельных обществ; отсюда и влияние ячеек на важнейшие мероприятия земельных обществ в большинстве случаев отсутствует».

Какое место во всей работе сельячеек занимают вопросы, связанные с руководством земельными обществами, показывает нижеследующая таблица обсужденных сельячейками вопросов в 1927 году:

Название вопроса	Чаадаевская парт. ячейка	Бакуровская ячейка	Сластущинская ячейка	Салтыковская ячейка	
				Бюро яч.	Общ. собр.
Внутрипартийных	7	10	2	18	18
Советско-админ.	4	8	3	3	4
Кооперативных	5	5	—	1	5
Культурных	—	2	1	4	3
Профсоюзных	1	—	—	6	3
Хозяйственно-строительн. (с.-х. и друг. знач.)	2	3	1	—	1
По работе с бедн.	—	2	—	—	—
Общеполитическ.	10	8	4	9	15
О работе среди женщин.	—	1	—	2	3
О работе среди КСМ	2	—	1	1	4

Из анализа приведенной таблицы видно, что в работе ячеек за целый год внимания вопросам, связанным с руководством земельными обществами, никакого не уделено.

Определенных форм партруководства земельными обществами в виде функций партийно-комсомольских совещаний в практике на местах не существует; так как уполномоченные земельных обществ все беспартийные, то парт'ячейка и здесь лишена возможности осуществлять свое партруководство. Участие отдельных коммунистов и комсомольцев на собраниях земельных обществ является не постоянным; если и являются, то разрозненно, в обсуждении вопросов зачастую активности не проявляют. Из этого нужно заключить, что парт'ячейки в общем никаких форм для себя не определили и их не отыскивают. Возможность созыва совещаний членов партии с комсомольцами земельных обществ ячейками не используется.

При обследованных земельных обществах учета беспартийного актива не ведется, а также и отдельной какой-либо работы, как-то: организованного выдвижения на активную работу из маломощных групп крестьянства, регулярных совещаний с активом, вовлечения на собрания парт'ячеек, индивидуальной связи с беспартийным активом—не заметно.

При таком положении руководства удивляться засилию кулаков в земобществах не приходится.

Поэтому самым важным делом в системе тех мероприятий, которые предлагаются для улучшения взаимоотношений сельсоветов с земобществами, является сосредоточение внимания низовых советов, партийных и комсомольских организаций на работе в земобществах.

Состоявшееся на-днях расширенное оргсовещание при орготделе ВЦИК наметило, в целях дальнейшего укрепления сельсоветов и установления правильных взаимоотношений между ними и земельными обществами, следующие мероприятия:

I. В отношении сельских советов:

1) Оформить в законодательном порядке образование, как правило, во всех сельсоветах самостоятельных бюджетов на основе сконцентрирования в сельбюджете доходных источников, имеющихся на территории сельсоветов.

Признать целесообразным включение в сельбюджет сумм, собираемых путем самообложения, при чем эти суммы должны расходоваться только

на целевые надобности согласно решениям, принятым на сходах; в соответствии с этим изменить закон о самообложении с тем, чтобы самообложение проводилось перед началом бюджетного года.

Поручить НКФ РСФСР срочно разработать план и порядок введения сельбюджетов и установить очередность их организации по отдельным административно-территориальным единицам.

2) Одновременно с введением самостоятельных сельских бюджетов, произвести укрупнение или разукрупнение сельских советов как в губерниях, так и в областных и краевых об'единениях на основе принципа экономического тяготения и единства в целях создания устойчивой сети сельсоветов, как крепких административных единиц, могущих полностью охватить экономические и бытовые потребности населения.

3) В целях подведения прочной материальной базы под сельские бюджеты передать в них: а) поступления от тех доходных источников, которые ныне находятся в ведении земельных обществ; б) все находящиеся на территории сельского совета источники местных неналоговых доходов, имеющие значение исключительно или преимущественно для данного сельсовета; в) налоговые доходы, как-то: отчисления от единого сельхозналога, надбавки к государственным промысловому и подоходному налогам с предприятий, находящихся на территории с/с, и с лиц физических и юридических, имеющих постоянное пребывание в его пределах, местные налоги и сборы, взимаемые на территории сельсовета. Размер отчислений от госналогов должен быть установлен с таким расчетом, чтобы сельбюджеты были бездефицитны и могли охватить все экономические и бытовые нужды населения.

В соответствии с этим передать в ведение сельсоветов: а) из ведения вышестоящих исполкомов и органов местные государственные имущества и угодья общего пользования несельскохозяйственного назначения исключительно сельсоветского значения (предприятия и, в частности, мельницы, крупорушки, кузницы, ремонтные мастерские и т. п., базарные и торговые площади, места под общественными зданиями, школами, кладбищами и т. п.); б) из ведения земельных обществ некоторые имущества и земельные угодья, как-то: предприятия (и, в частности, мельницы, крупорушки и т. п.), леса местного значения, месторождения общераспространенных ископаемых (песка, глины, мергеля, известняка, мела и пр.), непромысловые рыбохозяйственные угодья (озера, реки, пруды и т. п.).

Из'ятия имуществ не производить у тех земельных обществ, которые имеют коллективные формы хозяйства, а также у тех групп хозяйств в земельных обществах, которые перешли на коллективные формы хозяйства, однако, только в той части имуществ и угодий, которые земельным обществом выделены для коллектива.

4) В соответствующих законодательных актах оформить установление над всей деятельностью земельных обществ общего руководства и контроля со стороны сельсоветов.

5) В целях усиления влияния сельсоветов на земельные отношения местные исполкомы должны принять меры к действительному осуществлению сельсоветами своих прав в разрешении земельных споров на основе инструкции ВЦИК и СНК от 4/IV 1927 г. «о порядке участия сельсоветов в рассмотрении земельных споров отдельных граждан».

6) В целях усиления роли сельсоветов в отношении сельских сходов и устранения существующей путаницы на местах в отношении сельских и земельных сходов изменить Положение ВЦИК от 14/III 1927 г. «об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях» в направлении:

а) исключения из Положения разграничения между сельскими сходами и земельными сходами в тех случаях, когда сельсход по территориальному признаку совпадает с земсходом, и б) предоставления права сельсоветам

отменять незаконные или противоречащие общеполитическим директивам постановления сельсходов, кроме постановлений, принятых на отчетных или избирательных сходах, и определять порядок проведения в жизнь законных постановлений.

7) В целях укрепления работы секций при сельсоветах, и в особенности сельскохозяйственных секций, разработать конкретные инструкции о работе для каждого вида секции особо (для сел.-хоз. секций, культурно-просветительных и т. д.).

8) В целях устранения текучести работников сельсоветов и повышения их квалификации повысить зарплату председателей и секретарей сельсоветов путем государственного регулирования их заработной платы.

9) Предоставить сельсоветам право юридического лица.

10) Пересмотреть действующее Положение о сельсоветах в направлении расширения их прав на основе постановления ВЦИК и СНК от 23/VII 27 г. и всех последующих актов, расширяющих права сельсоветов.

II. В отношении земельных обществ.

Внести следующие изменения в раздел IV Земельного Кодекса:

1) Изменить ст. 45 Зем. Код., исключив ту ее часть, которая устанавливает право земельных обществ об'единяться в союзы, и установить такое право только для тех земобществ, которые имеют обобществленные формы хозяйства.

2) Ст.ст. 46 и 47 Зем. Код., определяющие состав земельного общества, изменить в таком направлении, чтобы пролетарские и полупролетарские элементы (батраки, пастухи, кузнецы и т. д.), обслуживающие своим трудом земельное общество или отдельные дворы его, автоматически получали право решающего голоса, как полноправные члены его без установления ценза в виде условия известного срока жительства на территории земобщества или определенного срока обслуживания земобщества или его отдельных дворов.

3) Из ст. 50 Зем. Код., определяющей формы управления земобществом, исключить примечание о том, что в земобществах, совпадающих в своих границах с территорией сельского совета, исполнительным органом земобщества является сельсовет.

Кроме того, в ст. 50 Зем. Код. внести дополнение о том, что выборы исполнительных органов производятся одновременно с перевыборами советов и утверждаются сельсоветами.

4) В ст. 52 Зем. Код. особо подчеркнуть то, что все члены земельного общества, не лишенные избирательных прав, совершенно равноправны; это необходимо сделать с целью ликвидировать фактически существующие привилегии домохозяев; с этой же целью нужно изменить ст. 53 З. К., исключив оттуда представительство дворов; в ст. 52 З. К. внести дополнение о лишении прав голоса в земельных обществах лишенных избирательных прав в советы.

5) Внести в Зем. Код. дополнительную статью о том, что сходы земельных обществ собираются уполномоченным земобщества по предложению сельсовета или $1/5$ части членов земобществ или по инициативе самого уполномоченного.

6) В целях развязывания инициативы более передовых элементов в земобществах изменить кворум сходов (ст. 53 Зем. Код.), а именно, для более важных вопросов (например, изменение порядка землепользования, дробимости или недробимости отдельных хозяйств, слияния земобществ, изменения или принятия нового устава)—не менее половины всех равноправных членов общества, а по остальным вопросам—не менее $1/3$ их. В случае неявки

установленного числа членов общества, второе собрание считается законным: для вопросов первой категории—не менее $1/3$ всех равноправных членов общества, а для вопросов второй категории—не менее $1/4$ членов.

7) Ст. 54 Зем. Код. изменить с тем, чтобы дела на сходах решались: вопросы первой категории большинством $3/5$ присутствующих на сходах, вопросы второй категории—простым большинством голосов.

Такие же вопросы, как переход к улучшенным или коллективным формам обработки земли, решаются простым большинством голосов.

Меньшинству членов земельного общества предоставить право выхода из общества с землей в случаях организации коллективных хозяйств.

8) Примечание к ст. 55 Зем. Код. изменить в том смысле, что контроль и наблюдение за деятельностью земельных обществ и их исполнительных органов возлагается на сельсоветы и вышестоящие исполкомы.

Кроме того, внести дополнение в том смысле, что, если постановления сходов земобщества нарушают директивы и распоряжения высших органов, противоречат задачам кооперирования или нарушают интересы бедноты, сельский совет имеет право приостанавливать такие постановления сходов и вносить на ближайший сход с предложением пересмотреть постановление. При несогласии сельского совета с новым постановлением земельного общества в указанных случаях земельному обществу или его отдельным членам предоставляется право обжаловать отмену в двухнедельный срок в ВИК или РИК, решения которых проводятся в жизнь. Жалобы земобществами подаются через сельсовет с его заключением.

Вся финансово-хозяйственная деятельность земобществ проверяется ревкомиссией при сельсоветах; однако, это право сельревкомиссий не отнимает права у самих земобществ производить проверку и контроль за финансово-хозяйственными операциями своих земуполномоченных.

9) В главу III разд. IV Зем. Код. внести дополнение в том смысле, что сельсовет имеет право требовать перед соответствующими земорганами лишения земельных угодий тех членов земобществ, которые ее оставляют без хозяйственного использования или сдают в аренду с нарушением закона (например, случаи сдачи в аренду земли зажиточно-кулацким хозяйствам).

10) Принять все меры к правовому оформлению земельных обществ путем перевода их на нормальный устав. Для этого поручить Наркомзему, во-первых, переработать устав в соответствии с вносимыми изменениями в Зем. Код. и в Положение о сельсоветах, и, во-вторых, принять меры к снабжению мест необходимым количеством нормальных уставов.

Мероприятия общеорганизационного порядка.

1) Считать необходимым дать по линии партийных, комсомольских, советских и профессиональных (союз сельхозрабочих) организаций директиву об усилении внимания и работы в земобществах в целях сплочения в них бедноты и создания бедняцко-середняцкого блока в земобществах.

2) Там, где есть парт'ячейка или отдельные коммунисты, практиковать в земобществах совещания из наиболее активных и сознательных батраков и бедняков, совещания бедняцко-середняцкого актива, а также практиковать собрания бедноты.

С. Струмилин.

К дискуссии о пятилетке Госплана.

(Ответ тов. Мотылеву).

Пятилетка Госплана в ее первых подготовительных вариантах подвергалась критике с весьма различных сторон и точек зрения. Особенно резко критиковали ее, разумеется, те общественные круги, для которых является неприемлемой самая идеологическая установка и целевые устремления нашей пятилетки. Но критика из враждебного нам лагеря получила уже достойную оценку в нашей печати, и к ней можно не возвращаться. В стенах Комакадемии при обсуждении пятилетки ее составители не услышали ни одного упрека против общих целевых установок, отраженных в нашей работе. Наоборот, неоднократно подчеркивалось, что установка—правильная. Но и для дружественной критики наша работа представляется, конечно, во многих отношениях уязвимой. И ее, разумеется, следовало и здесь, в этих стенах, подвергнуть самому тщательному критическому анализу.

Наиболее общим и важным упреком против нашей пятилетки, который мы услышали в Комакадемии был упрек в том, что на ряду с обилием и даже с некоторым избытком цифрового материала в нашей работе она недостаточно обоснована и оснащена с точки зрения качественного экономического анализа. Возражать против такого упрека в столь общей форме было бы смешно. Мы отнюдь не считаем наши проработки совершенством, и мы неоднократно сами отмечали черновой характер своей работы. Разумеется, мы охотно готовы признать, что в числе многих других дефектов у нас имеется и такой. Но от дружественной деловой критики, ставящей своей задачей не осудить, а исправить нашу работу, мы в праве требовать более конкретных указаний, чего именно недостает нам в области экономического анализа и в каких именно ошибках в наших конкретных плановых выводах или заданиях этот недостаток себя выявляет.

Делались нам и такие конкретные указания. Но не все из них были, на мой взгляд, удачны. В частности, весьма неудачны были критические указания тов. Мотылева, что мною и было, по мере сил, выявлено в моем заключительном слове. Тов. Мотылев не желает признать своей неудачи в этом споре и переносит дискуссию на страницы печати [1]). Ну, что же, мы готовы дать ему удовлетворение и на страницах печати.

1. О директивах XV с'езда.

Лучший метод обороны, это—нападение. И тов. Мотылев выявляет себя сразу отличным стратегом, с первых же слов внося совершенно новый момент в наш спор своим обвинением Струмилина в вопиющей недооценке директив XV с'езда партии о построении пятилетки (стр. 79). Это, конечно, мастерской удар. Шутка ли сказать! Чего стоит противник, проявивший

---

[1]) См. «Большевик», 1928 г., № 10.

явное неуважение к решениям своего верховного партийного органа? Это же совершенно конченный, мертвый человек. С таким оппонентом не трудно уже спорить.

Однако, в чем же сказалась моя вопиющая недооценка? Возражая оппонентам, умаляющим или отрицающим в нашей работе наличность качественного экономического анализа, я утверждал, что без такового мы не могли бы занять даже правильной целевой установки, которая у нас налицо, по признанию самих оппонентов. Но мы не усматриваем за собой никакой заслуги в этом, ибо качественный экономический анализ нашей хозяйственной обстановки и классовой структуры СССР дан составителям пятилетки, поскольку они учились у Маркса и Ленина, уже в готовом виде — во всех тех теоретических исследованиях и директивных документах, которыми располагает наша партия.

К числу этих документов относятся, конечно, и директивы XV с'езда, полученные нами уже после составления первых вариантов пятилетки. Изменяют ли они, однако, радикально наши основные установки в плане? Конечно, нет. XV с'езд не подвергал никакой ревизии ни программных, ни тактических установок партии в отношении к плановому хозяйству. Он дал им лишь дальнейшее развитие и оформление. Вот почему я мог совершенно уверенно сказать про директивы XV с'езда, что в этих директивах для всякого коммуниста-ленинца не может быть ничего «абсолютно нового и неожиданного». Тов. Мотылев находит в этом «вопиющую недооценку» директив с'езда. Отсюда можно было бы заключить, что, по его мнению, эти директивы представляют для него нечто «абсолютно новое и неожиданное». Однако, такая оценка решений с'езда была бы уместной лишь в устах врагов партии, обвиняющих ее в отказе от ленинского наследства и тому подобных грехах ревизионизма. Тов. Мотылев не идет так далеко. Он просто игнорирует словечко «абсолютно» и приписывает мне то, чего я не говорил.

По утверждению тов. Мотылева—«Струмилин не нашел в этих директивах ничего нового» (стр. 78). Этого я не говорил. Я не находил в них только чего-либо «абсолютно нового и неожиданного». А этого ведь и т. Мотылев в них не находит. Точно так же весьма не точно и следующее утверждение Мотылева: «Таким образом, тов. Струмилин считает, что директивы XV партийного с'езда лишь «просуммировали» те принципы, которые уже нашли свое отражение в пятилетке Госплана» (стр. 79). И этого я не говорил. Моя формулировка была совсем иная. Я утверждал лишь, что в директивах последнего с'езда «нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров». Иными словами, я хотел сказать, что решения XV с'езда нужно рассматривать как дальнейшее логическое развитие решений предшествующих с'ездов и других партийных инстанций, а тов. Мотылев подсовывает мне мысль, что они чуть ли не целиком и полностью заимствованы из пятилетки Госплана. Это, разумеется, далеко не одно и то же.

Зачем же понадобилось тов. Мотылеву столь существенно искажать и перетолковывать мои формулировки? Я не берусь решать этого вопроса. Думаю, однако, что интересам деловой, вдумчивой и добросовестной критики своих оппонентов такие полемические приемы мало помогают.

2. О темпах пятилетки.

Тов. Мотылев находит, что намеченные нами темпы развития народного хозяйства по оптимальному варианту недостаточны. «Этот вариант, несомненно, преуменьшен. Корни этого преуменьшения—в недоучете возможного

эффекта социалистической рационализации в условиях благоприятных урожаев, и благоприятной международной обстановки. Это становится совершенно очевидным при сопоставлении капитальных затрат с их эффектом. Оптимальный вариант проектирует капитальные затраты в сумме 22.192 млн. руб. против 18.514 млн. руб. (с учетом снижения цен) по отправному варианту. Таким образом, по оптимальному варианту капитальные затраты на 3.678 млн. или на 20% больше, чем по отправному. Между тем, по росту валового оборота, продукции, народного дохода оптимальный вариант превышает отправной лишь на 7—8%, несмотря на то, что разница между ними должна определяться не только эффективностью добавочных вложений, но и большей эффективностью капитальных вложений в целом, вследствие больших успехов рационализации и т. п. Эффективность капитальных вложений по оптимальному варианту явно недостаточна» [1].

Приведенный отрывок не допускает двояких толкований. Чтобы сделать «совершенно очевидным» недоучет эффективности капитальных вложений в оптимальном варианте, тов. Мотылев сопоставляет размер этих вложений с «их эффектом», а именно: он сопоставляет увеличение вложений на 20% с ростом народного дохода на 7—8%. Очевидно, стало быть, что эти 7—8% и являются, по мнению Мотылева, эффектом прироста вложений на 20%. Иначе незачем было бы их и сопоставлять. Из сопоставления следует, что этот «эффект» (8%) в два с половиной раза меньше прироста вложений (20%), несмотря на то, что по Мотылеву он должен бы даже превышать эту величину за счет рационализации старых предприятий и тому подобных добавочных факторов. Отсюда и следует вывод о «явно недостаточной» эффективности вложений оптимального варианта.

Вся убедительность и «очевидность» этого вывода основывается, однако, на очень шатком фундаменте. Тов. Мотылев считает сопоставимыми сравниваемые им величины, а они, увы, совершенно несопоставимы.

Эффективность капитальных вложений не такая простая категория, какой ее представляет себе тов. Мотылев. Она проявляется весьма многообразно. Если капитальные затраты только расширяют производственную базу, без какой-либо технической ее реконструкции, то весь эффект их сводится к соответствующему увеличению продукции. Но при значительных сдвигах техники новые вложения дают гораздо более сложный эффект. Прежде всего, они удешевляют производство, повышая производительность труда и сокращая всякого рода производственные затраты. А затем уже дают и тот или иной прирост физического об'ема продукции. При чем повышение органического состава капитала зачастую может привести к тому, что этот дополнительный эффект, измеряемый ценностью или количеством продукта на единицу затраченного капитала, будет даже относительно падать по сравнению с эффективностью прежних вложений при более низком уровне техники. Днепрострой, например, будет давать меньше киловатт энергии на каждый затраченный рубль капитала, чем многие из ныне существующих электростанций, но зато эта энергия будет обходиться много дешевле нынешних цен.

Уже из этого ясно, что одна продукция, взятая сама по себе, не является надежным мерилом эффективности капитала. Во всяком случае, всякие априорные заключения или прогнозы в этом отношении—без кропотливого технического анализа производственного эффекта каждого из намеченных об'ектов строительства в отдельности—были бы грубейшим упрощенством проблемы эффективности и не представили бы никакой практиче-

---

[1] «Большевик», 1928 г., № 3—4, стр. 11, курсив Мотылева.

ской ценности. Вот почему составители пятилетки опирались в своих оценках эффективности намечаемых вложений прежде всего на техническую экспертизу специалистов-производственников.

Тов. Мотылев отвергает эту техническую экспертизу, противопоставив ей свой арифметический аргумент: 8 меньше 20. Это выглядит чрезвычайно убедительно. Но горе тов. Мотылева в том, что его арифметика не удовлетворяет требованиям элементарного экономического анализа, на который он претендует. В сопоставлении тов. Мотылева заключается по меньшей мере три грубейших ошибки. Во-первых, прирост новых капитальных вложений он сопоставляет не с соответствующей этим вложениям продукцией, а со всей продукцией и новых и старых предприятий, т.-е. с эффектом всего капитала, взятого в целом. Во-вторых, данные о вложениях, взятые т. Мотылевым, относятся только к государственному сектору хозяйства, наиболее быстро растущему, а продукция берется им по всему народному хозяйству в целом. В-третьих, в цифру капитальных вложений им включены не только затраты на реконструкцию и новое строительство, но и затраты на капитальный ремонт, не создающие никакого нового производственного эффекта.

В своем заключительном слове в Комакадемии я за краткостью времени остановился только на первой из этих ошибок. Если принять за меру эффективности капитальных затрат соответствующий им п р и р о с т продукции и народного дохода, что допустимо, однако, лишь в качестве самой грубой ориентировки, то оптимальный вариант нашей пятилетки окажется эффективнее отправного не на 7—8%, как это определил тов. Мотылев, а по меньшей мере процентов на 30%, ибо народный доход по первому из них возрастает за 5 лет на 10.923 млн. черв. рублей, а по второму только на 8.446 млн. [1]). Уже эта одна поправка существенно меняет дело.

Оспаривает ли ее тов. Мотылев? Нет, нисколько. Настаивает ли он на сопоставимости приведенной им цифры «эффекта» в 7—8% с 20% прироста капитальных вложений? Нет, не настаивает. Больше того, он пытается теперь изобразить дело так, что он «вовсе не сопоставлял» этих цифр, что его просто не поняли и оклеветали, приписывая ему такое сопоставление. Однако, факт налицо. Сопоставление было сделано. И его автор должен об'яснить, зачем же ему понадобилось сопоставлять несопоставимое, да еще делать из этого никчемного сопоставления весьма категорические выводы.

«Сущность наших возражений,—заявляет теперь тов. Мотылев,—вовсе не в арифметическом сопоставлении 20% с 7—8%, а в установлении того положения, что разница между оптимальным и отправным вариантами должна определяться не только добавочными капитальными вложениями, но большей эффективностью основной суммы капитальных затрат и всех основных фондов...» [2]). Допустим, что это так. В более благоприятных условиях оптимального варианта и старые основные фонды могут оказаться более эффективными, чем в отправном. Но ведь если при 20-процентном росте новых вложений проектируется 30-процентный прирост их эффекта в цифре народного дохода, то в этой цифре н а ш л а уже свое отражение и рационализация старых предприятий и многое другое. Конечно, можно доказывать, что и 30% разницы недостаточно. Но будет ли это «совершенно очевидно» и ясно без всяких дальнейших доказательств, как это выходило у тов. Мотылева при его 7—8%? Нет, не будет. И напрасно, стало быть, тов. Мотылев пытается ослабить значение своей ошибки всякими контрфорсами. Написанного пером не вырубишь топором.

---

[1]) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 г.г.». М. 1928 г., стр. 13, 15. По валовому обороту и продукции эта разница еще выше (33%).

[2]) «Большевик» № 10, стр. 81—82.

Мы уже не говорим здесь о других ошибках, скрывающихся в том же сопоставлении тов. Мотылева. Если бы он сопоставлял эффект капитальных вложений с ростом продукции в пределах с р а в н и м о г о круга предприятий, то получил бы еще более значительную разницу для двух сопоставляемых им вариантов. Так, например, капитальные вложения по г о с у д а р с т в е н н о м у сектору нашей фабрично-заводской промышленности запроектированы по отправному варианту в сумме 5.791 млн. руб., а по оптимальному—7.124 млн., т.-е. на 1.333 млн. черв. руб., или на 20% выше, продукция же э т о й промышленности за 5 лет возрастает по отправному варианту на 3.640 млн. черв. р., а в оптимальном варианте—на 5.287, т.-е. на целых 45% выше отправного [1]). Разница—очень почтенная.

Можно ли ее признать достаточной?

Я затруднился ответить на это категорически, ибо, чтобы разрешить этот вопрос, следовало бы заново пройти и проверить весь тот многотрудный путь технической экспертизы по всем производствам и главнейшим об'ектам проектируемого строительства, которым разрешался вопрос об эффективности затрат в нашей работе по пятилетке. В сущности говоря, для такой поверки нужно заново проработать всю пятилетку. Госплан ее и прорабатывает в настоящее время под этим углом зрения. Было бы, однако, верхом легкомыслия стараться предвосхитить результат этой коллективной работы путем суб'ективной глазомерной оценки.

Иначе, однако, думает об этом наш строгий критик. «Можно ли считать нормальным такое положение,—восклицает он,—когда один из составителей пятилетки, крупный специалист по экономической статистике, затрудняется оценить степень эффективности капитальных затрат?» И, отвечая на этот вопрос отрицательно, заранее торжествует победу. На его взгляд это лишь подтверждает справедливость критики тов. Мотылева, упрекавшего нас в том, что вопрос о принципах и критериях оценки эффективности вложений не привлек у нас к себе должного внимания [2]).

На месте тов. Мотылева я, однако, не рискнул бы пользоваться столь косвенными признаками своей победы. Не кажется ли ему, например, что серьезный исследователь очень часто видит трудности именно там, где верхоглядy представляется все чрезвычайно ясным и совершенно очевидным. За примерами ходить недалеко. Проблема эффективности капитальных затрат привлекала к себе очень пристальное внимание составителей пятилетки, и все же они считают ее недостаточно проработанной и идут к удовлетворительному решению задачи утомительным путем повторных поверок и последовательных приближений. А вот тов. Мотылев разрешил ее в два счета, предложив такой критерий эффективности, от которого теперь сам всячески открещивается.

Какой же полезный урок отсюда он мог бы для себя извлечь?

Очевидно, разрешить сложную экономическую проблему гораздо труднее, чем ляпнуть сгоряча в полемическом увлечении какой-либо вздор. Но если уж случился такой грех,—и на старуху бывает проруха,—то лучше всего честно, по-большевистски признать свою ошибку, а не валить с больной головы на здоровую.

Должен сказать в интересах справедливости, что факт, обративший на себя критическое внимание тов. Мотылева действительно заслуживает всяческого внимания. И в среде составителей пятилетки Госплана возникали

---

[1]) «П е р с п е к т и в н. о р и е н т и р о в к а», стр. 25—26 и 50—51. С прибавкой негосударственной цензовой промышленности мы получили бы уже вместо 45 только 43%, а вместе с кустарной еще меньше—всего 41%. Тов. Мотылев (в «Большевике» № 10, стр. 82—83) сопоставляет затраты в ч е р в о н н о й валюте с продукцией в д о в о е н н ы х ц е н а х и потому получает иной результат.

[2]) «Большевик», № 10, стр. 83.

серьезные сомнения, не слишком ли мала та разница между двумя проектируемыми вариантами, которая выражается прибавкой народного дохода всего в 7—8%. Весьма вероятно, что в новой проработке нам удастся повысить эту разницу еще на 1—2%. Но, конечно, такие скромные поправки отнюдь не удовлетворили бы тов. Мотылева. Ведь и 10% будет меньше 20%.

Почему же, однако, речь может итти лишь о весьма скромных поправках?

Народный доход 1926—27 г. определился по нашей пятилетке в 25 миллиардов червонных рублей, из которых на обобществленный сектор падало всего 49%. Этот доход предполагалось повысить за пять лет с учетом снижения цен по одному, более осторожному, варианту на 33,7%, по второму,—оптимальному,—на 43,5% [1]). Говоря иначе, по оптимальному варианту мы рассчитываем достигнуть за 5 лет такого эффекта, для которого в условиях отправного варианта потребовалось бы до 6,5 лет, то-есть ускоряем свой темп роста на 29%. Выгадать на протяжении пятилетки полтора года, это—не шутка. Особенно если учесть, что основной рычаг нашего воздействия—капитальные затраты—обращается почти исключительно на обобществленный сектор. Частный сектор при этих условиях неизбежно отстает от социалистического. И можно сказать даже больше. Чем благоприятнее условия для роста социалистического сектора, тем они хуже для частнокапиталистического, сознательно вытесняемого нами в меру нашего роста изо всех его позиций. Таким образом, оптимальный вариант нашего плана отнюдь не является таковым же для частного сектора. Вот почему разница в цифрах общего итога народного дохода по всем секторам на 7—8% так относительно низка и малопоказательна. Она скрывает в себе гораздо более энергичный рост социалистического сектора, умеряемый замедлением или даже попятным движением сектора частнокапиталистического.

Мы растем пока как следует только одной своей половинкой, обращенной лицом к социализму. Но зато мы растем не только количественно, но и качественно, повышая с каждым годом удельный вес социалистического сектора в общем балансе. Этот факт социализации тоже не должен быть забытым при оценке эффективности наших плановых установок. Он об'ясняет замедленный рост нашего хозяйства, взятого в целом, в настоящем. Но в то же время он сулит нам ускорение темпов роста по мере обобществления остатков частнохозяйственного сектора в ближайшем будущем. Отсюда вытекает наша уверенность в том, что в порядке проектировки наших хозяйственных перспектив на ближайшие 10—15 лет мы, несомненно, будем иметь дело с возрастающими, а не с затухающими темпами роста. Но на протяжении ближайших четырех—пяти лет, как показывает нам конкретный анализ намечаемых затрат и их эффекта, мы в лучшем случае будем иметь рост по прямой или даже легкое затухание кривой роста.

Тов. Мотылев и в этом пункте не согласен с нами. Ему хотелось бы, повидимому, вообще изгнать из употребления в нашей плановой практике всякие затухающие кривые. И мы ему очень сочувствуем в этом деле. Но необходимость строить реальные хозяйственные планы, а не прекрасные воздушные замки и сверкающие всем цветами радуги мыльные пузыри, заставляет нас считаться с низменной действительностью и согласовывать наши кривые роста с трезвым учетом хозяйственных возможностей, а не с нашими личными вкусами и пожеланиями.

[1]) «Персп. ориент.», стр. 12—15. В неизменных ценах эти проценты еще выше: 57,8 и 69,4%. Напомним для сравнения, что в дореволюционной России мы даже за 13 лет с 1900 по 1913 г. имели реальный прирост народного дохода не свыше 40%, что за 5 лет дает около 14%, а за год не свыше 2,8%.

Опыт истекающего хозяйственного года, на который ссылается и т. Мотылев в подкрепление своего оптимизма, действительно, весьма поучителен. По отправному варианту последней пятилетки Госплана СССР мы в прошлом году запроектировали прирост продукции, планируемой промышленности за 1927—28 год по физическому ее об'ему на 17% [1]). Промфинплан ВСНХ поднял эту цифру чрезвычайно решительно до 23%, а опыт истекших восьми месяцев этого года указывает, что фактический прирост будет не свыше 20%, т.-е., примерно, как раз по середине между наметками перспективного и оперативного планов. При чем, несмотря на это недовыполнение программы ВСНХ, мы весь год испытывали известное перенапряжение наших хозяйственных и организационных возможностей. Тов. Мотылев в успехах этого года хочет видеть «блестящее» подтверждение возможности повышения намечаемых нами темпов развития по оптимальному варианту. И мы отнюдь не оспариваем такой возможности. Она, несомненно, имеется. Но на мой взгляд и опыт 1927/28 г. учит нас тому, что такими возможностями злоупотреблять не рекомендуется.

В заключение еще одно замечание. Тов. Мотылев, отмечая недостаточность оптимального варианта последней пятилетки Госплана, противопоставляет ему вариант ВСНХ, как образец, достойный подражания, ибо при «меньших» затратах он «проектирует большие достижения, чем оптимальный вариант Госплана» [2]). Я уже пытался об'яснить тов. Мотылеву, в какое забавное недоразумение он впадает, делая это сопоставление. Дело в том, что Госплан не имеет никакого другого оптимального варианта, кроме того, какой был предложен ВСНХ. Тов. Мотылев сопоставлял в данном случае два варианта одного и того же ВСНХ, первый—без учета 7-часового дня и повышенной сменности,—и второй —с учетом, хотя и не полным, этих заданий. В исправленной пятилетке Госплана (с учетом повышенной сменности) опубликован еще в ноябре 1927 г. как раз тот самый оптимальный вариант, который три месяца спустя в № 3—4 «Большевика», от 29 февраля 1928 г., предлагает нам принять за образец тов. Мотылев.

Повидимому, выступая в Комакадемии и в печати против перспективных построений Госплана, наш ученый критик даже не удосужился предварительно с ними ознакомиться. Это совершенно очевидно из следующего примечания к статье тов. Мотылева («Большевик» № 3—4, стр. 18): «После сдачи настоящей статьи в печать мы ознакомились в вышедшем со значительным опозданием № 12 «План. Хозяйства» за 1927 г. с новым проектом отправного варианта с учетом семичасового рабочего дня и увеличения числа смен. Отмечаем с удовлетворением, что исправленный отправной вариант ослабляет некоторые из отмеченых в статье недочетов...». И далее автор приводит из № 12, как совершенно для него новые, целый ряд цифр, опубликованных впервые еще в 11 номере с тою лишь разницей, что там были опубликованы вкратце и отправной и оптимальный варианты, а в следующей книжке дана более подробная расшифровка одного лишь отправного варианта. Однако, и теперь еще тов. Мотылев не желает признаться, что он проморгал во-время ознакомиться с нужной ему статьей и на этом основании подвергал запоздалой критике давно исправленные варианты. И сейчас еще он выражает «сомнение» в тожестве варианта контрольных цифр ВСНХ с нашим исправленным оптимальным вариантом.

Чтобы окончательно рассеять эти сомнения нашего критика, отмечу, что сумма капитальных вложений по исправленному оптимальному варианту Госплана, включая индустриализацию сельского хозяйства, наме-

[1]) «Планов. Хоз-во», 1927 г., № 11, стр. 270.
[2]) «Большевик» № 3—4, стр. 12.

чена им не в 7.298 млн. руб., как думает Мотылев, а в 7.262 млн., а за вычетом затрат на индустриализацию сельского хозяйства, не учтенных в проекте ВСНХ (174 млн., а не 134 млн., как ошибочно приводит тов. Мотылев), получаем как раз ту сумму в 7.088 млн. руб., какая значится и в контрольных цифрах ВСНХ [1]). Стало быть, ВСНХ отнюдь не проектирует «меньших» затрат, чем Госплан. Точно так же ничем не отличается и намеченная в обоих источниках цифра продукции по планируемой ВСНХ промышленности. А если тов. Мотылев и до сих пор еще не убедился в этом, то это лишний раз свидетельствует, насколько поверхностно он изучает те работы, какие берется критиковать, даже после того, как ему уже указали его ошибки.

Не знаю, удовлетворится ли этим ответом мой оппонент. Но, кажется, я не оставил без внимания ни одного из его деловых критических замечаний.

---

[1]) См. С. Струмилин. «Наши перспективы на 1927/28—1931/32 гг.». «План. Хоз.». 1927 г., № 11, стр. 68, и «Контр. цифры пятилетнего плана». ВСНХ. М. 1927 г., стр. 2; ср. статью т. Мотылева в «Большевике» № 10, стр. 83.

Л. Шацкин.

Замечания к проекту программы Коминтерна.

Проект программы Коминтерна, опубликованный «Правдой», в основном удовлетворяет тем требованиям, которые надо пред'являть такому исключительной важности документу. Однако, он содержит ряд спорных, или, по меньшей мере, неясных положений, которые необходимо подвергнуть дискуссии. Вместе с тем, на наш взгляд, в проекте не освещен или недостаточно освещен ряд таких вопросов, которые должны иметь место в программе Коммунистического Интернационала. Начнем с первой категории недостатков проекта.

I. Буржуазно-демократическая или социалистическая революция в странах со средним уровнем капитализма.

Проект программы делает вполне необходимую попытку определить основные типы перехода к диктатуре пролетариата в разных странах в зависимости от уровня развития этих стран. Проект делит все страны на три категории: «страны высокого капитализма (Соединенные Штаты, Германия, Англия и т. д.)», «страны со средним уровнем развития капитализма (Россия до 1917 г., Польша и т. д.)» и «колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.)». К сожалению, это разделение проведено недостаточно далеко: беспризорными остались такие, далеко не маловажные страны, как Франция, Чехо-Словакия и Италия, которые попали в разряд «и так далее». Это тем более существенно, что сама оценка перспектив стран со средним уровнем развития капитализма по меньшей мере не ясна и противоречива:

«Страны **со средним уровнем развития капитализма** (Россия до 1917 г, Польша и т. д.), с имеющимися налицо **значительными остатками полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве**, с известным минимумом индустрии, достаточным для победоносного социалистического строительства, с еще незавершенным буржуазно-демократическим преобразованием. **Здесь возможны случаи более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую**; здесь возможны демократические требования, перерастающие в ходе борьбы в требования рабочей революции; здесь **аграрная революция играет более или менее существенную роль; здесь диктатура пролетариата может наступить и не сразу, а в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социали-**

стическую,—т.-е. в процессе перехода от демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистической диктатуре пролетариата...» и т. д. (Разрядка, за исключением первой, наша. *Л. Ш.*).

Если речь идет о буржуазно-демократической революции, к тому же в таких странах, как царская Россия и Польша, то в высшей степени странно звучит утверждение, что «здесь аграрная революция играет более или менее существенную роль».

Поскольку дело касается царской империи, то общеизвестно, что Ленин считал аграрную революцию основным содержанием буржуазно-демократической революции в России. Не менее общеизвестно, что и в Польше аграрный вопрос является одним из главных вопросов будущей польской революции, которой предстоит по-плебейски уничтожить те остатки помещичьего землевладения, которые польская буржуазия тщательно охраняет во всякого рода куцых аграрных реформах.

Что же касается других стран со средним уровнем развития капитализма, фигурирующих под рубрикой «и так далее», то проект по отношению ко всем им говорит: «...с имеющимися налицо значительными остатками полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве». Если это действительно один из коренных признаков стран со средним уровнем капитализма, то говорить о «более или менее существенной роли аграрной революции» по меньшей мере, недостаточно. Тем более, что значительная часть таких партий, как польская, лишь после больших боев поняла значение аграрного вопроса в революции, и такого рода формулировки означали бы для ряда партий шаг назад.

Затем, неясно и спорно сформулирован вопрос о буржуазно-демократической и социалистической революции. Для царской России этот вопрос решен жизнью. Из ныне здравствующих капиталистических стран упомянута лишь одна Польша. Польские коммунисты должны знать, что на очереди в их борьбе, в развитии Польши: буржуазно-демократическая революция или революция социалистическая, демократическая диктатура рабочих и крестьян или социалистическая диктатура пролетариата. В приведенной нами цитате из проекта даны два ответа на этот вопрос для стран типа Польши. Первый ответ гласит: «Здесь возможны случаи более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую», т.-е. здесь этап буржуазно-демократический предполагается неизбежным, весь вопрос лишь в темпе его перерастания в социалистический этап. Второй ответ звучит несколько иначе: «Здесь диктатура пролетариата может наступить и не сразу, а в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, т.-е. в процессе перехода от демократической диктатуры рабочих и крестьян к социалистической диктатуре пролетариата», т.-е. пролетарская диктатура может наступить как сразу, так и не сразу. Иначе говоря, буржуазно-демократический этап может «случиться», а может его и не будет.

Не говоря уже о неясности всех этих положений, нам представляется неправильным определять содержание предстоящей революции в Польше и сходных с нею странах, как буржуазно-демократический переворот, и ставить перед польскими коммунистами задачу борьбы за демократическую диктатуру рабочих и крестьян. Нет никакой необходимости пересматривать в этом вопросе позиции польской партии, решения польских с'ездов, утвержденные Коминтерном, которые говорят о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата. Такие перспективы вполне правильны для Польши, несмотря на то, что аграрный вопрос и национальный вопрос в этой стране имеют гигантское значение и еще не разрешены.

Тут следует напомнить, что писал тов. Ленин в апреле 1917 г. (в споре с Каменевым), т.-е. в то время, когда ни аграрный, ни национальный вопросы в России не были разрешены, о характере нашей революции:

> «До февральско-мартовской революции 1917 г. государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.
>
> После этой революции власть в руках другого нового класса, а именно: буржуазии.
>
> Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции, как в строго научном, так и в политически-практическом значении этого понятия.
>
> Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена» (Т. XIV, ч. 1, стр. 28, разрядка Ленина).

Следующий этап революции — власть пролетариата, опирающаяся на бедноту,—должен был «доделать» (и доделал) буржуазно-демократический переворот. Октябрьская революция решила аграрный и национальный вопросы, но решила их «походя», т.-е. основным ее содержанием был пролетарский, социалистический переворот, а довершение буржуазно-демократических преобразований явилось «побочным продуктом» (хотя и крайне важным, исключительно важным) завоевания диктатуры пролетариата.

Ленин не уставал подчеркивать значение вопроса о власти в революции: «коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве». В определении характера революции вопрос о классовом содержании власти имеет решающее значение.

Следовательно, для того, чтобы пересмотреть прежнюю позицию в отношении Польши, необходимо доказать, что диктатура Пилсудского есть не орган польской буржуазии, поддерживаемый помещиками (последнее имеет место и в странах высокого капитализма, например, Германии), а орган дворянско-помещичьего господства, что буржуазия к власти еще не пришла, что не она, следовательно, является в ближайшее время главным врагом, против которого надо об'единять всех трудящихся и эксплоатируемых. Тогда надо коренным образом менять нашу оценку фашистской диктатуры в Польше (да и в Италии, которую трудно по уровню развития капитализма поставить на одну доску с С. Ш. С. А., Германией и Англией), тогда надо пересмотреть характеристику фашизма в самом проекте, как «террористическую диктатуру крупного капитала». В Польше, как и в Италии, буржуазия у власти, и на очереди борьба за диктатуру пролетариата.

Это не значит, что революционное свержение фашизма обязательно сразу же приведет к полной победе пролетарской революции, т.-е. к немедленному установлению пролетарской диктатуры. В зависимости от соотношения сил революция может разрешить сначала только первую половину задачи, т.-е. свержение фашизма (это не наш курс, но так может быть). Власть в этом случае попадает в руки либералов и реформистов. Так случилось в Германии в 1918 году. Но несмотря на то, что германская революция свергла монархию (т.-е. доделала демократическую задачу), никто не станет после 1848 г.; после бисмарковской «революции сверху», после решения (в основном) аграрного вопроса в интересах капитализма мучительным «прусским путем» называть революцию 1918 г. буржуазно-демократической революцией. Это было начало революции пролетарской, потерпевшей неудачу, благодаря измене социал-демократии и слабости влияния и организации комму-

нистов. Горький опыт научил коммунистов всего мира тому, что революция не всегда побеждает одним ударом, что ее восходящая линия иногда сменяется падением.

Из всего вышесказанного отнюдь вместе с тем не следует, что страны, в роде Польши надо приравнивать к странам высокоразвитого капитализма. Тут будут различные типы пролетарской революции, различные темпы развития, иные проблемы и методы их решения. Революция в Польше будет так же, как наша Октябрьская революция, соединением пролетарского восстания с крестьянской войной (и национальной революцией). «Доделывать» буржуазно-демократическую революцию здесь придется в неизмеримой степени больше, чем в Англии или Германии. Но все же доделываться эта революция будет диктатурой пролетариата. Это не утопия, ибо здесь есть, как признает проект, «известный минимум индустрии, достаточный для победоносного социалистического строительства».

II. Пролетарская диктатура и классы.

В проекте программы достаточно ясно подчеркнуто, что «диктатура пролетариата есть продолжение его классовой борьбы в новых условиях». Вопросы взаимотношений диктатуры пролетариата с различными классами имеют первостепенное значение. Между тем, по нашему мнению, вопрос о роли пролетариата в советском государстве сформулирован в проекте недостаточно полно. Там сказано в абзаце, сравнивающем пролетарскую и буржуазную демократию: «Оно (советское государство. *Л. Ш.)* лишает своих классовых врагов политических прав и дает ряд временных преимуществ пролетариату в целях упрочнения его руководящей роли по сравнению с распыленным мелкобуржуазным крестьянством». Совсем в другом месте,—где говорится о политике по отношению к крестьянству,—в придаточном предложении сказано: «отнюдь, не становясь, однако, на точку зрения какого бы то ни было раздела власти». Все это, конечно, абсолютно верно, но явно недостаточно. Надо не в придаточном предложении, а полным голосом изложить и обосновать одну из основных мыслей Ленина, что диктатура пролетариата есть власть одного класса, что она означает единовластие пролетариата.

Явно недостаточна постановка вопроса (в разделе о переходном периоде и диктатуре пролетариата, параграф, посвященный крестьянству) о борьбе пролетарской диктатуры против кулачества, против деревенской буржуазии. Вот что там сказано на эту тему: «Пролетариат должен, далее, нейтрализовать средние слои крестьянства и активно отбивать всякое нападение со стороны деревенской буржуазии, блокирующейся с помещиками». Почему только отбивать нападение кулаков, хотя бы и активно? Такая, по сути дела, пассивная формулировка тем более неуместна, что в соответствующем параграфе речь идет о «политике пролетариата в начальной стадии пролетарской диктатуры», т.-е. по общему правилу, тогда, когда будет клокотать гражданская война, когда сопротивление классового врага еще не сломлено, когда кулачество в девяноста случаях из ста будет поставлять основные кадры буржуазной контрреволюции и драться против власти рабочего класса с оружием в руках. Тут речь должна итти не о том, чтобы «активно отбивать», а о том, чтобы решительно подавлять сопротивление кулачества, энергично наступать на деревенскую буржуазию. Но приведенная нами формула недостаточно характеризует позицию пролетарской власти и после подавления вооруженного сопротивления кулачества. Методы взаимоотношений диктатуры пролетариата и деревенской буржуазии меняются. Можно себе представить и такие отрезки времени в переходном периоде, когда пролетариат будет действительно, исходя из конкретного соотношения классовых сил,—лишь активно отбивать нападения кулаков. Но не это генеральная линия пролетарской диктатуры. Генеральная линия пролетарской диктатуры может заключаться лишь в наступлении на кулачество. Программа Коминтерна должна яркими красками, быть может, словами Ленина, нарисовать все значение этой борьбы с кулачеством.

Совершенно недостаточны десять строк, посвященных проектом мелкой городской буржуазии, которая в странах развитого капитализма имеет гораздо больший удельный вес, чем, например, в России, где проблема отношения к крестьянству оттеснила на задний план вопрос о городской мелкой буржуазии. Проект рассматривает городскую мелкую буржуазию, как сплошную массу, не диференцируя ее. В этом его существенный недостаток.

Городская мелкая буржуазия, как и деревенская, будучи вовлечена в рыночные отношения, неизбежно расслаивается, выделяя на одном полюсе полупролетариев, домашних рабочих капиталистической промышленности, людей, задавленных скупщиком, ростовщиком, домовладельцем, капиталистической фабрикой, банком и т. д., а на другом—мелких предпринимателей, хотя и страдающих от конкуренции крупного капитала, но существующих уже за счет эксплоатации чужого труда (промышленной и торговой прибыли и т. д.). И если вся городская мелкая буржуазия представляет слой населения, который колеблется между крупной буржуазией и пролетариатом, то размах этих колебаний и, главное, их направление различны у разных ее прослоек. Поэтому необходимо различать верхушку городской мелкой буржуазии, с одной стороны, и городскую бедноту,—с другой, не только учитывая различия в их положении и интересах, но и используя их для мобилизации широчайших слоев городской бедноты на нашу сторону. Коммунисты должны пробудить в массах городской бедноты сознание отличия ее интересов от интересов зажиточной верхушки мелкой буржуазии, что отнюдь не означает отказа от вбивания клина между этой мелкобуржуазной верхушкой и крупным капиталом.

III. Гражданская война и военный коммунизм.

Вопрос о гражданской войне поставлен в проекте программы Коминтерна далеко не ясно. В проект включена мысль Ленина, что

> «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества, против внешних капиталистических врагов, против остатков эксплоататорских классов внутри страны...».

Но, не говоря уже о том, что эта общая характеристика диктатуры пролетариата не может служить достаточным ответом на вопрос о перспективах гражданской войны, решающее место проекта, специально посвященное этому вопросу, звучит несколько иначе, чем приведенные нами выше слова:

> «В связи с возможностью военной интервенции капиталистов и длительной контрреволюционной войны против диктатуры пролетариата может появиться необходимость в военно-коммунистической политике («военный коммунизм»)...».

В программной дискуссии подверглась до сих пор обсуждению главным образом вторая часть этой цитаты, касающаяся военного коммунизма. А между тем, обсуждению надо подвергнуть в первую очередь точку зрения

проекта на перспективы гражданской войны. Это необходимо как для того, чтобы внести ясность в самый вопрос о гражданской войне, так и для того, чтобы иметь достаточные предпосылки для обсуждения сложной проблемы военного коммунизма.

Тов. Петров («Дискуссионный листок» «Правды» № 1) на основании положения Ленина, что в России было легче начать революцию, но труднее строить социализм, а в передовых странах будет наоборот, развивает следующую цепь мыслей: вся тяжесть борьбы с классовым врагом падает на период до диктатуры пролетариата, факт появления диктатуры пролетариата означает «конец основной битвы», следовательно, и вопрос о политике военного коммунизма «при наличии диктатуры пролетариата в одной—двух передовых странах Запада теоретически снимается». Кроме неверно понятого положения Ленина, т. Петров доказывает свои утверждения надеждой на то, что «гром и молния» вкупе с «социалистическим озоном» «разбивают вдрызг капиталистические микробы». Но этого явно недостаточно для того, чтобы обосновать превращение гражданской войны победившего пролетариата со своими классовыми врагами из правила в исключение. Не правило, а исключение—таков первый возможный ответ на вопрос о гражданской войне.

Другой ответ дает проект. Смысл этого ответа («возможность») сводится к следующему: может быть, будет гражданская война, а может быть, ее и не будет. Правда, в приведенной нами цитате речь идет о военной интервенции и «длительной контрреволюционной войне», но нигде в проекте больше о перспективе гражданской войны прямо не говорится. Таким образом, цитированное нами положение должно явиться общим ответом программы на вопрос о гражданской войне. Да и в вопросе о длительности гражданской войны формулировка проекта тоже недостаточно ясна.

Ленин давал на вопрос о гражданской войне вполне ясный ответ: в качестве общего правила, гражданская война неизбежна. Правда, он считал в сентябре 1917 г. возможным избежать гражданской войны в России (тут же подчеркивая, что это был бы редкий случай в истории), при условии блока большевиков с эсерами и меньшевиками, который, как известно, не был осуществлен в России и который, конечно, не будет правилом в передовых капиталистических странах. Однако, поскольку речь идет о программных формулировках, о принципиальной установке, Ленин стоял на точке зрения неизбежности гражданской войны после завоевания власти пролетариатом.

В своем письме американским рабочим (1918 г) Ленин, отвечая на обвинение в разрушении промышленности и терроре, писал, что:

> «в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму гражданской войны...» (последняя разрядка принадлежит Ленину, т. XV, стр. 379).

В своей классической работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» он ставил вопрос с такой же определенностью:

> «Историческая правда состоит в том, что правилом является при всякой глубокой революции долгое, упорное, отчаянное сопротивление эксплоататоров, сохраняющих в течение ряда лет крупные фактические преимущества над эксплоатируемыми. Нигде—иначе, как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского—эксплоататоры не подчиняются решению большинства эксплоатируемых, не испробовав в последней, отчаянной битве, в ряде битв своего преимущества» (разрядка Ленина, т. XV, стр. 434).

Ленин в статье «О демократии и диктатуре» снова возвращается к этому вопросу, снова подчеркивает неизбежность, длительность, ожесточенность гражданской войны:

> «Только сладенькие мещане и филистеры могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного подавления сопротивления эксплоататоров. В Германии и Австрии это сопротивление пока еще не развернулось открыто, ибо пока еще не началась экспроприация экспроприаторов. Это сопротивление будет отчаянным, бешеным, когда такая экспроприация начнется. Скрывая это от себя и от рабочих, Шейдеманы и Каутские, Австерлицы и Реннеры совершают предательство интересов пролетариата...» (т. XV, стр. 567, разрядка моя. *Л. Ш.*).

Ленин неоднократно и подробно обосновывал неизбежность жестокой гражданской войны. Во-первых, «эксплоататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ» (деньги, движимое имущество, навыки организации и управления, образование, знание военного дела и т. д.). Во-вторых, «если эксплоататоры разбиты только в одной стране,—а это, конечно, типичный случай, ибо одновременная революция в ряде стран есть редкое исключение, — то они остаются все же сильнее эксплоатируемых, ибо международные связи эксплоататоров громадны». В-третьих, эксплоататоры находят себе опору среди наименее развитой части мелкобуржуазных масс. Ленин даже напоминает, что среди версальских войск были и пролетарии. Вот почему эксплоататоры могут организовать и в качестве общего правила организуют гражданскую войну против диктатуры пролетариата.

Эта точка зрения Ленина действительно основана на опыте всех революций во всех странах.

Даже ни одна буржуазная революция не обошлась без гражданской войны. «Мирное» развитие парламентарной Англии явилось результатом гражданской войны, которой сопровождался под'ем буржуазии к власти. Буржуазная революция в Америке прошла через войну за освобождение против англичан в XVIII веке и гражданскую войну в XIX веке. Великая французская революция ряд лет дралась против Вандеи и против коалиции иностранных интервентов. Революция 1848 года ознаменовалась гражданской войной в ряде стран и походом реакционных войск Николая I против войск революции.

Если так дело обстояло с революциями буржуазными, в которых власть переходила от одного эксплоататорского меньшинства к другому, то во сколько раз более неизбежной, более длительной, более кровавой должна быть гражданская война, связанная с пролетарским переворотом, свергающим всякую эксплоатацию, разрушающим тысячелетние устои. Ни одно восстание, приводившее к захвату власти пролетариатом, не обходилось до сих пор не только без внутренней гражданской войны, но и без интервенции. Париж 1871 года—борьба с версальцами, плюс осада Парижа и помощь контрреволюционерам со стороны пруссаков. Венгерская революция 1919 г.—гражданская война и военная интервенция чехо-словаков и румын. Баварская Советская Республика—война с прусскими войсками Носке. Финская рабочая диктатура 1918 г.—война с белой гвардией и интервенция германских империалистов. Наша революция—гигантская демонстрация неизбежности и законов гражданской войны и военной интервенции. После всех этих кровавых уроков, после такого взвешенного на весах истории опыта говорить о «возможности» гражданской войны по меньшей мере недостаточно. Этого опыта вполне достаточно для того, чтобы предвидеть неизбежность (в каче-

стве общего правила) гражданской войны в «передовых» странах капитализма.

Противники такой постановки вопроса могли бы сослаться на следующее замечание Ленина по поводу аграрных тезисов французской компартии (декабрь 1921 г.). «В современной Европе, после победы Советской России над всеми капиталистическими странами, поддерживавшими Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича и Пилсудского,—в современной Европе при безмерном и бесстыдном удушении Германии Версальским миром гражданская война французских капиталистов против победоносной социалистической революции во Франции может быть лишь весьма непродолжительна и в тысячу раз легче для французских рабочих и крестьян, чем для русских» (т. XX, ч. 2, стр. 477). Однако, такой ссылкой нельзя защищать формулировки проекта о гражданской войне, ибо Ленин в той же статье говорит про «неизбежные попытки французских, английских и других капиталистов подавить войной революцию рабочих и крестьян во Франции». Он советует французским коммунистам включить в тезисы указание о будущей революционной войне во Франции. А что касается непродолжительности этой войны, то Ленин не зря два раза подчеркивает, что речь идет о современной Европе, т.-е. о конкретных условиях революции в определенной стране Франции, в определенном году (1921 г.). Каковы были эти условия? Только-что все попытки буржуазной Европы задавить Советскую Республику кончились неудачей. Буржуазная Европа вынуждена была дать нам длительную передышку, она не могла тогда сразу возобновить войну против нас. Теперь условия не те. Сейчас мы живем с перспективой новой войны, переживаем не переход от войны к миру, а подготовку к новой войне против СССР, организуемую английским империализмом. В 1921 г. сама буржуазная Европа была глубоко расколота. Германия, превращенная в полуколониальную страну, «безмерно и бесстыдно» удушенная Францией, не могла бы, да и не захотела бы, помогать французским капиталистам. Она пыталась бы воспользоваться французской революцией для своего собственного освобождения от версальских оков. Теперь условия не те. Германия снова стала империалистической страной, сменила восточную ориентацию на западную и будет участвовать как в войне против СССР, так и тем более в войне против французской революции, которая была бы мощным толчком к развитию революции в самой Германии. Таким образом, «противоречие» между мыслями Ленина о неизбежности долгой и упорной гражданской войны и замечанием Ленина о Франции есть «противоречие» между правилом и исключением, между общей принципиальной установкой и исследованием конкретного случая, т.-е. противоречие кажущееся. Нет сомнения, что в программу Коминтерна надо взять первое, т.-е. принципиальную точку зрения Ленина на вопрос о гражданской войне.

Наличие Советского Союза не «отменяет» неизбежности гражданской войны в большинстве стран и не делает—в качестве общего правила и во всяком случае для первых Советских Республик после нашей—эту гражданскую войну весьма непродолжительной. Конечно, существование победоносной пролетарской диктатуры в громадной советской стране имеет гигантское значение для борьбы рабочих других стран, облегчает им эту борьбу. Тут надо учесть и моральную помощь СССР и возможности военно-организационной и экономической помощи. Но всего этого недостаточно для того, чтобы «снять» ту общую постановку вопроса о гражданской войне, которую дал Ленин.

Во-первых, не надо забывать, что буржуазия передовых капиталистических стран неизмеримо умнее, опытнее, организованнее своего ублюдочного российского собрата, что эта буржуазия учла опыт нашей революции и многому научилась за последнее десятилетие, что поэтому сопротивление свергнутой буржуазии какой-нибудь передовой капиталистической страны будет более ожесточенным, чем в России.

Во-вторых, чем более важны (с точки зрения мирового капитализма) те центры, на которые посягнет революция, чем больше эта революция будет распространяться на решающие центры, тем более энергично будет вся мировая буржуазия против нее бороться.

В-третьих, СССР еще не сильнее, а слабее всего капиталистического мира как в экономическом, так и в военном отношении, т.-е. существование Советского Союза, угроза его вмешательства в ход революции в какой-либо другой стране отнюдь не парализует еще неизбежных попыток мирового капитала притти на помощь тому отряду международной буржуазии, который подвергнется следующему удару пролетарской революции.

В-четвертых, и это самое главное, новая революция в какой-нибудь решающей капиталистической стране почти наверняка приведет к войне против Советского Союза, если последний попытается оказать прямую и существенную помощь новой Советской Республике, а от этой помощи мы отказаться никак не можем. Ведь, когда в 1923 г. разразился революционный кризис в Германии, Коминтерн и наша партия ориентировались не только на гражданскую войну в Германии, на интервенцию соседних государств против победоносных германских рабочих, но и на новую войну против СССР. Такая ориентация была вполне правильной. Именно так и надо поставить вопрос в программе Коминтерна.

Сотни раз Коминтерн и его секции в противоположность меньшевистским разговорам о мирном «врастании в социализм» утверждали и доказывали, что буржуазия восставшей страны при поддержке всей мировой буржуазии будет драться до последней возможности, что она ни за что добровольно не сложит оружия перед пролетарской диктатурой. Международная социал-демократия пугает рабочих ужасом гражданской войны, если они пойдут на революцию. Коммунисты не могут отвечать на эту агитацию успокоительно: а может гражданской войны и не будет. Наоборот, коммунисты обязаны готовить рабочий класс.

Вопрос о военном коммунизме находится в прямой связи с вопросом о гражданской войне, и лишь отсюда можно исходить (как это и делает проект) при формулировке проблем военного коммунизма. Всякие рассуждения о военном коммунизме вне связи с вопросом о гражданской войне бьют мимо цели, беспредметны и бесполезны. К сожалению, именно так поступает во втором номере «Дискус. листка» тов. Кузьмин.

Проект прямо связывает проблему военного коммунизма с вопросом о гражданской войне. Но поскольку гражданская война по проекту лишь возможна, постольку проект и вопрос о военном коммунизме ставит в такой форме: «может появиться необходимость в военно-коммунистической политике». Эта постановка вопроса представляется нам слишком неопределенной.

Прежде всего надо разобраться в том, что было ошибкой, а что было правильным в нашем военном коммунизме. Безусловно ошибочно было представление, будто мы при помощи военного коммунизма можем построить социализм, будто военный коммунизм и есть нормальный и целесообразный метод взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством в эпоху строительства социализма. Возможно, что отсюда вытекали и отдельные военно-коммунистические излишества в практике работы. Однако, для известного периода нашей революции военный коммунизм был об'ективно неизбежен и необходим, был обязательным условием победы над классовым врагом. Осуждая военный коммунизм как ошибку, с точки

зрения строительства социализма, Ленин *оправдывал его с точки зрения гражданской войны.*

Общеизвестно, что еще в 1918 г. Ленин, а с ним и вся партия (за исключением «левых» коммунистов) отнюдь не предполагала вводить системы военного коммунизма. Гражданская война *заставила* это сделать—вот что надо понять.

> «В условиях неслыханных экономических трудностей нам пришлось проделать войну с неприятелем, превышающим наши силы в 100 раз; понятно, что пришлось при этом итти далеко в области экстренных коммунистических мер, дальше, чем нужно: нас к этому *заставляли*. Наши противники думали, что они быстро покончат с нами, они думали не на словах, а на деле заставить нас подчиниться. Они говорили: «Ни на какие уступки не пойдем». Мы ответили: «Если вы думаете, что мы на крайние экономические меры не решимся, то ошибаетесь». И мы решились, мы это сделали и мы победили». (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 11).

Таким образом, политика военного коммунизма была *вынуждена* гражданской войной, она была об'ективно необходима. И если мы в 1921 г. поняли, что на основе такой политики построить социализм нельзя, то это отнюдь не означает, что вопрос о военном коммунизме «снимается» для других партий. Поскольку гражданская война, как правило, неизбежна, постольку неизбежны и военно-коммунистические мероприятия пролетарской диктатуры. Поскольку, как правило, эта гражданская война в *ближайших за нашей революциях* пролетариата передовых капиталистических стран будет затяжной и крайне ожесточенной, постольку отдельные военно-коммунистические мероприятия будут перерастать в систему военного коммунизма. Из этого правила могут быть исключения, обусловленные какой-либо своеобразной конкретной обстановкой. Но такова наиболее вероятная перспектива, о такой перспективе надо говорить в программе Коминтерна.

Буржуазные страны в 1914—18 гг. вынуждены были применить широчайшее вмешательство государства в производство и распределение, ряд крупнейших мероприятий государственно-капиталистического характера. Это тоже было не случайно, это заставила сделать империалистическая война. Пролетарская диктатура в условиях ожесточенной и упорной гражданской войны тем более вынуждена будет в интересах войны пойти на военно-коммунистические меры, что, во-первых, гражданская война вызывает не меньшие, а большие экономические затруднения, чем война империалистическая и, во-вторых, в гражданской войне организованный в государство пролетариат должен будет сокрушать сопротивление эксплоататоров, а следовательно, не только ударить по крупному капиталу, но и подорвать экономические корни его союзников (в первую очередь средней буржуазии и кулачества).

Надо напомнить, что говорил Ленин о военном коммунизме и нэпе, именно в связи с вопросом о программе Коминтерна на IV конгрессе. Из уроков нэпа он считал необходимым сделать «важные практические выводы для Коммунистического Интернационала» и поэтому предлагал отсрочить окончательное утверждение программы. Каковы эти выводы, почему надо было отсрочивать утверждение программы? Потому, что «мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном *отступлении* и об обеспечении этого отступления. А, между тем, с этим вопросом необходимо считаться в деле переустройства мира, уничтожения капитализма и связанного с такими трудностями создания социалистического строя» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 83, разр. наша. *Л. Ш.*). Ленин на основе уроков нашей революции, уроков нэпа поставил вопрос об отступлении не потому, конечно, что он считал, как в свое время оппозиция, что нэп вообще есть отступление социализма перед капитализмом, а потому, что он предвидел неизбежность военно-коммунистических мероприятий в условиях ожесточенной гражданской войны. Ведь для того, чтобы *отступить* на линию нэпа, надо прежде наступать *дальше* этой линии, надо прежде забраться на какие-то другие позиции. Отступление здесь может быть лишь от военного коммунизма к «новой экономической политике». В том-то и дело, что Ленин предвидел неизбежность выхода пролетариата (в условиях ожесточенной гражданской войны) за пределы экономической целесообразности и последующего отступления на позиции нэпа,—этого единственно целесообразного метода взаимоотношений между пролетариатом и мелкой буржуазией города и деревни в период строительства социализма.

Но тут надо сделать ряд *существенных оговорок.*

Отнюдь не обязательно, чтобы гражданская война и военно-коммунистические мероприятия советской властью начинались *сразу* же после появления пролетарской диктатуры. Опыт нашей революции показал, что возможны такие случаи, когда буржуазии не удается сейчас же после захвата власти рабочим классом организовать вооруженное сопротивление в большом масштабе, когда до этого проходит известный период времени, продолжительность которого зависит от конкретных условий борьбы в национальном и международном масштабе.

Затем, точно так же, как об'ем и удельный вес рыночных отношений, нэпа (согласно проекту) зависит от особенностей данной страны, от степени развития индустрии, от роли, которую играет мелкая буржуазия и т. д., точно так же *может быть весьма различен об'ем и удельный вес военно-коммунистических мероприятий в разных странах.* Это зависит от размаха гражданской войны, экономического положения страны, конкретного соотношения классовых сил и т. д. Отнюдь нет никакой необходимости в том, чтобы все или большинство компартий капиталистических стран целиком перенимали русский образец военного коммунизма. Учитывая наш опыт, они сумеют избегнуть многих ошибок, многих военно-коммунистических излишеств, которые вытекали не из об'ективной необходимости, а из ложного представления, будто военный коммунизм есть правильный и единственно-возможный метод строительства социализма. Не считая военный коммунизм нормальным методом строительства социализма, иностранные компартии будут развертывать военно-коммунистические мероприятия лишь с точки зрения их действительной необходимости, лишь в той мере и в том темпе, в какой мере и в каком темпе будет развертываться гражданская война и будет этого требовать политическая и экономическая оборона пролетарской диктатуры от восставших эксплоататоров и их зарубежных союзников. Все это, однако, не избавляет нас от необходимости ясно сформулировать свою принципиальную установку, основную перспективу.

IV. Остальные замечания.

1. В первом разделе дается характеристика *основных законов капитализма.* Но тут странным образом отсутствует одно из кардинальнейших противоречий капитализма—*противоречие между городом и деревней*, которое упоминается лишь очень кратко в разделе «Конечные цели Коминтерна». Тов. Бухарин в одной из своих последних статей великолепно раз'яснил все значение этого противоречия капитализма. Без упоминания о нем характеристика капитализма страдает существенной неполнотой. Это тем более важно, что законам развития капитализма в зе-

мледелии отведено очень мало места, а особой аграрной программы Коминтерна пока еще нет, и когда она будет—неизвестно.

2. Программа Коминтерна должна быть и является мировой программой, в том числе и программой большей половины человечества — колониальных и полуколониальных народов. Вопрос о борьбе против феодально-крепостнических пережитков в этих странах имеет громадное значение, что и отмечено в проекте. Но если это так, если еще большая часть населения мира стонет не только под гнетом империализма, но и под гнетом полуфеодальных пережитков, если победа над империализмом связана для колоний и полуколоний с революционной ликвидацией этих пережитков, то надо было дать в программе хотя бы краткую характеристику феодально-крепостнических отношений. Когда в 1919 году, во время спора о программе ВКП, часть товарищей предлагала ограничиться характеристикой империализма, Ленин возражал против этого, указывая, что без анализа общих законов капитализма программа не отразит всех имеющихся в действительности общественно-экономических явлений. Конечно, соотношение между капитализмом и феодализмом принципиально иное, чем между капитализмом и империализмом. Но для колоний отсутствие характеристики феодально-крепостнических отношений будет означать, что программа не отражает всей полноты, всего сложного переплета экономических и классовых отношений.

А это в свою очередь будет «ущерблять» мировой характер программы и затруднять как коммунистам угнетенных стран, так и передовым рабочим Запада понимание проблем колониальных революций.

Кроме того, нам представляется обязательно необходимым в перечне лозунгов колониальных революций добавить пункт, касающийся ростовщичества (примерно,—аннулирование всей задолженности крестьянства ростовщикам). Если это сказано в проекте по отношению к капиталистическим странам, то тем более борьба против ростовщичества должна быть подчеркнута в отношении Индии, Китая и других стран, где ростовщичество является воистину общенародным бедствием, где оно вызывает неменьшие беды и неменьшую ненависть, чем помещичья эксплоатация.

Наконец, гандизм критикуется в проекте по линии его религиозности, проповеди пассивности и т. д. Однако, этим учение Ганди отнюдь не исчерпано. Вне критики осталась его экономическая реакционность, его народнические идеи: возврат к чарке (ручная прялка), возврат к общине, остатки которой сохранились лишь в двух — трех провинциях Индии. А между тем, и экономическая сторона гандизма представляет весьма значительное явление в общественной мысли Индии (да и не одной Индии). И если мы вопрос об остатках общины в Индии можем в настоящее время (в связи с перспективами перерастания революции в социалистическую), поставить несколько иначе, чем революционные марксисты в России в конце XIX века, то все же гандистскую постановку вопроса мы обязаны критиковать.

3. Национальный вопрос освещен в проекте лишь в разрезе колоний. Это, конечно, основное. Но нельзя забывать и национального вопроса в Европе, который отнюдь не разрешен версальской перекройкой европейской карты. Такие факты последнего времени, как суд над эльзасскими автономистами во Франции и белорусской громадой в Польше, наглядно демонстрируют значение этого вопроса. Польша, Румыния, Чехо-Словакия, Югославия и др. страны представляют многонациональные государства, в которых вопросы национальной политики играют первостепенную роль. Программа Коминтерна должна мобилизовать под знамя революции не только колониальные народы, но и угнетенные национальные меньшинства украинцев, белоруссов, хорватов, венгров, немцев и т. д. Это тем более важно, что первые две из упомянутых нами стран являются соседями СССР и такими соседями, которые в будущей войне против Советского Союза будут играть далеко не последнюю скрипку.

4. К вопросам тактики. Проект пытается изложить основы тактики Коминтерна и дает правильную характеристику «левых» уклонов (отрыв от масс, путчизм и т. д.). Но отсутствует характеристика правых уклонов, против которых должна—по словам проекта—вестись такая же решительная борьба, как и против левых. Нам представляется, что правые уклоны обижены зря, тем более, что в последний год—полтора они играли немаловажную роль в жизни ряда основных секций Коминтерна. Можно возразить, что эти уклоны по сути дела социал-демократические, а о социал-демократии в проекте сказано недостаточно. Такое возражение свидетельствовало бы о грубом упрощенстве. Именно отношение Коминтерна к социал-демократии и является тем вопросом, где чаще всего вырастают «правые» уклоны. Дело, следовательно, не только в нашем принципиальном отношении к социал-демократии, но и в нашей тактике по отношению к ней. Сюда относится тактика единого фронта, которая лишь упомянута, в проекте без всяких пояснений. Надо указать основную цель тактики единого фронта (мобилизация масс и разоблачение социал-демократии) и сказать, какие основные опасности правого характера возникают в тактической деятельности компартии (хвостизм, отказ от критики социал-демократии и т. д.). Тогда проект сам выполнит свое же требование—вести такую же решительную борьбу против правых, как и против левых уклонов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

«ОРАТОРЫ РЕВОЛЮЦИИ. РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ». Предисловие Пауля Фрелиха. Берлин, 1928 г., стр. 127.

Reder der Revolution. Rosa Luxemburg. Mit Einleitung von Paul Frölich. Neuer Deutscher Verlag. Berlin. 1928.

Роза Люксембург, как известно, была прекрасным оратором. Ее речи представляли образец революционной проникновенности, захватывавшей не только сторонников, но и противников. Она не была поэтом слова, парламентским оратором, в роде Жореса; она брала своей резкостью, прямотой и необычайной простотой.

Рецензируемая книжка, т.-е. те 15 речей Розы Люксембург, которые собраны в ней, служат прекрасным подтверждением этой необычайной силы и притягательности красной Розы. Тов. Фрелих совершенно правильно указывает, что речи Розы Люксембург являются свидетельством беспрерывного революционного горения ее. «Она любила борьбу,—пишет он,—она искала опасности. И только тогда она сильно ощущала радость жизни, когда сталкивалась лицом к лицу с врагом» (11). Она была требовательна к своим единомышленникам, потому что была требовательна к самой себе. И уже это одно определяет всю ту резкость, с какой она обычно обрушивалась на противников, в особенности на извратителей основных положений марксизма в рядах социал-демократии.

Приведенные в книжке речи относятся главным образом к ее выступлениям на партейтагах германской с.-д. партии, 2 речи относятся к Лондонскому с'езду РСДРП (1907 г.), несколько речей—к избирательным кампаниям и одна—программная речь на учредительном партейтаге германской компартии 31 декабря 1918 г. Разумеется, в сборник включены не все речи Розы Люксембург, многие из них не включены; в частности совершенно отсутствуют ее выступления на конгрессах II Интернационала (Амстердамском, Штутгартском и Копенгагенском),—пробел, кстати сказать, ничем не оправдываемый. Затем, не все речи приведены полностью; некоторые из них—в выдержках. Тем не менее, приведенные 15 речей опрделяют Розу Люксембург в различных стадиях ее политической деятельности. Мы видим ее застрельщиком беспощадной борьбы с ревизионизмом и соглашательством; затем защитницей революционных принципов, выдвинутых русской революцией 1905 г., прекрасным партийным агитатором на предвыборных собраниях и, наконец, обосновывающей политику и тактику германской компартии, фундамент которой ею и был заложен.

Когда на Штутгартском партейтаге 1898 г. соглашатель Вольфганг Гейне попытался вместо давным давно выявленных конечных целей социализма подсунуть партии кое-что из реформистского арсенала Бернштейна, в частности, «демократизацию капиталистического государства», Роза Люксембург со всей стремительностью поставила его на надлежащее место. «Демократизация,—заявила она,—есть нечто специфически буржуазное, при чем лозунг «демократия» буржуазия написала на своем знамени задолго до нас» (17). Это—не цели социалистической партии; ее основной задачей, составляющей содержание борьбы подлинных социал-демократов, является только завоевание политической власти.

Эту мысль она не устает развивать на всех последующих партейтагах. В Ганновере (1899 г.) ей приходится уже выступать против всей бернштейновской компании. В речи, названной «Речь идет о захвате политической

власти», она детально прослеживает несостоятельность реформистской теории Бернштейна и его соратников, с точки зрения революционного марксизма. «Совершенно не серьезно верить в то, что пролетариат сегодня, в современном буржуазном обществе способен захватить экономическую власть. Можно говорить только о захвате политической власти, а затем уж об экспроприации капиталистической собственности. Бернштейн обвиняет Маркса и Энгельса в том, что они в наши условия перенесли политическую схему Великой французской революции. Но он-то сам вместе с прочими сторонниками «экономической власти» переносит в сферу пролетарской борьбы экономическую схему Великой французской революции» (21). Это, разумеется, должно быть отвергнуто, ибо «мы стремимся к полному преобразованию господствующей капиталистической системы хозяйствования, мыслимому не с помощью реформы... но только путем захвата политической власти» (22).

Русская революция 1905 года выдвинула на очередь старый вопрос о всеобщей стачке, как один из революционных методов борьбы. Обсуждение этого вопроса на Иенском партейтаге германской с.-д. партии (1905 г.) происходит в необычайно раскаленной атмосфере. Реформисты мобилизовали все свои силы, имея в виду принудить партию отказаться от всеобщей стачки, как несостоятельного метода классовой борьбы пролетариата. Роза Люксембург, разумеется,—на своем революционном посту. «Перед нашими глазами прошла русская революция,—говорит она в своем выступлении («Время уже прошло»),—и мы будем ослами, если мы на опыте ее ничему не научимся» (24). Революция не делается в перчатках, поучает она трусливого Гейне, отказывающегося взять на себя ответственность за «напрасное пролитие крови германского народа», как это делает «легкомысленный Бебель» (как известно, Бебель произнес на этом партейтаге блестящую речь в защиту всеобщей стачки и высказался за необходимость включения ее в арсенал пролетарского оружия); свидетельством этого может быть история, показывающая, что «все революции были куплены ценой крови народа». «Вся разница между прошлыми и грядущими революциями в том, что до сих пор кровь народа проливалась в интересах господствующих классов, а теперь—в своих собственных классовых интересах» (24).

Этому же вопросу также посвящена одна из последующих речей на открытом партийном собрании в Лейпциге (7 ноября 1905 г.). В этом выступлении она разоблачает тенденцию отвлечения внимания масс от нарастающих социальных конфликтов и обострения классовой борьбы. Эта тенденция проводится в международном масштабе. Во Франции—Жорес с своей проповедью мира, сильной и реальной лишь в обстановке мира (русско-японская война опрокинула все его теории), в Англии—окаменелые трэд-юнионы, в Германии—реформизм и т. д., при чем все они вместе проходят мимо величественной революции в России, подчас игнорируя ее.

Здесь уместно отметить, некоторую переоценку русской революции 1905 г., допущенную Розой Люксембург. Оторванная от русской действительности,она не имела надлежащего представления об экономической отсталости России, о соотношении классов; отсюда вытекала недооценка роли крестьянства в революции.

Блестящую речь Роза Люксембург произнесла на Лондонском с'езде РСДРП (май 1907 г.). Речь эта, целиком направленная против меньшевиков или, как она назвала их, «почтенных окаменелостей» (она не пощадила ни Плеханова, ни Аксельрода), рекомендовавших пролетариату проводить к власти чисто-буржуазное правительство и даже поддерживать кадетов, вызвала бурный протест среди ликвидаторов. «Тов. Роза Люксембург не сидит ни на каком стуле»,—отвечал ей Плеханов. «Она, подобно Рафаэлевой

мадонне, носится на облаках... отрадных мечтаний»... Правда, ее выступление безусловно марксистское, но «это—марксизм испарившийся, улетучившийся в жару революционной фразеологии». Вскрывая мелкобуржуазную сущность меньшевизма, она шла в ногу с большевиками, при чем эта солидарность особенно выявилась именно в данном вопросе—об отношении к буржуазным партиям.

Интересны прогнозы Розы Люксембург относительно мировой войны. В ее речи 1 декабря 1911 г., на предвыборном собрании в Лейпциге она дает отчетливо нарисованную картину надвигающегося вооруженного конфликта. В то время как Жорес носится с своей идеей наступившего триумфа человечности и гуманности над реакцией, говорит она, мы являемся свидетелями кровавой войны в центре Европы (итало-турецкая война в Триполи). Все это указывает на иллюзорность подобных идей. «Мы переживаем теперь наступление на пролетариат со всех сторон; и в обстановке этого наступления мы неослабно должны вести нашу борьбу» (76). Массы должны быть подготовлены дать решительный отпор этому наступлению. Задача социал-демократии не усыплять в массах инициативу, а пробуждать ее, толкать к действию. «Мы ясно и откровенно заявляем массам: будьте твердо готовы дать нам не только ваши голоса, но и вашу жизнь, если это будет необходимо» (79). «Смелость, смелость и еще раз смелость!» (89),—так заканчивает она свою другую речь («Опасности, порождаемые мировой политикой») в том же Лейпциге в мае 1913 г.

Совсем близкой нашей эпохе мы чувствует Розу Люксембург в ее программной речи на учредительном с'езде германской компартии (декабрь 1918 г.). К сожалению, речь приведена не полностью. Но уже по приведенной части можно судить о Розе Люксембург—вожде складывавшегося коммунистического движения в Германии. Немецкие социал-демократы теперь пытаются задним числом изобразить Люксембург разочаровавшейся в большевистской тактике и даже отрицавшей революционную сущность Октября. Но достаточно прочесть эту речь ее, чтобы понять, как несостоятельны и лживы утверждения германских соглашателей.

«То, что мы пережили 9 ноября,—говорила она,—на три четверти было скорее крушением нынешнего империализма, чем победой нового принципа. Попросту говоря, пришло время рухнуть империализму—этому гнилому колоссу на глиняных ногах. Затем началось более или менее хаотическое, лишенное плана, мало сознательное движение, связующим звеном и устойчивым опасительным принципом которого можно считать лозунг образования советов рабочих и солдатских депутатов. Это—ударный лозунг революции, наложивший на нее печать пролетарской социалистической революции, несмотря на половинчатость и слабость первого этапа ее: когда дело доходит до клеветы на русских большевиков, мы должны отвечать нашим противникам: где научились вы азбуке нынешней революции? От русских научились вы лозунгу: советы рабочих и солдатских депутатов. Людишки, считающие ныне своим долгом, во главе с так называемым германским социалистическим правительством (Р. Люксембург имеет в виду правительство Эберта—Шейдемана. *И. Б.*), коварно, рука об руку с английскими империалистами, подкапываться, против русских большевиков, в то же время опираться на советы рабочих и солдатских депутатов, а это все равно, что сознаться: первые лозунги всемирной революции выдвинула русская революция» (107, 108).

Мы сознательно привели эту длинную цитату. Она характерна для облика Розы Люксембург, подлинного оратора пролетарской революции, пользовавшегося необычайным авторитетом в народных массах. Однажды

«лидеры» партии, часто подвергавшиеся нападкам со стороны Р. Люксембург, потребовали от Бебеля поставить вопрос об исключении ее из рядов партии, или о применении к ней партийных взысканий. Бебель же заявил буквально следующее: «Эту щуку прошу не трогать, она в нашем пруду еще пригодится».

Тов. Фрелих приводит в предисловии интересный факт, характеризующий Розу Люксембург как оратора и народного трибуна.

Предвыборная кампания в рейхстаг в 1907 г. Роза Люксембург выступает на предвыборном собрании в Берлине. В числе многочисленных ее слушателей—два «обязательных слушателя»—полицейский офицер и жандарм—оба «хранители достоинства государства». Слушают оба внимательно, ибо с таким оратором, как Роза Люксембург, надо держать ухо востро. А она с исключительным мастерством лавирует вокруг скользких «запрещенных» тем, захватывая их общими штрихами, к великому огорчению «хранителей», не раз уже порывавшихся закрыть собрание. Наконец, офицер поднимается с места с твердым намерением «действовать». Тогда Роза Люксембург повертывается к нему и, не прерывая речи, уже говорит о тяжелой жизни мелкобуржуазных элементов, которые, находясь между молотом и наковальней,—между трудом и капиталом,—неизбежно пролетаризуются и испытывают всю тяжесть капиталистической каторги. Буржуазия одинаково эксплоатирует и врача, и юриста, и поэта и т. д. «И вас также,—обращается она непосредственно к полицейскому офицеру,—ибо вы, знаете ли об этом или нет, являетесь простым орудием, содействующим буржуазии в деле ограбления ею народа». Гром рукоплесканий был ответом на эти слова, при чем среди рукоплескавших были и полицейский офицер, и жандарм. Оба на миг забыли о своем «положении и достоинстве», о своих обязанностях и поддались общему, захватывающему чувству. Но это продолжалось только несколько минут. Оба быстро спохватились и поспешили вернуться в свое «исходное положение».

Рецензируемая книжка является первым выпуском целой серии книжек, посвященных ораторам. Судя по первому выпуску, нужно признать, что «Neuer Deutscher Verlag» задумало интереснейшее культурное издание, заслуживающее большого внимания.

И. Браславский.
